
Л515
513

ПРАВО ЛИЦА
и
ГОСУДАРСТВО.

Введеніе къ изученію юридическихъ наукъ

Ш. БЭДАНА

профессора Парижскаго юридическаго факультета и почетнаго декана.

Людей раздѣляетъ не столько
разность ихъ убѣжденій, сколько
сходство ихъ стремленій.
Веранжэ. Моя біографія.

Переводъ Х. Шуринова.

ВОРОНЕЖЪ.
Типо-Литографія «Воронежскаго Издательскаго Т-ва» Б. Дворян, д. Сомова.
1917.

ИВАНЪ ЛЕЖЁНИНЪ.

ПРАВО ЛИЦА
и
ГОСУДАРСТВО.

Введеніе къ изученію юридическихъ наукъ

Ш. БЭДАНА

профессора Парижскаго юридическаго факультета и почетнаго декана.

Людей раздѣляетъ не столько
разность ихъ убѣжденій, сколько
сходство ихъ стремленій.
Беранжэ. Моя біографія.

Переводъ Х. Шуринова.

ВОРОНЕЖЪ.
Типо-Литографія «Воронежскаго Издательскаго Т-ва» Б. Дворян, д. Сомова.
1917.

Право лица и Государство.

Введеніе къ изученію юридическихъ наукъ

Ш. Бедака

Профессора парижскаго юридическаго факультета и почетнаго Декана.

Людей раздѣляетъ, не столько разность ихъ убѣжденій, сколько сходство ихъ стремленій Беранже. Моя біографія.

Революція 1789 года расторгла узы, соединявшія въ дореформенномъ строѣ, лицо съ Государствомъ; она тѣмъ самымъ открыла эру индивидуализма: въ этомъ заключается весь духъ Декларации правъ человѣка.

Въ наши дни обнаруживается противуположная тенденція. ичность, или испугавшись своего одиночества или сомнѣваясь въ воихъ силахъ, предоставленныхъ самимъ себѣ, стремится укрѣпить вои связи съ общественными группами, хотя бы для пріобрѣтенія хъ поддержки, надлежало пожертвовать своей независимостью. нова обнаруживается стремленіе предоставить Государству преладаніе надъ частной иниціативой и даже надъ правами челоѣческой личности.

Откуда произошло столь живительное и могущественное двиѣніе въ концѣ прошлаго вѣка? Откуда и подъ какими вліяніями зникло движеніе въ обратномъ направленіи, которое мы наблюемъ въ наши дни? Я хотѣлъ бы это изслѣдовать въ этомъ соненіи, и для этого я сдѣлаю краткій обзоръ тѣхъ превращеній, торыя испытывала въ прошломъ идея индивидуальнаго права, бы выяснить основы, современныхъ, враждующихъ между собою, ученій.

Вѣчный вопросъ о принципѣ права лежитъ въ основѣ этого сочиненія. Нѣтъ болѣе существеннаго вопроса, охотно скажу, болѣе современнаго, хотя онъ старъ, какъ міръ. Общество можетъ быть могущественно и можетъ процвѣтать, невзирая на крупныя заблужденія въ наукахъ о мірѣ физическомъ; такъ, напримѣръ, долгое время думали, что солнце вертится вокругъ земли, и это

не помѣшало человѣчеству имѣть славные моменты въ своемъ историческомъ развитіи. Напротивъ того, стоитъ заблужденію нравственнаго или политическаго порядка внѣдриться въ страну, чтобы судьба ея была предрѣшена; народы, которые не подчиняются дисциплинѣ принциповъ, рано или позно подпадаютъ подъ дисциплину силы. Въ особенности въ демократическомъ обществѣ, гдѣ общественное дѣло есть, дѣло всѣхъ, никто не можетъ жить съ достоинствомъ и выполнять свой гражданскій долгъ не имѣя о собственной личности, своихъ ближнихъ и объ своихъ отношеніяхъ къ нимъ, объ обществѣ, въ которомъ онъ живетъ, ясныхъ представленій, съ которыми онъ соразмѣрялъ бы свои мысли и поступки.

Въ мои намѣренія не входитъ написать сочиненіе аналитическаго характера, еще менѣе метафизическаго. Я буду пользоваться изъ научныхъ системъ въ ихъ исторической послѣдовательности только ихъ общими формулами и буду разсматривать эти послѣднія въ ихъ приложеніи къ обществу и государству больше, чѣмъ въ отношеніи ихъ внутренней сущности.

Предоставляю публикѣ результатъ изслѣдованія, которое я, сперва, когда приступалъ къ нему, предполагалъ сдѣлать лишь для себя; главнымъ образомъ предоставляю его воспитанникамъ нашихъ школъ, которые найдутъ въ немъ, я увѣренъ, полезное введеніе къ изученію юридическихъ наукъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общія понятія.

§ I.—Законъ и Право.

1. Въ началѣ 1791 года Барнавъ уже обезпокоенный страстнымъ возбужденіемъ, которому суждено было вскорѣ послѣ этого скомпрометировать твореніе 1789 года, говорилъ Учредительному Собранію: «Не достаточно желать быть свободными, нужно еще умѣть быть свободными» [1]).

Право, въ самомъ общемъ смыслѣ этого слова, есть наука о свободѣ. Объектомъ его является разумное пользованіе человѣкомъ своими способностями, направленіе человѣческой дѣятельности посредствомъ разума и убѣжденія.

2. Всюду гдѣ люди соединены вмѣстѣ, какое бы ни было ихъ число, лишь бы ихъ было нѣсколько, между ними возникаетъ треніе чувствъ противуположеніе взглядовъ и въ особенности соперничество въ стремленіяхъ. Гдѣ наклонности предоставлены самимъ себѣ и своему естественному влеченію, тамъ неизбѣжно столкновеніе личностей, такъ какъ инстинктъ прямо преслѣдуетъ ближайшій способъ своего удовлетворенія. Борьба эгоистическихъ силъ, независимость, присущи обществу въ его естественномъ состояніи.

Въ природѣ существуетъ законъ, предшествующій законамъ человѣческимъ и управляющій индивидуальными страстями, это—нравственность. Люди равны и свободны: слѣдовательно, имъ запрещается другъ друга уничтожать и превращать однихъ въ рабовъ другихъ; одинъ изъ способовъ пользованія человѣкомъ своею свободой заключается въ ограниченіи ея проявленія во имя ближняго: отсюда ненарушимость разъ даннаго слова, какъ гражданскій долгъ и т. д. Но нравственность или законъ природы не представляетъ изъ себя дѣйствительной природы независимости, такъ какъ человѣкъ имѣетъ возможность пренебречь законами своего существа; въ этомъ его слабость, но въ то же самое время и его достоинство, такъ какъ отсюда вытекаетъ для него свобода воли. Съ другой стороны независимость, свободная отъ всякихъ преградъ, могущихъ ее удержать отъ злоупотребленій есть тягчайшее изъ золъ: это тиранія въ пользу наиболѣе сильнаго и наибо-

---

[1]) Duvergier de Hauranne Histoire parlamentaire, t. I, p. 201.

лѣе смѣлаго: «Тамъ гдѣ каждый можетъ сдѣлать, что онъ желаетъ», говоритъ Босюэтъ, «тамъ никто не дѣлаетъ того, что желаетъ; гдѣ нѣтъ господина, тамъ всѣ господа, гдѣ всѣ господа, тамъ всѣ рабы» [1]). Также во всякомъ обществѣ, каковы бы ни были его размѣры, возникаетъ чувство сначала смутное, а затѣмъ, вскорѣ, освѣщаемое разумомъ, которое приводитъ человѣка къ сознанію, что онъ не можетъ находиться въ присутствіи своего ближняго, не допустивши, какъ основаніе для своихъ взаимоотношеній къ нему, понятіе о правѣ ближняго и чувство личнаго взаимнаго уваженія. Въ этомъ заключается зародышъ идеи справедливости. Установленіе дисциплины и порядка дѣятельности каждаго отдѣльнаго индивидума въ цѣляхъ обезпеченія общей пользы является насущнѣйшей потребностью народа, просыпающагося къ общественной жизни, также точно, какъ и всякаго общества, хотя бы и временнаго, разъ оно возникло. Паскаль по этому поводу дѣлаетъ мудрое замѣчаніе: «Забавно подумать», говоритъ онъ, «что существуютъ на свѣтѣ люди, которые, отрѣшившись отъ всѣхъ законовъ Божескихъ и человѣческихъ, тѣмъ не менѣе создали себѣ собственныя правила, которымъ слѣдуютъ неукоснительно; такъ напр. воры» [2]).

Это чувство общей пользы, эта идея порядка и устройства во имя общей цѣли является основой гражданскихъ обществъ. Они являются вмѣстѣ съ тѣмъ постояннымъ источникомъ права, которое есть регуляторъ гражданскихъ обществъ, также точно, какъ нравственность есть регуляторъ общества въ его естественномъ состояніи. Независимость, сдерживаемая въ границахъ, во имя необходимости жизни въ обществѣ, разумъ управляющій инстинктомъ образуетъ практическую справедливость; объектомъ права является ее опредѣленіе и обезпеченіе уваженія къ ней; про него можно сказать, послѣ того, какъ его понятіе будетъ подвергнуто научному анализу, что оно есть гармонія свободъ.

3. Такъ какъ человѣкъ предопредѣленъ, какъ врожденною склонностью, такъ и силою необходимости къ жизни въ обществѣ себѣ подобныхъ, такъ какъ онъ по опредѣленію Аристотеля, столь часто повторяемому, «существо по природѣ своей общительное» [3]) то отсюда слѣдуетъ, что право безъ котораго нельзя себѣ представить существованіе общества, является какъ бы слитымъ съ самою судьбою человѣчества; оно отвѣчаетъ инстинкту и именно инстинкту общительности. Хотя право является продуктомъ человѣческой дѣятельности, проявляясь въ различныхъ установленіяхъ, тѣмъ не менѣе оно преслѣдуетъ цѣль, лежащую въ самой природѣ; его начало и его сущность находятся въ самой силѣ необходимо-

---

[1]) Politique tirée de l'Ecrlture Sainte; L. I, art. III, prop. 4.

[2]) Pensées 1, 9, 49. La méme remarque a étè faite maintes fois dans l' antiaquité. V. la note de Barbeyrac dans sa traduction de Gratius. Discours preliminaire § XXIV note 1.

[3]) Politidue L. I, § a.

сти. Понятіе права является такимъ образомъ естественной первичной идеей (un concept naturel).

Не человѣческія соглашенія создали общество; они только установили его политическую организацію. Цивилизація именно и состоитъ въ опредѣленіи отношеній въ гражданскихъ обществахъ, т. е. такихъ, гдѣ прекратился между людьми самосудъ, существовавшій въ обществѣ въ его естественномъ состояніи, въ которомъ справедливость всецѣло подчинена личному произволу. Цивилизація началась съ того дня, когда разумъ постигъ необходимость дисциплинировать частную дѣятельность ради согласованія ее съ установленнымъ порядкомъ, необходимость умѣрять, въ случаѣ надобности, даже обуздывать, индивидуальныя силы, словомъ необходимость признанія авторитета. Страна цивилизована когда большая часть ея жителей уважаетъ и умѣетъ заставить уважать установленный порядокъ, а также и ту власть, которая стоитъ на стражѣ этого порядка; степень цивилизаціи измѣряется бо́льшимъ или меньшимъ вліяніемъ на нравы и направленіе мысли со стороны наиболѣе воспитанной и наиболѣе образованной части націи.

4. Если обратиться къ изслѣдованію, въ чемъ заключаются тѣ основныя начала, изъ которыхъ возникли государственныя установленія и которыя объясняютъ ихъ развитіе, ихъ превращенія и ихъ вымираніе, то оказывается, что они весьма просты и число ихъ весьма ограничено. Ихъ разнообразіе въ отношеніи времени и мѣста только кажущееся; оно проявляется только въ отношеніи ихъ приложенія или ихъ формъ, которыя преходящи, т. е. въ отношеніи ихъ практическаго примѣненія. Находясь въ зависимости отъ случайныхъ причинъ, разнообразіе основныхъ началъ объединяется въ одномъ общемъ положеніи: они отвѣчаютъ вѣчному запросу человѣческой свободы, непрестанно угрожаемой произволомъ; результатомъ этого является ихъ объединеніе въ одну идею защиты, которая будучи одухотворена превращается въ идею справедливости. Всѣ власти при своемъ возникновеніи носятъ характеръ защиты: съ этимъ онѣ рождаются; слишкомъ часто онѣ утрачиваютъ его, становясь притѣснителями: это и служитъ причиной ихъ паденія.

Для избѣжанія тираніи личныхъ инстинктовъ, для удовлетворенія повседневной потребности въ правящей силѣ, люди прибѣгли въ самомъ началѣ къ учрежденію распорядительной, патріархальной власти, священнослужительской или военноначальнической.

Будучи не въ силахъ защитить себя противъ внѣшняго міра, противъ стихій или противъ своихъ ближнихъ, человѣкъ ищетъ своей безопасности въ подчиненіи; призванный вождь, какъ бы онъ не назывался, имѣетъ своей миссіей и облекается властью къ установленію права каждаго и къ удержанію стремленій этому праву противорѣчащихъ. Это есть первый зародышъ государства.

Основаніе авторитета власти въ данномъ случаѣ совершенно матеріальное:—это сила; личность исчезаетъ; прерогативы отдѣльнаго человѣка обезпечиваются подчиненіемъ всѣхъ; существованіе признается только за группой, общиной: права носятъ характеръ коллективный.

Конечно эта первичная форма общества не можетъ не быть преходяща. Сама по себѣ будучи совершенно неустойчивой, она, вдобавокъ, неспособна предупредить опасности борьбы личностей. Дѣйствительно справедливость достойна своего имени только тогда, когда она ограждена отъ страстей того, кто призванъ ее осуществлять; для того же кто не поддается уговору словесныхъ увѣщаній, а требуетъ правосуднаго рѣшенія своего дѣла установленнымъ посредникомъ, такое положеніе вещей равносильно подчиненію произволу и самопроизвольному толкованію этого посредника. Можетъ, конечно, случится, что носитель дискреціонной власти во время ея осуществленія будетъ безпристрастенъ и даже благожелателенъ, такъ какъ наиболѣе абсолютный носитель власти любитъ выказывать свое безпристрастіе, когда его интересъ не задѣтъ; но это всего только счастливая случайность, милость судьбы, но отнюдь не общее правило. Умѣренность, въ рукахъ правителя, сколь бы она не была необходима вездѣ и всегда, само по себѣ, не можетъ служить гарантіей; рано или поздно, какъ только обстоятельства начнутъ тому благопріятствовать защитникъ превращается въ повелителя, и этотъ повелитель обращаетъ къ служенію своимъ личнымъ интересамъ ту власть, которая ему была предоставлена во имя общаго блага. Неустойчивость здѣсь замѣняется такою же неустойчивостью, очень можетъ быть, ей можно предпочесть опасности и приключенія, происходящія отъ независимости въ обществѣ въ его естественномъ состояніи.

5. Для того чтобы оградить личность, не посягая на ея законныя проявленія, а наоборотъ обезпечивая ихъ, надо было поставить поверхъ людскихъ силъ не человѣка, который, какъ таковой склоненъ къ страстямъ и къ слабостямъ, но безличную волю, тѣмъ самымъ безпристрастную и постоянную. Таково было происхожденіе и такимъ остается роль закона, усовершенствованной формы соціальной защиты. Авторитетъ, вмѣсто того чтобы быть переданнымъ вождю, пребываетъ въ правилѣ, въ правилѣ неподвижномъ, сдерживающемъ столкновенія и судящемъ разногласія; орудіемъ его служитъ Государство, которое его олицетворяетъ и которое является, какъ бы общественнымъ установленіемъ права. Зависимость отъ воли вождя перенесла опасность на новое мѣсто; подчиненіе же правилу, мѣрилѣ дѣятельности, по которому каждый обязанъ что-либо дѣлать или чего либо не дѣлать, совершенно уничтожаетъ опасность. Тамъ, гдѣ управляетъ законъ тамъ не человѣческая воля, всегда въ большей или меньшей мѣрѣ колеблющаяся и измѣнчивая, опредѣляетъ сферу проявленія дѣятельности

каждаго, а разумная установленная формула, неподвижная и постоянная, болѣе сильная, чѣмъ чтобы то ни было; ею устанавливается практическая свобода и польза, которыя Монтестье такъ опредѣлаетъ: «Это спокойствіе духа, которое происходитъ отъ убѣжденія, что каждому обезпечена его безопасность» [1]). И что можетъ быть болѣе успокаивающаго, какъ сознаніе того, что все предусмотрѣно закономъ настолько, что всякія предвидѣнія и всякія послѣдствія дѣятельности найдутъ себѣ защиту въ авторитетѣ неизмѣнномъ и безличномъ, болѣе сильномъ чѣмъ всякая частная воля.

Въ дѣйствительности человѣкъ подчинившись закону теряетъ часть своей свободы дѣйствія; но онъ добровольно отказывается отъ этой части для того, чтобы спокойно пользоваться, проистекающей отсюда выгодой; потеря права лица въ размѣрахъ пользованія вознаграждается обезпеченностью пользованія. Если нѣтъ больше независимости, то за то по крайней мѣрѣ въ наличности свобода; такая которая допустима общественной жизнью и которая состоитъ въ подчиненіи лишь однимъ законамъ, въ пользованіи своими правами въ предѣлахъ указанныхъ закономъ и подъ ихъ защитою. Въ этомъ отношеніи вредный законъ лучше неувѣренности при самовластіи, также точно какъ извѣстная опасность менѣе страшна, чѣмъ непрестанная угроза. Сколь-бы ненавистна могла сдѣлаться законность, проявляемая съ неумолимой строгостью и безпощадностью, все же она лучше царства произвола. Монтескье обнаруживаетъ это положеніе съ поразительной ясностью: «Надо точно установить въ сознаніи, въ чемъ состоитъ независимость, въ чемъ состоитъ свобода. Свобода есть право дѣлать то, что законами дозволено, и если бы гражданинъ могъ дѣлать то, что ими запрещается, то онъ не былъ бы болѣе свободенъ, такъ какъ другіе имѣли бы ту же самую возможность» [2]).

6. Тѣмъ не менѣе ожиданія опять должны были быть обмануты. Общественная защита, подъ какой бы формой мы ее не искали, должна имѣть для достиженія своей цѣли, противовѣсъ, который ее ограничивалъ бы и препятствовалъ ей измѣнить своему назначенію. Если организація порядка посредствомъ закона освобождаетъ человѣка отъ риска произвола, зато она оставляетъ его во власти всевозможныхъ посягательствъ со стороны законодателя, который, въ случаѣ если онъ развратенъ или только безпринципенъ, можетъ превратиться въ тягчайшее изъ бѣдствій: въ вооруженную несправедливость. Тацитъ говорилъ про законъ Августа, создавшаго для семьи источникъ неисчислимыхъ бѣдствій въ слѣдующихъ могучихъ и яркихъ выраженіяхъ: Utque antehac flagitiis ita tunc legibus laborabatur! [3]). Прежде страдали отъ безпорядковъ, теперь испытываютъ пытки рабства отъ законовъ.

---

[1]) Esprit des Lois IX. 6.
[2]) Annales III, 25.
[3]) Esprit des Lois IX. 3.

Происходитъ это оттого, что законъ, разсматриваемый, какъ средство общественной защиты, не болѣе стоитъ въ этомъ отношеніи чѣмъ сила, когда таковая есть выразительница лишь простой физической силы; дѣйствительно, законы сами по себѣ имѣютъ свои законы, не подчинившись которымъ, они угрожаютъ обществу такими же опасностями, какія они предназначены предотвращать, такъ какъ противъ организованной тираніи, испытывающимъ угнетеніе, не остается другого средства, какъ возстаніе, каковое является возвратомъ къ разнузданному проявленію индивидуальныхъ силъ. Въ чемъ же заключаются законы управляющіе самими законами? Это составляетъ задачу философіи права. Въ своемъ обобщеніи законы являются выразителями идеи высшей справедливости, парящей надъ отдѣльными законодательствами различныхъ государствъ; эта идея предписываетъ обязанности и повелѣваетъ ихъ исполненіе самимъ законодателямъ, къ ней должны стремиться человѣческіе законы; она образуетъ право въ самомъ возвышенномъ смыслѣ этого слова, въ какомъ только оно можетъ быть представлено человѣческимъ разумомъ: это идеалъ, который предначертываетъ и освѣщаетъ путь движенія законодателю. Установленіе внѣшней защиты права составляетъ задачу общественной механики, т. е. закона, но общественная механика не есть право она является до извѣстной степени его отрицательнымъ выраженіемъ; если она его и предполагаетъ, то тѣмъ не менѣе право находится внѣ ея и надъ ней. Изъ подчиненія велѣніямъ права и только изъ этого источника можетъ возникнуть полная безопасность и окончательное обезпеченіе индивидуальной свободы.

7. Такимъ образомъ подчиненіе начальнику, подчиненіе правилу, подчиненіе принципамъ: таковы три стадіи развитія гражданскихъ обществъ. Авторитетъ въ своемъ внѣшнемъ проявленіи видоизмѣнялся во времени; въ началѣ онъ былъ матеріалистиченъ, выражаясь въ силѣ; въ болѣе позднюю эпоху онъ пріобрѣлъ характеръ нравственный, и, наконецъ, онъ пребываетъ въ настоящее время въ идеѣ и именно въ идеѣ права.

Съ тѣхъ поръ между правомъ и закономъ, если принять во вниманіе весь прогрессъ человѣческой мысли, образовалось такое же противуположеніе какое отдѣляетъ идею отъ внѣшняго ея проявленія болѣе или менѣе удачно ее воспроизводящаго, цѣль отъ средства къ ея достиженію, принципа отъ практическихъ мѣръ его приложенія. Законъ неесть право, онъ только есть случайное его проявленіе, временное и мѣстное его выраженіе, въ нѣкоторомъ родѣ его орудіе; также точно право не есть законъ, оно является источникомъ законовъ. «Non est regula jus sumatur», какъ то превосходно опредѣляло римское право, «sed ex jure quod est regula fiat [1])»; не законъ творитъ право, но наоборотъ изъ права истекаетъ законъ.

---

[1]) L. 1 Dig. De regulis juris.

8. Слѣдовательно, вполнѣ понятна ошибка тѣхъ, которые изъ несовершенства или неустойчивости человѣческихъ законовъ приходятъ къ заключенію о тщетности существованія права Всѣмъ извѣстно, причудливое изреченіе по этому поводу Паскаля: «Какъ вкусы создаются модой, также точно и справедливость.... Не наблюдается чего либо справедливаго или несправедливаго, что не измѣняло бы этого своего качества при перемѣнѣ климата. Стоитъ подняться на три градуса по направленію къ полюсу, чтобы убѣдиться, что все правосудіе тамъ опрокинуто вверхъ дномъ. Какой—нибудь меридіанъ рѣшаетъ судьбу правды; послѣ немногихъ лѣтъ практическаго примѣненія основные законы измѣняются; какая же участь права въ эти времена.... Потѣшная справедливость, границы которой составляетъ рѣка или даже гора! Правда по сю сторону Пиренеевъ и кривда по ту сторону». [1]) До Паскаля Монтэнь высказалъ тоже самое и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ: «Какое это добро, которое вчера я принялъ на вѣру, и которое сегодня перестало быть таковымъ, и которое русломъ рѣки можетъ быть превращено въ преступленіе? Какая можетъ быть правда, которая ограничивается горами и которая превращается въ общепризнанную ложь по ту сторону этихъ горъ». [2]) Гете, если и думалъ однородно, то, по крайней мѣрѣ, вложилъ эти разсужденія въ уста генія зла. «Я не могу приспособиться къ изученію правовыхъ наукъ», говоритъ ученикъ; и Мефистофель отвѣчаетъ «Я этого вамъ въ вину не поставлю, я отлично знаю, чего стоятъ эти науки. Законы зарождаются какъ болѣзни, они переходятъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, они переносятся съ одного мѣста на другое; то что почиталось разумнымъ превращается въ безуміе, то, что было хорошо, становится плохимъ. Что изъ того, что къ вамъ приложатъ законы написанные для вашего дѣдушки. Но объ живомъ правѣ рожденномъ вмѣстѣ съ нами увы, никогда не подымается вопроса» [3]).

Ни Монтэнь, ни Паскаль, ни всѣ прочіе, слѣдовавшіе за ними не обратили вниманія на то, что въ своихъ мрачныхъ и порицательныхъ разсужденіяхъ, злоупотребляютъ двусмысленностью терминологіи; также точно, какъ тѣ, о которыхъ говоритъ Локкъ, «которые не подозрѣваютъ, что неумѣлымъ примѣненіемъ словъ они надуваютъ другихъ или самихъ себя». У Паскаля смѣшеніе понятій не скрыто, онъ его допускаетъ до нѣкоторой степени не намѣренно. Предположительно можно сказать, что у него проявляется, какъ бы нѣкоторое намѣреніе убѣдить человѣческій разумъ, что онъ не можетъ чего либо создать, кромѣ безумія. «Справедливость», по его мнѣнію, «это то, что установлено, то что на-

---

1) Pensés III, 8, VI, 6.
2) I-re partis, sc. 3.
3) Essay sur l'entendement humain, preface.

блюденіемъ признано существующимъ». Неудивительно поэтому, что онъ доходитъ до смѣшенія ея съ понятіемъ самой силы; такъ онъ дополняетъ свою мысль слѣдующими словами: «Не будучи въ состояніи сдѣлать силу справедливости обязательной, люди признали справедливымъ подчиненіе силѣ; не найдя средствъ къ укрѣпленію справедливости, люди оправдали существованіе силы, дабы справедливость и сила могли одновременно сосуществовать и миръ могъ бы собою замѣнить высшее благо». Въ подлинной рукописи его размышленій (Pensées) мы далѣе читаемъ: «Отсюда вытекаетъ военное право, такъ какъ оружіе даетъ истинное право». [1]) отъ такой аксіомы до нечестиваго афоризма «сила царствуетъ надъ правомъ» всего лишь одинъ шагъ!

Пусть законы будутъ преходящи, пусть они различествуютъ по времени и по мѣсту, въ этомъ ничего нѣтъ удивительнаго. Во первыхъ они суть твореніе рукъ человѣческихъ, и желаніе создать что либо вѣчное есть тщеславное стремленіе человѣка, превосходящее его силы. Затѣмъ въ какую бы эпоху исторіи мы не наблюдали законы, всюду они являются комбинаціями, прилагаемыми въ видѣ опыта въ цѣляхъ устраненія, препятствующихъ царству права, неблагопріятныхъ условій; въ своихъ многочисленныхъ постановленіяхъ они имѣютъ отдаленные корни, причины ихъ многосложны и глубоки и заключаются въ основахъ этическихъ, моральныхъ, историческихъ и религіозныхъ: ничего нѣтъ удивительнаго, послѣ этого въ томъ, что они измѣняются. Съ другой стороны законы, находящіеся съ перваго взгляда въ прямомъ противорѣчіи имѣютъ часто, при ближайшемъ изслѣдованіи, одинаковое основаніе и одинаковую цѣль. Монтескье посвятилъ этому вопросу въ своемъ «Духѣ Законовъ» цѣлую книгу именно 29. Если въ своихъ эпиграммахъ люди, оспаривающіе существованіе права подразумѣваютъ въ нихъ, что справедливость не всегда и не вездѣ торжествовала, и, что сила и коварство играютъ на нашей планетѣ чрезвычайно важную роль, то они этимъ открываютъ лишь давно извѣстную избитую истину; если же они предполагаютъ вывести изъ этого, что справедливость есть лишь иллюзія и право лишь ложь, то такое ихъ заключеніе не болѣе какъ софизмъ. Что изъ того слѣдуетъ, что существуетъ неопредѣленность и неустойчивость, что изъ того слѣдуетъ, что существуетъ сознательныя правонарушенія и неумышленныя уклоненія отъ права! Вѣчное существованіе права какъ цѣли совершенно совмѣстимо съ неустойчивостью законовъ. Нужно ли отрицать солнце потому, что существовали ошибочныя теоріи свѣта или потому, что въ мірѣ существуетъ смѣна свѣта и тьмы?

---

[1]) Edition Havet, p. 74.

§ 2. Нѣкоторыя опредѣленія.

9. Такъ какъ языкъ является необходимымъ орудіемъ мысли, то всякое несовершенство этого орудія или способа его примѣненія, при неосторожности неизбѣжно ведетъ къ недоразумѣніямъ. Отсюда вытекаетъ полезность опредѣленій, предварительно устанавливающихъ значеніе словъ, какъ въ отношеніи обычнаго ихъ примѣненія, такъ и въ отношеніи того спеціальнаго примѣненія, которое хотятъ имъ придать; за отсутствіемъ хорошихъ орудій нужно по крайней мѣрѣ выяснить, сильныя и слабыя стороны, достоинства и недостатки тѣхъ орудій, которыми мы обладаемъ.

Въ особенности въ отношеніи наукъ нравственнаго порядка справедливо изрѣченіе, которое говоритъ, что хорошій методъ ихъ изложенія въ значительной своей части зависитъ отъ степени выработки языка. Къ тому же всѣмъ извѣстна несчастная двусмысленность отвлеченныхъ опредѣленій, приложимыхъ въ большинствѣ случаевъ къ совершенно различнымъ по содержанію понятіямъ; кто желаетъ быть увѣренъ въ точности своихъ разсужденій и въ твердости своихъ сужденій не долженъ употреблять ни одного изъ нихъ раньше, чѣмъ дать точное опредѣленіе его смысла. Юридическій языкъ въ особенности далекъ отъ того, чтобы обладать отдѣльнымъ словомъ для каждаго многозначащаго понятія; въ немъ четыре обычныхъ термина, часто употребляемыхъ одинъ вмѣсто другого, хотя каждый изъ нихъ соотвѣтствуетъ совершенно отличному понятію, таковы суть: законъ, юридическая практика, право и законодательство. Не только каждый изъ этихъ четырехъ терминовъ имѣетъ свой отдѣльный смыслъ, но вслѣдствіе неточности языка, существованію которой не трудно найти объясненіе, каждому изъ этихъ словъ можетъ быть придано нѣсколько значеній, въ зависимости отъ того, употребляются ли они одни или къ нимъ присоединены обычные опредѣлительные эпитеты. Такимъ образомъ установленіе ихъ прямого смысла и переноснаго смысла является не только вопросомъ о словахъ, но также и единственнымъ способомъ разграниченія понятій.

Опредѣленія, сами по себѣ, ничему не научаютъ и въ особенности ничего не доказываютъ; они по крайней мѣрѣ обладаютъ тѣмъ несомнѣннымъ достоинствомъ, что служатъ драгоцѣннымъ орудіемъ для установленія идей, въ цѣляхъ облегченій ихъ уразумѣнія и чрезъ это служатъ людямъ для взаимнаго пониманія другъ друга. Но когда пишутъ или когда говорятъ, то гораздо полезнѣе, чѣмъ то полагаютъ, предварительно условиться о словахъ, а затѣмъ уже приступать къ взаимному разговору; сколько непріятностей, разногласій и стычекъ было вызвано исключительно двусмысленностью употреблявшейся терминологіи.

10. Законъ, въ научномъ смыслѣ этого слова, выражаетъ отношеніе, точно установленное и неизмѣнное, необходимость, выте-

кающую изъ дѣйствія какого- -нибудь принципа. Всякая формула, всякое представленіе о какомъ нибудь порядкѣ, лежащемъ въ основѣ нормальнаго положенія вещей, составляетъ законъ. Съ этой точки зрѣнія Св. Ѳома Аквинскій въ XIII вѣкѣ опредѣлилъ законъ такъ «разумъ вещей, пресуществующій въ Богѣ», «Summa ratio in Deo existens» [1]) придавая закону аналогичный смыслъ Монтескье во главѣ своего «Духа законовъ» написалъ: «Законы въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, суть необходимыя отношенія, которыя вытекаютъ изъ природы вещей» [2])

Существуетъ высшій разумъ, природа вещей; существуетъ высшій и постоянный порядокъ, который человѣкъ постигаетъ весьма медленно и весьма по немногу, но который будетъ ли онъ отрицаемъ, будетъ ли онъ неизвѣстенъ, не перестаетъ тѣмъ не менѣе существовать. Отношенія, по которымъ существуетъ эта природа вещей и этотъ естественный порядокъ и составляютъ законы. Въ этомъ смыслѣ все имѣетъ свой законъ, такъ какъ все имѣетъ какое—нибудь свое нормальное положеніе: для міра физическаго это—сила, для міра нравственнаго—добро, для логики—правда для права—справедливость. «Само Божество имѣетъ свои Законы», прибавляетъ Монтескье и онъ вспоминаетъ слова Плутарха «Законъ царь смертныхъ и безсмертныхъ».

Въ обыденномъ словоупотребленіи, съ практической точки зрѣнія, слово законъ представляетъ нѣчто несравненно болѣе простое и болѣе положительное. По формѣ—это актъ политической власти, которая приказываетъ, дозволяетъ или запрещаетъ, это правило предначертанное компетентной властью и подчиненіе которому обязательно; по внутреннему своему смыслу—это мѣра учредительныхъ положеній гражданскаго порядка. Въ зависимости отъ того авторитета, отъ котораго онъ исходитъ, правило и актъ, въ которомъ онъ выраженъ носятъ различныя названія, такимъ образомъ въ настоящее время различаютъ законы, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, указы, правительственныя распоряженія, административныя постановленія и т. д. Все это законы,—въ обобщенномъ видѣ, слово законъ охватываетъ всѣ эти разновидности.

11. Будемъ ли мы разсматривать слово законъ съ научной точки зрѣнія или съ точки зрѣнія практической, идея закона носитъ въ себѣ представленіе извѣстной санкціи, которая обезпечиваетъ его выполненіе. Законы физическаго порядка имѣютъ своей санкціей свою собственную необходимость, т. е. неизмѣнный порядокъ мірозданія: притяженіе, вѣсъ, движеніе, однимъ словомъ силу. Законы нравственнаго и интеллектуальнаго порядка, которые въ противуположность законамъ порядка физическаго, могутъ быть нарушены, не имѣютъ и не должны вообще имѣть никакой дру-

---

[1]) Summa Theologica, Q. XCI, a. I.
[2]) L. I, ch. I.

гой санкціи кромѣ собственнаго авторитета и психологической отвѣтственности тѣхъ, которые ихъ преступаютъ. Наоборотъ само существо законовъ общественнаго порядка требуетъ наличности формальной и надежной санкціи; и эта санкція заключается въ угрозѣ, находящейся въ рукахъ политической власти, принудить человѣка къ повиновенію, если онъ не желаетъ добровольно подчиниться. Дѣйствительно, велѣнія права, переведенныя въ законы, которые управляютъ, повелѣваютъ или запрещаютъ, всюду почитаются за необходимость для общественнаго порядка, они формулируютъ организованный гражданскій порядокъ; отсюда слѣдуетъ, что подчиненіе есть общественная потребность и тамъ, гдѣ оно не добровольно, должна быть обезпечена возможность его достиженія гуманными средствами, т. е. страхомъ принужденія. Кантъ развивая дальше эту мысль теоретически отождествляетъ двѣ идеи, права и принужденія, считая право и возможность принудить за одно и то же. [1]) Авторитетъ другихъ человѣческихъ установленій всегда покоится на добровольномъ своемъ одобреніи: церковь обращается къ совѣсти, наука относится къ разуму; но авторитетъ человѣческихъ законовъ во всякомъ случаѣ идетъ дальше; онъ принуждаетъ подчиненіе и если онъ допускаетъ относительно себя теоретическую критику, то ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ сопротивленія или ослушанія. Поэтому, говорятъ, миѳологія олицетворяла справедливость въ образѣ женщины держащей въ одной рукѣ вѣсы, которыми она взвѣшивала Право, а въ другой рукѣ мечъ, которымъ она его защищала. «Мечъ безъ вѣсовъ», какъ краснорѣчиво выражается одинъ извѣстный романистъ, «это грубая сила; вѣсы безъ меча это безсиліе права. Одно не можетъ существовать безъ другого: совершенный правовый порядокъ существуетъ только тамъ, гдѣ энергія съ которой правосудіе пользуется мечемъ, равно искусству съ которымъ оно управляетъ вѣсами». [2])

Способъ принужденія видоизмѣняется сообразно условій. Въ тѣхъ случаяхъ, когда это возможно политическая власть устанавливаетъ дѣйствительныя средства къ соблюденію законныхъ предписаній или запрещеній: въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ прямымъ принудительнымъ исполненіемъ: въ другихъ случаяхъ она можетъ уничтожить или признать недѣйствительными тѣ дѣйствія, которыя совершены вопреки установленному закону: въ этомъ случаѣ имѣемъ дѣло съ косвенно-принудительнымъ исполненіемъ; наконецъ, она проявляется въ наказаніи приступниковъ: уголовное право есть высшая санкція всѣхъ законовъ. Хотя способы принужденія различествуютъ, но идея принужденія, проявляясь въ той или другой формѣ неотдѣлима отъ идеи закона. Тамъ гдѣ санкція недѣйствительна, тамъ законъ перестаетъ быть настоящимъ зако-

---

[1]) Metaphysique du Droit, traduction Barni, p. 45.

[2]) De Ihering, La lutte pour le droit, trad. Meulenaése, p. I.

номъ; это совѣтъ, приглашеніе, въ нѣкоторомъ родѣ, опытъ увѣщанія, но во всякомъ случаѣ простое предписаніе къ свѣдѣнію не есть законъ.

12. Слово юридическая практика употребляется въ двухъ различныхъ значеніяхъ.

Въ традиціонномъ смыслѣ оно выражаетъ знаніе законовъ, совокупность знаній, вытекающихъ изъ текстовъ законовъ, основывающихся на научномъ и обычномъ толкованіи законовъ и образующихъ собою научную теорію законовъ. Римляне называли jurisprudentes или просто prudentes тѣхъ, которые путемъ изученія и путемъ практики пріобрѣли знаніе законовъ и ихъ теорію, и которые стали компетентны въ разрѣшеніи юридическихъ вопросовъ; jurisprudentia у нихъ точно обозначила разумное знаніе законовъ [1]).

Это первое значеніе этого слова, хотя до сихъ поръ находящееся въ употребленіи, но имѣющее склонность къ исчезновенію. Обычно оно чаще употребляется для выраженія результатовъ юридическаго толкованія, способовъ обычнаго толкованія и практическаго примѣненія въ судахъ текста закона, другими словами оно представляетъ результатъ практики. Для большей точности иногда обобщаютъ подъ понятіемъ юридической практики также и толкованіе правительственныхъ распоряженій. Съ этой точки зрѣнія, юридическая практика является живымъ и прогрессивнымъ толкователемъ законовъ; ничего не можетъ быть важнѣе въ дѣлѣ внесенія поправокъ въ неизбѣжную неопредѣленность общихъ положеній основныхъ законовъ, какъ точное установленіе смысла судебныхъ рѣшеній и правительственныхъ распоряженій, выясненіе примѣненія общихъ правилъ къ частнымъ случаямъ. Юридическая практика вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно необходима; прилагая общія формулы къ безконечно разнообразнымъ случаямъ реальной жизни, гдѣ все случается, гдѣ всегда нужно разсчитывать на непредвиденности, она неустанно посредствомъ индукціи способствуетъ возникновенію прямыхъ и косвенныхъ выводовъ изъ этихъ формулъ. Подъ ея вліяніемъ образуется цѣлый рядъ афоризмовъ и обычаевъ, которые мало по малу отождествляются съ закономъ, и которые съ теченіемъ времени пріобрѣтаютъ тотъ же авторитетъ, какъ и самъ законъ.

13. Изъ четырехъ элементарныхъ терминовъ, понятіе права наиболѣе трудно поддается точному опредѣленію. Изъ нихъ всѣхъ оно наиболѣе даетъ почву для разномыслія. У него по крайней мѣрѣ семь или восемь возможныхъ значеній [2]). Въ особенности выдаются три изъ нихъ.

Въ одномъ словоупотребленіи, и это единственное, въ которомъ слово право выражаетъ отчетливое представленіе, т. е. такое

---

[1]) Institutes § 8 de jure naturali, gentinm et civili (1, 2).

[2]) Cous. Oudot, Conscience et science du devoir, T. I, p. 174; t. 2 p. 16.

которое не можетъ быть представлено никакимъ другимъ словомъ, правомъ называютъ способность или возможность, производящую для человѣка власть, что либо сдѣлать или чего-либо потребовать. Въ этомъ значенiи, слово право обычно удотребляется въ текстахъ законовъ; въ однихъ случаяхъ оно въ нихъ выражаетъ какую—нибудь отдѣльную прерогативу; напр., право собственности, право кредита и т. д.; въ другихъ случаяхъ оно выражаетъ цѣлую совокупность прерогативовъ, вытекающихъ изъ одной общей причины, напр., права семейственныя, права гражданскiя, права политическiя и т. д.; наконецъ, въ третьихъ случаяхъ оно выражаетъ совокупность конкретныхъ свойствъ или прерогативъ, которыя будучи объединены устанавливаютъ автономiю человѣческой личности, это—индивидуальное право, право лица или просто право. Это опредѣленiе болѣе или менѣе растяжимо, но представленiе выраженное въ немъ всегда остается тождественно. Въ чемъ заключаются эти свойства или эти прерогативы? Права, которыя имъ отвѣчаютъ имѣютъ ли они абсолютную и постоянную реальность или представляютъ изъ себя относительные и измѣнчивые интересы? Существуютъ ли они сами по себѣ или только вслѣдствiе допущенiя ихъ существованiя закономъ и въ силу прiобрѣтенной ими юридической защиты? Въ этомъ заключается основная проблема: проблема принципа права. Либеральная школа, историческое развитiе которой составляетъ содержанiе всего дальнѣйшаго изложенiя этого сочиненiя, всегда учила и продолжаетъ утверждать, что право есть сущность нераздѣльная съ человѣческой природой, что источникъ его лежитъ въ естественныхъ свойствахъ человѣка и въ стремленiяхъ его существа, другими словами въ конечной цѣли его бытiя. Отождествлять идею права съ идеей интереса, хотя бы этому слову было придано самое возвышенное значенiе, разсматривать законную защиту и вытекающую изъ нея безопасность, какъ необходимость его существованiе, равносильно отрицанiю основной черты его существа. Человѣкъ обладаетъ правомъ и можетъ имъ пользоваться, если даже спокойствiе этого пользованiя ему не обезпечено, даже и въ томъ случаѣ, когда оно прямо отрицается. Когда Bossuet сказалъ: «Нѣтъ права противъ права» [1]), то подъ этимъ онъ разумѣлъ, что право предшествуетъ закону и превыше закона, и законъ, миссiя котораго состоитъ въ обезпеченiи уваженiя къ праву, не долженъ закрывать глаза на то, что въ извѣстной моментъ можетъ возникнуть протестъ во имя права противъ закона. Этотъ афоризмъ представляетъ въ одно и тоже время игру словъ и великую мысль.

14. Второе значенiе права, весьма распространенное, выражаетъ установленный и признанный порядокъ, опредѣляющiй и обезпечивающiй сосуществованiе общественныхъ отношенiй, или

---

1) 5⁰ Avertissement aux protestants, § 32.

точнѣе право есть—правила, устанавливающія этотъ порядокъ. Въ этомъ случаѣ оно является синонимомъ закона и совершенно соотвѣтствуетъ латинскому слову jus, которое само по себѣ выражаетъ quod jussum est; это совокупность предписаній и правилъ, которымъ люди, живущіе въ гражданскомъ обществѣ подчинены, подъ угрозой быть принужденными къ ихъ соблюденію или, проще говоря, это совокупность и собраніе законовъ. Если угодно, то право въ данномъ случаѣ можетъ быть признано также и синонимомъ юридической практики; оно равносильно теоретическому знанію и практическому примѣненію законовъ. Иногда, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, его называютъ положительнымъ правомъ, т. е. такимъ, которое установлено законами и человѣческими обычаями и которое поэтому внѣ всякихъ сомнѣній, достовѣрно и устойчиво. Тогда оно выражаетъ, въ зависимости отъ условій, иногда законы, относящіеся къ какому—нибудь опредѣленному ограниченному случаю, напр.: права собственности, права обязательственныя, права политическія; иногда совокупность законовъ извѣстнаго порядка: права гражданскія, права публичныя; наконецъ, иногда законы вообще: права.

Фактически между правомъ въ этомъ смыслѣ и закономъ отношеніе весьма близкое. Стюартъ Милль замѣчаетъ по этому поводу, что въ большинствѣ языковъ, если не во всѣхъ, слово, соотвѣтствующее идеѣ справедливости, имѣетъ весьма близкое родство съ словомъ, соотвѣтствующимъ идеѣ закона или съ тѣмъ, что составляло первоначальную форму закона—съ обычаемъ [1]). Какая изъ двухъ этихъ идей была родоначальницей другой? Это трудно сказать. Тождество названій, во всякомъ случаѣ, достаточно объясняетъ, часто случающееся, смѣшеніе внутренняго содержанія этихъ двухъ идей. Люди практическаго склада не раздѣляютъ ихъ, поэтому они склонны признавать справедливымъ то, что законно и признавать таковымъ только то, что соотвѣтствуетъ законамъ. Современные экономисты, въ особенности тѣ которые склоняются въ сторону Соціологіи, идутъ даже дальше; они отказываются допустить возможность, чтобы можно было право разсматривать съ какой—либо другой точки зрѣнія. Въ 1886 г. въ Обществѣ Экономистовъ въ одномъ спорѣ, касавшемся отношеній политической экономіи къ праву, Г. Артуръ Мандинъ могъ сказать безъ того, чтобы кто—нибудь ему возразилъ, что «Право есть болѣе или менѣе разумное, сравнительное знаніе законовъ обычныхъ и писанныхъ у различныхъ народовъ.... Сіе врядъ ли можетъ быть названо наукой [2]). «Не иначе объ этомъ судитъ и Г. Курсель-Сенейль; вслѣдствіе того, что онъ видитъ въ правѣ только положительное право онъ многократно, полагая этимъ при-

[1]) L'Utilitarisme, traductiou Le Monnier, p. 95

[2]) Journal des Economistes, № septembre 1886, p. 421.

дать больше убѣдительности, ставитъ тотъ же вопросъ, представляетъ ли право науку. Онъ въ немъ отрицаетъ научный характеръ и видитъ въ немъ лишь искусство и «искусство вспомогательное»; и прибавляетъ какъ доводъ этого утвержденіе: «Какъ можетъ оно быть наукой въ современномъ смыслѣ этого слова? Наука началась со вчерашняго дня, а существованіе права восходитъ къ началу возникновенія цивилизаціи» [1]). О тщеславіе духа систематики. Удивительное совпаденіе: въ XIII вѣкѣ во время борьбы между богословами и представителями гражданскаго законовѣдѣнія Роджеръ Бэконъ одинаково поддерживалъ, что право не есть наука, а только искусство; онъ видѣлъ въ немъ лишь способъ приложенія къ жизни теологіи, также точно какъ Г. Курсель-Сенейль желалъ бы въ настоящее время въ немъ видѣть способъ практическаго примѣненія политической экономіи [2]).

15. Наконецъ, третье наиболѣе абстрактное значеніе права выражаетъ идеалъ справедливости, который есть конечная цѣль, къ которой должно стремиться положительное право или, если угодно, который есть источникъ человѣческихъ законовъ. Справедливость: могучее чувство, понятіе кажущееся столь яснымъ, говоритъ Стюартъ Милль что слово, его выражающее вызываетъ представленіе объ немъ съ быстротой, которая дѣлаетъ его, походящимъ на инстинктъ [3]).

Право въ этомъ смыслѣ уже больше не законъ, оно имъ правитъ и его одухотворяетъ; оно возвышается до изслѣдованія умозрительныхъ истинъ или выводовъ, на которыхъ покоятся общественныя отношенія; оно приближается къ философіи или скорѣе есть сама философія; эта савокупность законовъ, обнаруживающихся въ порядкѣ мірозданія и въ природѣ человѣка опредѣляющей то, что справедливо. Слово право болѣе не разсматривается, какъ соотвѣтствующее латинскому jis, quod justum est, но какъ происходящее отъ слова dirigere, которое само есть производное отъ regere: directum, drictum; оно обозначаетъ направленіе къ предначертанной цѣли. Эти корни словъ, въ языкахъ neo—латинскихъ и германскихъ выражаютъ въ одно и тоже время идею справедливости и идею права: Recht, right, regt, diritto, derecho [4]). Право, разсматриваемое съ этой точки зрѣнія, во избѣжаніе недоразумѣній, часто называется естественнымъ правомъ, т. е. такимъ, которое существуетъ внѣ и превыше законовъ: это идеалъ. Естественное право, истинное право составляетъ антитезисъ положительнаго права, закона.

---

[1]) Preparation à l'etude du Droit, p. 11, 16.
[2]) Cons. Marcel-Fournier, L'Eglise et le droit romain a XIII Siecle p. 9, 14, 22.
[3]) L'Utilttarisme, trad, cit., p. 83.
[4]) Это совпаденіе относится также и къ русскому языку право, править, правленіе, направленіе, правило, правый, правда, праведный, справедливость. (Замѣчаніе переводчика).

16. Наличноость этихъ трехъ значеній одного и того же слова несомнѣнно свидѣтельствуетъ о бѣдности языка, тѣмъ не менѣе она существуетъ, какъ фактъ.

Во всякомъ случаѣ отношенія между ними достаточно легко усваиваются. Тутъ произошла эволюція языка, которая обнаруживаетъ и подтверждаетъ основную идею. Главнымъ образомъ мы называемъ правомъ способности или (прерогативы) преимущества, свойственныя человѣческой природѣ: это право; съ другой точки зрѣнія, тоже слово выражаетъ правила, установленныя для обезпеченія пользованія этими способностями или преимуществами: это положительное право; принятое въ абстрактномъ смыслѣ оно выражаетъ, кромѣ того, идею справедливости, т. е. гармонію правъ или, что равнозначуще, гармонію свободъ. Здѣсь всюду мы имѣемъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же понятіемъ личнаго права, разсматриваемаго послѣдовательно въ отношеніи его внутронняго содержанія, въ отношеніи санкцій обезпечивающихъ пользованіе имъ и наконецъ съ точки зрѣнія его отношеній къ идеалу; право въ своей савокупности и въ своемъ практическомъ примѣненіи сливается въ одно нераздѣльное цѣлое съ личнымъ правомъ, которое является такимъ образомъ какъ бы одновременно руководящимъ началомъ, причиной своего существованія и его цѣлью.

17. Наконецъ, законодательство (la ligislation). Въ самомъ естественномъ значеніи этого слова, вытекающемъ изъ его этимологіи, видно, что оно имѣетъ корнями: *законъ*, *дать*, legislation leges latae. Законодательство страны это савокупность законовъ этой страны. Съ болѣе узкой точки зрѣнія законодательство о томъ или другомъ предметѣ, напр. о частной собственности, объ обязательствахъ есть савокупность законовъ, относящихся къ данному предмету. Въ этомъ смыслѣ законодательство является болѣе или менѣе синонимомъ юридической практики, въ первомъ изъ вышеописанныхъ его значеній, и является совершенно тождественнымъ понятію права, когда это послѣднее слово употребляется въ смыслѣ положительнаго права.

Въ другомъ значеніи, получившемъ свой авторитетъ въ обычаѣ слово законодательство употребляется не въ смыслѣ *leges latae*, но въ смыслѣ leges ferendae; это искусство творить законы (давать законы, законодательствовать), отвѣчающіе отдаленнымъ запросамъ, требующимъ возникновенія законовъ или ихъ измѣненія, однимъ словомъ, это—политика или практическое примѣненіе права. Всякая наука имѣетъ, соотвѣтствующее себѣ искусство, отличное отъ ней; искусство, когда оно представляетъ изъ себя всего лишь способъ достиженія опредѣленной цѣли, не можетъ достигнуть полезнаго результата, если его практическіе пріемы не покоятся на данныхъ, добытыхъ самою наукой. Изъ этого вытекаетъ, что какое-нибудь мнѣніе можетъ быть проводимо въ законодательствѣ, т. е. въ періодѣ творчества закона, не имѣющее себѣ опоры въ

самомъ правѣ, иначе говоря оно можетъ быть проводимо въ данномъ вырабатываемомъ законѣ, или же можетъ случиться обратное.

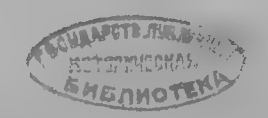
Въ этомъ смыслѣ законодательство выражаетъ понятіе, весьма различествующее отъ понятія права. Оно болѣе не соотвѣтствуетъни положительвому праву, ни естественному праву; это искусство согласованія принциповъ съ различными и многочисленными теченіями, вліяющими въ извѣстный моментъ на нужды даннаго народа, и препятствующими торжеству абсолютныхъ научныхъ истинъ; это искусство законодателя, искусство, состоящее изъ чистой науки, осторожности и практическаго здраваго смысла и заключающееся въ разпознованіи того, что наиболѣе подходитъ. Плутархъ разсказываетъ про Солона, который на вопросъ, суть ли тѣ законы, которые онъ далъ Аѳинянамъ наилучшіе, отвѣтилъ: «Я далъ имъ наилучшіе законы изъ тѣхъ, которые они способны вынести» [1]). Монтескье, приводя эту цитату, добавляетъ: «Прекрасныя слова, которыя надлежало бы запечатлѣть въ своихъ умахъ всѣмъ законодателямъ» [2]). Если, дѣйствительно, выясненіе идеальной цѣли, къ которой надлежитъ стремиться является дѣломъ принципіальнымъ, то выборъ средствъ къ ея достиженію есть дѣло предусмотрительности, такта, опытности, почти что ловкости. Юристъ толкуетъ тексты законовъ, освящая ихъ тѣмъ духомъ, который въ нихъ вложенъ при ихъ возникновеніи, или который завтра повліяетъ на ихъ измѣненіе; философъ ищетъ идею, руководящую усиліями человѣка, направленными къ осуществленію своего предназначенія; совсѣмъ другая миссія у законодателя: ему надлежитъ постоянными поисками лучшаго направлять законодательство къ идеалу, ему надлежитъ выяснить отношеніе между положеніемъ своей страны и тѣми законами, которые ей наиболѣе подходятъ, ему надлежитъ найти, наиболѣе подходящіе, пріемы къ обезпеченію царства права. Великая и трудная миссія, предполагающая обширныя познанія, свѣтлые взгляды и раньше всего полную независимость отъ невѣжественныхъ инстинктовъ и эгоистическихъ интересовъ. Людовикъ XIV былъ вполнѣ на высотѣ положенія законодателя когда говорилъ: «Я не былъ бы достоинъ быть королемъ, если бы имѣлъ только чувства обыкновенныхъ людей».

§ 3.— Принципъ права.

18. При свѣтѣ, только что установленныхъ опредѣленій открываются слѣдующіе горизонты. Установивши задачу права въ ея совокупности, мы видимъ, что законъ и законовѣдѣніе представляютъ ея практическое разрѣшеніе для каждаго даннаго времени; законодательство представляетъ ея разрѣшеніе историческое и про-

---

1) Vie de Solon, § 9.
2) Espris des Lois L. XIX, ch. 21.

грессивное; наконецъ, право или точнѣе естественное право способствуетъ ея философскому разрѣшенію.

Хотя существуетъ цѣлое разнообразіе понятій соотвѣтствующихъ идеѣ справедливости, но противъ того, что эта идея едина и безлична, абсолютна и слѣдовательно міровая, противъ этого—серьезныхъ возраженій нѣтъ. Сократъ, утверждалъ это положеніе противъ софистовъ, которые проповѣдывали политику силы и нравственность наслажденій; это положеніе Горпаса и сущность рѣчей Калликтеса; это философскій принципъ «неписанныхъ законовъ», основа теоріи справедливости. выраженной въ разговорѣ съ Гиппіасомъ [1]). Подчиненіе законамъ города есть непреложный долгъ гражданина и одна изъ формъ патріотизма. Истинная справедливость выше этого, она сверхъ закона, также точно какъ правда—выше обычая; она состоитъ въ подчиненіи высшимъ законамъ, основаннымъ по волѣ боговъ, которые повелѣваютъ всѣмъ людямъ, у всѣхъ народовъ и во всѣ времена: законы не писанные. Идея, какъ и слово ее выражающее сохранились съ этого времени. Антигона у Софокла, обвиненная въ дерзкомъ нарушеніи указовъ Креона, взываетъ къ неписаннымъ законамъ: «Я не вѣрила, чтобы твои повелѣнія были столь сильны, что неписанные, непреложные законы, исходящіе отъ боговъ, должны были бы преклониться предъ волею смертнаго. Они существуютъ не съ сегодняшняго и не со вчерашняго дня: они вѣчны и никто не знаетъ источникъ ихъ возникновенія» [2]). Нѣсколько вѣковъ спустя въ свою очередь говорилъ Плутархъ: «Кто повелѣваетъ царямъ? Законъ. Но не тотъ законъ, который пишутъ въ книгахъ или начертываютъ на деревѣ, а законъ врожденный, законъ, живущій въ глубинѣ совѣсти человѣка, разумъ» [3]).

19. Въ Римѣ наблюдается тоже самое стремленіе къ идеалу справедливости и правосудія. Во дни упадка формальнаго и суроваго древне-римскаго права Цицеронъ, обращаясь къ эпикурейцамъ, признававшимъ полезность и удобство единственными принципами права, противупоставлялъ понятіе естественнаго правосудія, правосудію законному: acquitas naturalis, acquitas constituta; онъ этимъ становился предвѣстникомъ великой эпохи римскаго законовѣдѣнія. Хотя законъ измѣнчивъ, но право вѣчно, такъ какъ основаніемъ ему служитъ не мнѣніе, но сама природа: Neque opiuione, sed natura constitutum esse jus... Non ergo a praetoris edicto utplerique nunc, neque a XII tabnlis, ut superiores, sed penitus ex intima philosophia hauriendam juris disciplinam putas» [4]). Кто не знаетъ этихъ словъ защитника Милона: «Est igitur haec, judices, non scripta sed nata lex; quam non didicimus, accepimus, legimus, verum ex natura

---

[1]) Xenophon Memorabilia IV, 4, 19.
[2]) Antigone, 450 et s.
[3]) A un prince ignorant, 3.
[4]) De lagidus, I, 5.

ipse arripuimus, hausimus, expressimus; ad quam non docti, sed facti, non instituti, sed imbuti sumus» [1]). И этотъ отрывокъ изъ республики? Est quibem vera lex, recta ratio, naturae congruens, diffusa in omnes, constans, sempiterna... Huic legi nec abrogari fas est neque derogari licet...; neque est quaerendus explanator aut interpres ejus alius; nec erit alia Romae alia Athenis, alia Nunc, alik posthac; sed et omni geutes et omnia tempore una lex, et sempiterna, et immuabilis continebit... Cui qui non parebit ipsa se fugiet, ac naturam hominis aspernatus hoc ipso luet maximas paenas, etiamsi coetera supplicia, quae putantur, effagerit» [2]. Существуетъ одинъ основной законъ, это здравый смыслъ, согласный съ природой, растворенный во всей вселенной, постоянный и вѣчный. Его нельзя ни въ полно́мъ объемѣ нарушить, ни уничтожить какую-нибудь часть его... Онъ не нуждается, ни въ переводчикахъ, ни въ истолкователяхъ. Онъ тотъ же самый въ Римѣ, какъ въ Аѳинахъ; онъ не будетъ другимъ завтра, чѣмъ былъ сегодня; но онъ вѣченъ, неизмѣненъ, управляетъ всѣми народами во всѣ времена... Кто его нарушаетъ вынужденъ самъ отъ него бѣжать; и за отрицаніе природы долженъ нести тягчайшее искупленіе, хотя бы ему удалося избѣжать то, что люди называютъ наказаніемъ или пыткой. Гдѣ же этотъ законъ? «Онъ открытъ взорамъ каждаго въ книгѣ бытія, въ Таблицахъ природы», отвѣчаетъ Квинтиліанъ: «in publica mundi, in natura libus tabulis» [3]). Какое превосходное сравненіе. Оно вдохновляло законовѣдовъ великаго вѣка. Ихъ формулы болѣе кратки, менѣе образны, но за то, выраженная ими, мысль точнѣе опредѣляется. Право для Павла это naturalis ratio, quasi lex quaedam tacita [4]), далѣе онъ прибавляетъ: Quod semper aequum et bonum est jus dicitur, ut est jus naturale» [5]).

20. Преемственное развитіе этого взгляда продолжалось безпрерывно, даже болѣе того, оно пріобрѣтало съ теченіемъ времени болѣе пышный расцвѣтъ; призывъ къ праву становится крикомъ угнетенныхъ всѣхъ временъ и неустанно возобновляемымъ настояніемъ людей, движущихъ человѣческую мысль по пути историческаго прогресса. Отцы Церкви во дни гоненій, Св. Ѳома Аквинскій, во времена всемогущества теократіи, философы съ тѣхъ поръ, какъ естественное право отдѣлилось отъ нравственности и образовало самостоятельную научную систему, Бодэнъ, Гроцій, Лейбницъ, Локкъ, всѣ взываютъ къ существованію права, имѣющаго источникъ въ самомъ себѣ и парящаго надъ всѣми земными установленіями. Монтескье резюмировалъ эту общую, традиціонную мысль, въ слѣдующихъ словахъ: «У отдѣльныхъ и разумныхъ су-

---

1) Pro Milone, 4.
2) De republica III, 17.
3) De corona militis, c. VI.
4) Z 7. Dig. de donis damnatorum, 48—20.
5) Z. II Dig. de justitia et jure, I, 1.

ществъ существуютъ законы, которые они сами себѣ создали, но кромѣ того у нихъ есть и такіе законы, которые не они создали. До существованія человѣческихъ законовъ существовали отношенія справедливости. Утвержденіе, что справедливое и несправедливое совпадаетъ съ закономъ дозволеннымъ и закономъ запрещеннымъ равносильно утвержденію, что круги равны, раньше чѣмъ начерчены ихъ окружности». Въ чемъ же заключается этотъ основной законъ? Это человѣческій разумъ, по скольку онъ управляетъ земными народами; законы политическіе и гражданскіе всякой націи являются лишь частичнымъ практическимъ проявленіемъ этого человѣческаго разума».

Слѣдовательно редакторы проекта гражданскаго уложенія, Code civil, воспроизвели истину старую, какъ міръ, написавши въ предварительномъ вступленіи слѣдующее положеніе, впослѣдствіи выпущенное изъ текста закона, какъ слишкомъ отвлеченное: «Въ мірѣ существуетъ единое право, всеобщее и неизмѣнное, источникъ всѣхъ положительныхъ законовъ; существомъ его является естественный разумъ, по скольку онъ управляетъ земными народами». Первая часть этого положенія есть начало знаменитой выдержки цитированной выше изъ Республики Цицерона; вторая часть является почти дословнымъ воспроизведеніемъ опредѣленія Монтескье.

21. Такимъ образомъ понятіе естественнаго права представляется предъ нами во всеоружіи авторитета, освѣщеннаго вѣками и вселенскаго одобренія. Тѣмъ не менѣе оно въ настоящее время отрицается; современный Позитивизмъ отвергаетъ это слово и отрицаетъ идею, которая съ нимъ связана. Г. Курсель-Сенейль въ особенности заявилъ себя въ наши дни противникомъ этой «привычной идеи», какъ онъ ее называетъ: по отношенію къ тѣмъ, которые ее признаютъ и которыхъ онъ называетъ «интуитивистами» въ противуположность «современнымъ ученымъ», онъ принимаетъ положеніе правовѣрнаго въ отношеніи къ еретикамъ; судя по озлобленному тону, съ которымъ онъ объ нихъ говоритъ, можно предположить, что онъ съ наслажденіемъ бы ихъ уничтожилъ, если бы это было въ его власти.

Въ двухъ категорическихъ, хотя и мало убѣдительныхъ, положеніяхъ, онъ резюмируетъ свое ученіе слѣдующими словами: «Природа, говоритъ онъ, не знакома съ правомъ;... она не устанавливаетъ различія между добромъ и зломъ» [1]). Мысль сама по

[1]) Preparation à l'etude du DROIT стр. 20˘, 246, 405. См. также предисловіе къ Ancien Droit, Fumner Maine стр. XIV. Большинство нео-соціологовъ стоятъ на той же точкѣ зрѣнія. «Я очень бы желалъ» ироническій говоритъ Дантенъ, «чтобы мнѣ точно уяснили, что это за естественное право». (De la nature des choses стр. 174, 177). Не менѣе формально смотритъ Duguit: «Нѣтъ людей, одинаково смотрящихъ на эти предполагаемые принципы естественнаго права; они различны по мѣсту, по времени и у отдѣльныхъ людей; слѣдовательно они не абсолютны и не всеобщи; это не математическія истины, съ которыми иногда хотятъ ихъ сравнивать. Не замѣчаютъ того, что эти принципы естественнаго права суть продукты идей, нравовъ, воспитанія, общественныхъ потребностей, что

себѣ не новая, также точно какъ и ея провозглашеніе. Горацій уже говорилъ, въ качествѣ достойнаго ученика Эпикура: Neque natura potest justo secernere iniquum [1]). Можетъ быть это вѣрно по отношенію природы, но по отношенію человѣка? Руссо далеко не раздѣляетъ такого взгляда, онъ утверждаетъ, что самый маленькій ребенокъ раньше чѣмъ научится говорить, чувствуетъ несправедливостъ и возмущается противъ нее; онъ старается это доказать примѣрами. [2]).

Г. Курсель-Сенейль, тѣмъ не менѣе, ни кто другой, какъ скептикъ. Онъ же, съ другой стороны, проявляетъ выдающуюся склонность къ умозрѣнію. Никто съ такою убѣдительностью, какъ онъ, не доказываетъ реальность существованія «порядка неизмѣннаго, естественнаго, независимаго отъ людскихъ капризовъ,.... идей, предписанныхъ и открытыхъ самою природой,.... идеальнаго права, которое освѣщаетъ и предначертываетъ путь развитія положительнаго права,.... высшихъ законовъ, которые управляютъ законодателями и уклоняться отъ которыхъ не дано никому, которые существуютъ во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ, въ будущемъ также, какъ въ настоящемъ и прошедшемъ». Нѣсколькими страницами ниже того мѣста, гдѣ онъ выдвигаетъ положеніе, что природа не знакома съ правомъ, онъ утверждаетъ, что дѣти подчинены родительской власти «по природѣ и по закону» [3]). Такимъ образомъ, отрицая естественное право, Г. Курсель Сенейль приходитъ къ тѣмъ же самымъ выводамъ, по крайней мѣрѣ по формѣ, къ которымъ приходятъ тѣ, кто его признаютъ. Единственно, что онъ изгоняетъ изъ употребленія это самое выраженіе «естественное право», требуя его замѣну терминомъ «разумное право» (droit rationnel); онъ также изгоняетъ состарившійся и вышедшій изъ моды терминъ «философія права», вмѣсто котораго онъ желалъ бы

будучи истиной сегодня, они становятся ложью завтра, также точно какъ то съ ними было вчера, что понятіе и выраженіе естественное право сами по себѣ продуктъ временнаго воображенія человѣческаго ума. Больше того, можетъ быть эти принципы точны; но они внѣ видимаго міра; это чисто матефизическія первичныя идеи, которыя какъ таковыя принадлежатъ къ области сверхчувственнаго, которыя могутъ служить объектомъ религіозныхъ вѣроученій или поэтическаго творчества, но которыя совершенно чужды позитивной наукѣ (Le droit constitntionnel et la Sociologie, Revue internationale de l'enscignement 188 № 11 стр. 487).

[1]) Сатиры, Кн. 1, 3

[2]) «Я никогда не забуду, какъ мнѣ пришлось видѣть одного изъ этихъ докучливыхъ плаксуновъ, побитымъ своей кормилицею. Онъ тотчасъ смолкъ: я счелъ, что онъ испугался. Я полагалъ это будетъ одна изъ тѣхъ подлыхъ душъ, на которыя можно воздѣйствовать только строгостью. Но я ошибался: несчастный задыхался отъ возмущенія, у него нехватало дыханія, я видѣлъ, какъ онъ побагровѣлъ. Одно мгновеніе спустя начались пронзительные крики; въ ихъ звукахъ слышались всѣ признаки негодованія, озлобленія и отчаянія этого возраста. Я боялся, чтобы онъ не задохся отъ волненія. Если бы я до толѣ сомнѣвался, что чувство справедливаго и несправедливаго врождено въ сердцѣ человѣка. то этотъ единственный примѣръ, меня бы въ этомъ разубѣдилъ. Эмиль, Кн. 1.

[3]) Préparation стр. 10, 16, 26, 213, 411.

установить названіе «соціальная наука» [4]). Если бы дѣло стояло только за этимъ, то можно было бы столковаться; но перемѣна названій, въ данномъ случаѣ, предполагаетъ совершенно опредѣленный уголъ зрѣнія, заключающійся, именно, въ отрицаніи индивидуальнаго права; т. е. какъ разъ того, что составляетъ существенный принципъ естественнаго права. Поэтому-то Г. Курсель Сенейль перемѣну названій считаетъ дѣломъ столь большой важности.

Во всякомъ случаѣ, что весьма существенно съ точки зрѣнія историческаго развитія идеи права это то, что существуетъ согласіе относительно существованія естественнаго порядка. Можно держаться различныхъ взглядовъ на природу той цѣли, которая предназначена человѣческимъ закономъ, можно различно понимать тѣ законы, которые ими управляютъ, можно ихъ искать разными методами или не одинаково удачно ихъ примѣнять, но понятіе руководящихъ принциповъ навязывается, какъ необходимость. Руководящія идеи въ дѣйствительности представляютъ для человѣка тоже, что инстинктъ для животнаго. Предполагать дѣйствовать, не зная, что дѣлать и говорить не зная, что сказать, можно только лишившись разсудка; законодатель же, созидая законъ преслѣдуетъ опредѣленную цѣль: слѣдовательно, какое бы названіе не давали естественному праву, оно существуетъ, какъ идеалъ, къ которому стремится положительный законъ. Разномыслія относительно системъ и методовъ содержатъ въ себѣ, по крайней мѣрѣ, согласіе относительно первой данной.

22. Тѣмъ не менѣе слова не суть идеи; *они могутъ лишь выражать чувство или даже только желаніе.* Поэтому необходимо идти дальше; что въ дѣйствительности представляетъ разсматриваемый и искомый идеалъ, гдѣ находятся и въ чемъ состоятъ элементы естественнаго порядка? Вотъ основная задача къ которой нужно подойти, такъ какъ все зависитъ отъ нея.

Въ мѳическія и сказочныя времена законодатели не разъ призывали себѣ на помощь чудесное и приписывали своимъ повелѣніямъ таинственный авторитетъ религіозныхъ догматовъ; отъ Миноса до Магомета списокъ длинный всѣмъ тѣмъ, которые выдавали себя за получившихъ откровеніе отъ благожелательныхъ боговъ или отъ какого-нибудь таинственнаго пророка. Впослѣдствіе, стали разсматривать, истину какъ привилегію, принадлежащую вождямъ въ качествѣ спеціальнаго дара; это, подъ различными фирмами, идея божественнаго права: Царь, олицетворяющій и представляющій Бога, получаетъ свѣтъ сверху и его голосу должны подчиняться. Эти времена прошли и прошли безвозвратно. Легенды больше не въ почетѣ; авторитету подчиняются только тогда, когда онъ опирается на свою законность и на разумность; духъ

---

[4]) Op. cit., p. 205, 209.

человѣческій стремится получить свое направленіе въ себѣ самомъ и только отъ себя.

23. Направленіе. Вотъ, именно, то что даетъ и можетъ дать естественное право, все что можно и должно ожидать отъ философіи права. Нѣчто другое представляютъ изъ себя незыблимыя, міровыя истины или принципы въ истинномъ значеніи этого слова, нѣчто другое представляютъ изъ себя также многочисленныя и измѣняющіяся соображенія полезности и сообразности, которыми также между прочимъ приходится руководствоваться въ законодательствѣ. Кто смѣшиваетъ эти двѣ точки зрѣнія съ основной задачей дѣлаетъ грубую ошибку. Большинство писателей XVII и XVIII вѣковъ, трактовавшихъ объ естественномъ правѣ, впадали въ это заблужденіе; многіе и изъ современныхъ писателей не сумѣли его избѣжать и поэтому они даютъ объ естественномъ правѣ всего лишь несовершенное и недостаточное представленіе [1]). Такъ, напримѣръ, Удотъ писалъ: «Естественное право есть совокупность правилъ, которыя желательно было бы видѣть мгновенно превращенными въ положительные законы» [2]) другими словами это законъ, долженствовавшій существовать, въ противуположность закону, существующему. Не страдая неточностью, такъ какъ всякій законъ имѣетъ свой идеалъ, эта формула обладаетъ важнымъ недостаткомъ и представляетъ значительную опасность. Ея недостатокъ заключается въ томъ, что она даетъ поводъ для предположенія, что естественное право даетъ ключъ къ разрѣшенію всѣхъ законодательныхъ задачъ, что оно разрѣшаетъ всѣ вопросы посредствомъ точныхъ опредѣленій, имѣющихъ характеръ достовѣрности, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ; опасность ея заключается въ томъ, что возбужденіе чрезмѣрныхъ ожиданій отъ научной доктрины подвергаетъ ея выводы опасности стать призрачными, а ее самую быть отвергнутой, въ качествѣ безполезной. Какое же число тѣхъ законовъ, которые можно было бы разумно разсматривать, какъ воспроизводящіе правила, соотвѣтствующія естественному праву? Ихъ въ высшей степени немного, точнѣе было бы сказать, что ихъ совсѣмъ нѣтъ; причина тому проста: законъ не выражаетъ отвлеченныхъ истинъ, онъ предписываетъ средства, необходимыя для обезпеченія уваженія къ этимъ истинамъ, мѣры

---

[1]) См. между прочимъ Franch Philosophie du droit civil; Beaussir Les principes du droit Можно найти въ этихъ прекрасныхъ сочиненіяхъ разумныя и мудрыя разсужденія, касающіяся элементовъ, входящихъ въ область положительнаго права, также многочисленныя наблюденія, подкрѣпленныя высшей степенью премудрости и предусмотрительности и возвышенные и благородные взгляды; но абсолютное и случайное въ нихъ постоянно соприкасается, принципы и точки зрѣнія безпрестанно смѣшиваются. Искусство законодательства многому можетъ въ нихъ поучиться; но въ нихъ нѣтъ того, что должна дать философія права, твердой и непоколебимой точки опоры, къ которой могъ бы быть прикрѣпленъ рычагъ, или иначе говоря настоящаго принципа.

[2]) Premiers essays de philosophie du droit p. 67.

сообразности, единственнымъ достоинствомъ которыхъ является ихъ дѣйствительность и которыя могутъ находиться въ согласiи съ принципами, но отнюдь ихъ не воспроизводить. Возьмемъ ли мы на выдержку нормы публичнаго права или частнаго права или нормы, относящiяся до учрежденiя правительственныхъ властей, до формъ правленiя, до ипотечной системы, до обязательственныхъ отношенiй, въ особенности нормы процессуальныя и т. д., какiя же тѣ нормы естественнаго права, которымъ данныя нормы соотвѣтствовали бы? Все это дѣло законодательства. Мы не то хотимъ сказать, что естественное право совершенно ему чуждо, но лишь то, что нормы всѣхъ вышеназванныхъ категорiй, также точно, какъ и всѣхъ прочихъ, связаны съ естественнымъ правомъ не отношенiемъ тождества, а отношенiемъ сообразности. И чтобы объ этомъ не говорилъ Удотъ, это происходитъ отъ того, что естественное право не есть совокупность правилъ, могущихъ быть переведенными въ законодательныя формулы. Оно есть выраженiе извѣстнаго движенiя общихъ идей, цѣль къ которой долженъ стремиться законодатель которая его вдохновляетъ и направляетъ, словомъ оно есть—руководящая идея, дирректива. Законъ сообразенъ съ естественнымъ правомъ разъ только онъ, сообразуясь съ обстоятельствами, стремится установить или поддержать тотъ идеальный строй, выразителемъ котораго онъ является, и этого достаточно. Вотъ причина, почему естественное право, не взирая на незыблемость своего принципа, можетъ внушать самыя разнообразныя нормы. Порталисъ высказался объ немъ съ удивительной ясностью: «Оно управляетъ, а законы повелѣваютъ, оно служитъ путеводителемъ, а законы компасомъ».

24. Основныя истины просты и немногочисленны, *но ихъ необходимо выяснить и установить.* Все остальное обречено на вѣчные споры, зависитъ отъ случайныхъ соображенiй или другими словами принадлежитъ не къ области науки, а къ области искусства. Могутъ пожалуй сказать, что такая точка зрѣнiя на отношенiя права къ закону, равносильна *отрицанiю* принциповъ? Нѣтъ; это просто пониманiе вещей въ томъ видѣ въ какомъ онѣ существуютъ. Желать большаго и не удовлетвориться этой срединой свѣта и тьмы, достовѣрности и сомнѣнiя, было бы желанiемъ стать внѣ человѣческихъ условiй, было бы жертвоприношенiемъ призрачнымъ мечтамъ. Тѣ кто взываетъ по всякому поводу къ естественному праву, не замѣчаютъ того, что они ищутъ убѣжища собственнымъ представленiямъ въ словѣ съ неопредѣленнымъ значенiемъ, которое ихъ приводитъ къ заблужденiю или которымъ они злоупотребляютъ по отношенiю къ другимъ съ цѣлью импонировать. Бентамъ былъ правъ, когда сказалъ въ минуту раздраженiя: «Какъ хотите вы вести разумный споръ съ фанатиками, вооруженными естественнымъ правомъ, которое каждый изъ нихъ понимаетъ по своему? Что можно отвѣтить людямъ страдающимъ

галлюцинаціями справедливости, если не то, что они заблуждаются?»[1]).

Только съ теченіемъ времени и мало по малу человѣкъ открываетъ законы, которые имъ управляютъ; даже врожденныя идеи для своего открытія потребовали работы вѣковъ. Нужно прослѣдить идею права въ ея проявленіяхъ и въ ея послѣдовательномъ развитіи, чтобы точно уяснить тѣ задачи, которыя она выдвигаетъ еще и въ наши дни.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Древняя идея права.

25. Если исторія, какъ всѣмъ извѣстно, являетъ картину постепеннаго торжества идеи мира, то это происходитъ вслѣдствіе того, что люди проникаются все больше убѣжденіемъ, что природа человѣческая всегда и вездѣ одна и таже, что событія прошлаго вновь возникнутъ, хотя бы и на новой аренѣ и въ новую эпоху и все это будетъ продолжаться, пока человѣкъ не перестанетъ быть человѣкомъ. Слѣдовательно, не существуетъ ничего такого, что могло удивить разумнаго человѣка, ни тѣмъ болѣе его смутить или привести въ отчаяніе. За шесть тысячъ лѣтъ существованія міра ничего нѣтъ такого новаго, что не успѣло бы состариться или быть забыто. Между многими такими вопросами вопросъ права можетъ этому служить примѣромъ; его ставили во всѣ времена и повсюду почти въ однихъ и тѣхъ же формахъ.

Взгляды на основаніе естественнаго права въ своей формулировкѣ сильно мѣнялись. Но если прослѣдить внимательно всѣ научныя системы, то ихъ можно свести къ двумъ типамъ: одни изъ нихъ исходятъ изъ принципа авторитета и предоставляютъ политической власти направленіе общества во имя какихъ нибудь объективныхъ цѣлей и тѣмъ самымъ приносятъ въ жертву человѣческую личность общественному праву или праву, которое надлежитъ имѣть обществу надъ своими членами; другіе напротивъ того исходятъ изъ принципа индивидуализма, они разсматриваютъ человѣка, какъ источникъ своего собственнаго права и тѣмъ самымъ отвергаютъ вторженіе Государства въ частныя отношенія и предоставляютъ *человѣческимъ стремленіямъ свободно развиваться.*

За исключеніемъ нѣкоторыхъ изолированныхъ протестовъ, не имѣвшихъ себѣ поддержки, или, по крайней мѣрѣ, не имѣвшихъ вліяніе на общественную мысль и на практическую жизнь, древ-

---

[1]) Principe de legislation cp 13 Edition Dumont, t. I, p. 129.

ность знала лишь принципъ авторитета. Правительства назывались монархіями или республиками, аристократіями или демократіями, въ зависимости отъ того, въ чьихъ рукахъ находилась власть, каковая по общему желанію была всемогуща; случались революціи во имя политическаго равенства, но ни единой не было во имя того, что называется въ новѣйшій времена, гражданской свободой, т. е. во имя спокойнаго пользованія личной независимостью. Человѣкъ въ древнемъ государствѣ никогда не дерзалъ помыслить, что онъ можетъ принадлежать себѣ самому. Не только онъ не владѣлъ и не требовалъ индивидуальной свободы, но даже, какъ это замѣчаетъ Фюстель-де-Куланжъ, «у него не было объ ней ни малѣйшаго представленія; онъ былъ убѣжденъ, что не можетъ у него быть право, противополагаемое праву его города или его боговъ» [1]). Въ результатѣ личность всегда была принесена въ жертву начала коллективизма: семья, родъ, городъ, или Государство. Также какъ и всюду при своемъ возникновеніи право находилось въ смѣшеніи съ религіей, въ болѣе позднія времена съ философіей и съ тѣхъ поръ власть, утвердившись на ихъ авторитетахъ, поглотила всего человѣка цѣликомъ. Государство обосновалось на тѣхъ-же началахъ, какъ и церковь, т. е. образовало секту или войско; законъ является для людей средствомъ принудительнаго осуществленія ихъ высшаго предназначенія, средствомъ торжества того порядка, который въ данную минуту имѣетъ за собой поддержку Государства: порядка нравственнаго порядка интеллектуальнаго, также какъ и порядка общественнаго; законъ отдаетъ въ распоряженіе власти управленіе нравами; онъ ей предоставляетъ въ распоряженіе душу, умъ и сердце; личности ничего не остается, она отдана въ рабство системѣ.

§ 1. Греція.

Таковымъ было таковымъ и осталось до самаго конца представленіе грековъ. Въ праздныхъ олигархіяхъ, живя трудами рабовъ, гражданинъ видѣлъ свое достоинство и свое удовольствіе въ долѣ участія въ верховной власти; принимать участіе въ общественномъ дѣлѣ, подавать голосъ, назначать судей имѣть возможность статьританомъ или архонтомъ однимъ словомъ быть членомъ верховной власти называлось быть свободнымъ: свобода значила власть. Что же касается до потребности, столь сильной у современнаго человѣка, быть господиномъ своей частной жизни, своихъ мыслей, своихъ занятій, даже своихъ фантазій и, не вслѣдствіе терпимости или разрѣшенія со стороны государства, а въ силу своего собственнаго права, однимъ словомъ, потребность

---

[1]) La citée antique p. 269. Comp., Laboulaye, La liberté antique et la liberté moderne, dans l' Etat et ses limite, p. 103.

наслаждаться индивидуальной свободой, то такая потребность была совершенно неизвѣстна Греку [1]).

«Законы» и въ особенности «Республика» являются выразителями этого ученія. Платонъ жилъ въ то время, когда величіе Аѳинъ стало при Периклѣ омрачаться. Онъ видѣлъ излишенства народа, смерть Сократа и покореніе Аѳинъ; его созерцательный геній сосредоточился на гармоніи мысли. Одни идеи имѣютъ реальное существованіе; личность имѣетъ цѣнность только постольку, поскольку она причастна идеалу; идеалъ же это чистота души, возвышеніе разума, вотъ куда долженъ стремиться человѣкъ, и слѣдовательно, куда долженъ его вести законъ. Такимъ образомъ добродѣтель и правда будутъ вѣнцомъ Государства. Политика есть философія перенесенная въ Государства. Поэтому правительство должно находиться въ рукахъ философовъ, которые составляютъ мозгъ общества; только отъ нихъ человѣкъ долженъ ждать и получать направленіе во всѣхъ своихъ дѣлахъ.

Въ «Законахъ» Платонъ дѣлаетъ еще нѣкоторыя уступки въ пользу склонностей человѣческой природы, такъ какъ онъ преслѣдуетъ цѣль практическаго примѣненія; но въ «Республикѣ», сочиненіи чисто умозрительнаго характера, онъ не дѣлаетъ никакихъ уступокъ и во имя идеала требуетъ исключенія изъ обихода самыхъ существенныхъ жизненныхъ стремленій. Семья можетъ уклониться отъ исполненія долга по отношенію къ отечеству, онъ ее уничтожаетъ; собственность погружаетъ человѣка въ низменныя заботы, онъ ее отвергаетъ; такъ какъ частная жизнь нуждается въ порядкѣ для того, чтобы быть здоровой и плодородной, то онъ проникаетъ въ дома, устанавливаетъ правила, касающіяся мелчайшихъ домашнихъ потребностей и учитъ во всемъ придерживаться подробной и постоянной регламентаціи. Человѣкъ, направляемый мудрецами и освобожденный отъ всѣхъ земныхъ тягостей входитъ тогда въ идеальное государство, убѣжище нравственнаго совершенства и полнаго счастья; мечта замѣнила собою дѣйствительность и она предписывается, какъ правило жизни во имя философіи.

27. Аристотель въ своемъ изслѣдованіи употребляетъ нѣсколько иной пріемъ, такъ какъ онъ пользуется не искючительно интуитивнымъ методомъ, приведшимъ Платона къ чистой утопіи, но также основывается на наблюденіи и на анализѣ; но результатъ полѣчается тождественный. Хотя онъ отводитъ нѣсколько большее, почти преобладающее, мѣсто разсужденію о благѣ государства, о пользѣ, но нравственное совершенство по прежнему остается объектомъ права и конечной цѣлью политики. Частная жизнь продолжаетъ находиться въ зависимости отъ общественной, личность все еще исчезаетъ предъ гражданиномъ; она поглощена Государствомъ

[1]) Cous. à cet égard, Reynald, Recherches sur ce qui manquait à la liberté dans les republiques de la Grèce, 1861.

и не имѣетъ никакихъ правъ кромѣ тѣхъ, которыя ей предоставлены закономъ. При анализѣ человѣческой нравственности Аристотель отрицаетъ свободу воли; въ организаціи Государства онъ не признаетъ свободы; въ частной жизни онъ не знаетъ личнаго права эти три вопроса остаются у него не разрѣшенными. Поэтому во главѣ политики онъ ставитъ, какъ аксіому, существованіе рабства [1]), и хотя онъ защищаетъ, вопреки Платону частную собственность и семью въ качествѣ полезныхъ установленій, но держится одинаковыхъ съ нимъ взглядовъ относительно гражданскаго порядка и воспитанія. Государство устанавливаетъ всѣ подробности частной жизни; оно рѣшаетъ вопросъ брака. опредѣляетъ число дѣтей и направляетъ ихъ воспитаніе, такъ какъ они не принадлежатъ своимъ родителямъ, а государству, которое ихъ воспитываетъ не для нихъ самихъ, а для себя. Законодатели, оставляющіе дѣтей въ распоряженіи родителей неблагоразумны и слѣпы [2]). У Платона Государство составляетъ все, а личность ничего; Аристотель нѣсколько больше предоставляетъ личности, но въ принципѣ онъ ничего не отнимаетъ у Государства Единственно Государство является полнымъ собственникомъ, оно одно свободно, оно одно имѣетъ волю или стремленія, даже допускаемая имъ семья заглушена, дабы она не являлась соперницей города. Это деспотизмъ во имя разумности Государства.

28. Способъ выработки положительнаго права въ греческихъ городахъ благопріятствовалъ также развитію принципа всемогущества Государства. Въ своихъ изслѣдованіяхъ Аѳинскаго публичнаго права Г. Жоржъ-Перро констатируетъ полное отсутствіе обычнаго права наряду съ писаннымъ правомъ, чѣмъ онъ и объясняетъ низшую степень развитія греческаго права по сравненію съ римскимъ [3]); слѣдовательно все законодательство было исключительно дѣломъ творчества законодательной власти, которую ничто, даже и обычай, не стѣсняло и не ограничивало въ ея всемогуществѣ. Явленіе это исключительное, но оно имѣетъ свои объясненія. Демократическій духъ по природѣ своей враждебенъ всему тому, что основывается на чувствѣ уваженія къ авторитету предшественниковъ; онъ предпочитаетъ вызвать работу законодательнаго аппарата, чѣмъ предоставить ея выполненіе обычаю и времени. Съ другой стороны для того, чтобы обычай имѣлъ сколько нибудь значительное вліяніе на историческое развитіе положительнаго права, должны были бы существовать или постоянныя судебныя установленія, могущія установить и сохранить прогрессивную традицію, называемую судебной практикой, или отдѣльный классъ людей, посвятившій себя по профессіи изученію законовъ и могущій поддерживать извѣстное послѣдовательное направленіе въ законода-

---

[1]) Politique, 1, 2.
[2]) Politique IV, 13, 14, 15.
[3]) Essay sur le droit public d'Athènes p. 180.

тельствѣ. Въ Аѳинахъ же не было ни тѣхъ, ни другихъ Въ судилищахъ или собраніяхъ, члены которыхъ постоянно возобновлялись по жребію или по избранію, не было послѣдовательно установившихся взглядовъ на законы; и классъ людей, пожелавшій по призванію изучить право и его развитіе быстро попалъ бы въ подозрѣніе. Г. Перро по этому поводу приводитъ весьма любопытную выдержку изъ рѣчи Демосфена противъ Лептина, гдѣ Демосфенъ доказываетъ, что практика народнаго правительства требуетъ законодательства простого и яснаго, заключающагося въ томъ, чтобы къ каждому дѣлу относилось лишь одно единственное опредѣленіе, всѣмъ понятное и всѣмъ доступное; «безъ этого», прибавляетъ ораторъ, «открылся бы для невѣжды источникъ всякихъ затрудненій, а гражданинъ, знающій всѣ законы, получилъ бы большое преимущество» [1]). При такихъ условіяхъ право обречено къ пребыванію въ своемъ первоначальномъ положеніи или къ постояннымъ возвратамъ къ этому положенію.

29. Такимъ образомъ въ греческихъ городахъ, какъ общепризнанныя ученія, такъ и практика общественной жизни, все это способствовало поглощенію личности государствомъ. Человѣкъ не принадлежитъ себѣ; онъ не является свободнымъ дѣятелемъ своего предназначенія, но является подвластнымъ служителемъ объективнаго идеала, который ему предписанъ: въ этомъ состоитъ древняя идея права.

Предшествовали ли факты научнымъ доктринамъ или доктрины вызвали къ жизни факты? Это безразлично. Какая бы ни была причинная зависимость, во всякомъ случаѣ достовѣрно, что греческій геній выдвинулъ представленіе всемогущаго Государства, государственной опеки проникнутой заботой все регулировать и все направлять.

Можно себѣ представить насколько сильно было вмѣшательство верховной власти во всѣхъ этихъ маленькихъ городахъ, гдѣ эта власть повсюду была такъ приближена къ личности. Она не имѣла себѣ противовѣса въ Спартѣ, въ этомъ суровомъ городѣ, общаго равенства, военной дисциплины, подобномъ фаланстеріи. Въ Аѳинахъ наоборотъ, она вынуждена была быть скромной въ присутствіи остроумнаго и насмѣшливаго населенія увлеченнаго искусствами, науками, поэзіей и проникнутаго чувствомъ гуманности въ такой степени, что на самой общественной площади это населеніе воздвигло алтарь въ честь Милосердія. Государственное вмѣшательство въ частную жизнь, свободное отъ сдерживающихъ и обуздывающихъ преградъ, будетъ ли оно построено на философскихъ началахъ Платона или на утилитарныхъ воззрѣніяхъ Аристотеля всегда вело къ деспотизму или иначе говоря къ паденію человѣческой личности къ утери ею рано или поздно чувства достоин-

---

[1]) Op. cit. p. 183.

ства. Какъ только возникаетъ порядокъ основанный на народовластіи, поэтическій идеализмъ Платона и могучая логика Аристотеля уступаютъ свое мѣсто побужденіямъ подвижнымъ, страстнымъ или невѣжественнымъ, исходящимъ снизу; средство разработанное философами превращается въ орудіе, которымъ пользуется и злоупотребляетъ толпа. Ѳукидитъ ссылается, Аристофанъ преслѣдуется, Эсхилъ и Еврипидъ отправляются умирать одинъ въ Сицилію, другой въ Македонію, Сократъ приговаривается къ смерти, Платонъ дрожитъ за свою свободу и за свою жизнь, Аристотель удаляется изъ Афинъ, чтобы не совершить новаго преступленія противъ философіи, а безграничная власть продолжаетъ находиться въ рукахъ пошлаго Демоса; достаточно одного вѣка такого порядка, чтобы повести къ погибели самый богато одаренный народъ, который когда-либо существовалъ.

§ 2. Римъ.

30. Такимъ же былъ народный духъ Римлянъ и такимъ же остается въ теченіи всего античнаго періода; по крайней мѣрѣ, среда, въ которой онъ образовался и развивался въ началѣ и въ теченіи долгаго времени впослѣдствіи была совершенно аналогична. Тѣмъ не менѣе конечные результаты оказались весьма различны. Хотя мы и находимъ тѣ же общія идеи, но здравый смыслъ Римлянъ, столь ясный и твердый, ихъ удивительное пониманіе полезнаго обезпечили ихъ отъ тѣхъ же выводовъ изъ этихъ идей: а съ теченіемъ времени событія окончательно разсѣяли ихъ практическое примѣненіе.

Въ первые вѣка Республики не было никакой промышленности, торговля была слабо развита; обработка полей находилась въ рукахъ рабовъ; гражданинъ же имѣлъ только два занятія: войну и политику. Когда онъ не на полѣ сраженія, онъ живетъ на общественной площади, принимая горячее участіе въ дѣлѣ верховнаго правленія. Также точно какъ въ греческихъ городахъ, свобода отождествляется съ властью; быть свободнымъ обозначаетъ подавать голосъ въ собраніяхъ, домогаться высшихъ должностей имѣть возможность ихъ занять; однимъ словомъ быть свободнымъ значитъ властвовать. Отсюда вытекаетъ весь общественный строй; онъ состоитъ въ іерархическомъ расположеніи властей, покоится онъ на силѣ. Частное право также точно какъ и публичное, хотя послѣднее можетъ быть въ маньшей степени, не признаютъ личности: отецъ семейства, qui in domo dominum habet обладаетъ неограниченной властью надъ женой, дѣтьми и рабами. Государство, отъ котораго все зависитъ, обладаетъ неограниченной властью надъ отцами семейства и является главой всѣхъ отношеній религіозныхъ и человѣческихъ [1]).

---

[1]) Cons. Schmidt. Essay historique sur la société civile dans le monde romain, p. 7 et. s.

До тѣхъ поръ пока существовала республика, въ формѣ последовательно смѣнявшихся аристократій, аристократій по происхожденію, по богатству и по служебному положенію, опасность господствовавшей государственной теоріи не давала себя чувствовать: люди, находившіеся у власти, находили средство быть всемогущими въ чертѣ города, а внѣ его эксплуатировать покоренные народы. Но опасность разразилась съ того дня, какъ римскій народъ выучился продаваться и началъ поставлять на службу честолюбцевъ партизанскіе отряды и оружіе. Монополія власти знатныхъ родовъ исчезла, она превратилась въ теченіи послѣднихъ вѣковъ существованія Республики въ игорную ставку междуусобныхъ войнъ; свобода, или то, что по традиціи называлось этимъ именемъ, была раздавлена; диктатура перешла отъ Марія къ Суллѣ и наконецъ усталымъ римскимъ народомъ была предоставлена въ руки Цезаря. Тѣ въ которыхъ теплился духъ прошедшихъ лучшихъ временъ платонически возненавидѣли установившееся рабство; армія, финансы, религія, судъ, воспитаніе, все зависитъ отъ Царя до жизни и имущества гражданина включительно: quidquid principi placuit legis habet vigorem ut pote cum lege Regia, quae de ejus imperio lata sst, populus, ei et in eam omne suum imperium et potestatem conferat [2]).

31. Граждане имѣютъ настоящія права, юридически выработанныя и обезпеченныя въ своихъ отношеніяхъ другъ къ другу, т. е. съ точки зрѣнія частнаго права; но у нихъ нѣтъ правъ по отношенію Государства и тѣмъ болѣе противуполагаемыхъ Государству, такъ какъ съ точки зрѣнія публичнаго права, они получали свои права отъ Государства.

Исторія права собственности можетъ служить тому доказательствомъ. Государство является собственникомъ государственной территоріи ager publicus'а, составлявшаго національную собственность, которой каждый владѣлъ въ качествѣ члена своего народа и каковой никто не владѣлъ въ качествѣ отдѣльной личности, и которая не иначе, какъ путемъ делегаціи превращалась въ ager privatus; происходило это или путемъ правительственнаго указа или путемъ установленной купли-продажи. Тоже относится и къ землямъ, находящимся въ провинціяхъ, agri provinciales, за исключеніемъ случаевъ пожалованія jus'a italicum, такъ что единственно возможное для частныхъ лицъ по отношенію къ нимъ фактическое владѣніе остается по существу своему временнымъ и лишь допустимымъ. Что же касается до полной собственности, dominium ex jure quiritium, основанной на пожалованіи jus italicum, была ли она на италической почвѣ или на почвѣ провинціальной, хотя она была несравненно устойчивѣе, но все же она не имѣла той незыблемости, которою отличается право, имѣющее свое основаніе въ

[2]) L. I. Dignestes de constitutionibus principum, 1, 4.

самомъ себѣ; надъ ней продолжаетъ тяготѣть опасность конфискаціи, временами прикрытой юридическими формами, всегда произвольной, а подчасъ и насильственной. Въ послѣдніе дни республики полководцы вознаграждали своихъ воиновъ при образованіи колоній не только государственными имуществами, но часто и за счетъ частной собственности. Это было своего рода sumum jus, походящее на право верховной власти. Сулла примѣнилъ его во всей его полнотѣ по отношенію къ возставшимъ противъ него италическимъ городамъ [1]). Когда съ учрежденіемъ Имперіи власть перешла въ другія руки дѣло не измѣнилось. Какія бы опредѣленія и оговорки не были предприняты при изданіи, lex Яegia, фактическій ихъ результатъ по крайней мѣрѣ извѣстенъ; Императоръ облеченъ всей суммою правъ, онъ является lex solutus, что равносильно тому, что онъ выше закона и слѣдовательно выше тѣхъ правъ которыя имъ установлены: его власть абсолютна [2]). Но при такомъ взглядѣ на Государство, коренящемся въ положеніи вещей, традиціонно установленныхъ народнымъ духомъ, не можетъ быть рѣчи о личномъ правѣ, въ истинномъ значеніи этого слова, т. е. правѣ предшествующемъ существованію общества и для него священнаго. Этимъ съ правдоподобностью объясняются противорѣчія, по крайней мѣрѣ кажущіяся, встрѣчаемыя у историковъ. Напримѣръ, Фюстель де Куланжъ, развивая довольно систематическій взглядъ на античный міръ, указываетъ на незыблемый характеръ собственности, который, по его мнѣнію, она пріобрѣтала путемъ утвержденія ее обычными религіозными обрядами [3]), между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ онъ констатируетъ, что Государство было полнымъ хозяиномъ, какъ имущества, такъ и личности своихъ подданныхъ [4]). Отсюда можно предположить, что незыблемость собственности первоначально у Римлянъ была дѣйствительно полной, и что затѣмъ она постепенно ослабѣвала по мѣрѣ того, какъ символическія церемоніи древняго культа утрачивали свою цѣну и что она совсѣмъ исчезла, какъ только собственность изъ религіознаго установленія превратилась въ чисто гражданское установленіе [5]). Въ IV вѣкѣ Св. Амвросій, древній администраторъ Имперіи, воспитанный на положеніяхъ публичнаго права, считаетъ сомнѣнія о правѣ Государства, захватить имущество своихъ подданныхъ, недопустимыми: «Если Императоръ требуетъ отъ насъ подати», говоритъ онъ, «мы въ этомъ ему не отказываемъ. Если Императоръ конфискуетъ наши поля, онъ имѣетъ на это власть; никто изъ насъ не станетъ этому противиться... Мы отдаемъ Кесарю кесарево» [6]).

---

1) Mispoulet, les institutions politiquos des Romains, t. 2, p. 32.
2) Op. cit. t. 1. p. 235 et 367
3) La citée antique, p. 75.
4) Id. p. 265.
5) Guiraud Recherches sur le droit de propriété chez les Romains p. 2 et 235.
6) Epistola de basilicis tradendis, 33. Opera edit. de la Patrologie t. 3 p. 1017.

Цезаризмъ есть равенство основанное на уничтоженіи всѣхъ правъ всѣхъ людей; это военный деспотизмъ безъ всякой гарантіи отдѣльной личности, кромѣ интереса самаго властвующаго. Такова была Имперія. Представляя изъ себя поочередную смѣну правителей, то великихъ духомъ, то одержимыхъ сумашествіемъ, среди дворцовыхъ трагедій и военныхъ переворотовъ, среди постояннаго страха за свою жизнь, цезаризмъ продолжался до тѣхъ поръ, пока все возростающая централизація не задушила общества подъ своей грубой и давящей опекой.

32. Будучи пропитано идеями, столь противуположными современнымъ тенденціямъ, публичное право Римлянъ почти ничего не оставило въ наслѣдство, достойнаго подражанія. Напротивъ того, по весьма странному стеченію обстоятельствъ, ихъ частное право находится почти въ полной гармоніи съ потребностями современной цивилизаціи. Даже больше. Что еще поразительнѣе, это что во время апогея имперіи, при Антоніяхъ, почти въ ту эпоху, когда началось крушеніе политическаго строя окончательно выработалось и завершилось это образцовое право, которому впослѣдствіи суждено было получить названіе «писаннаго разума». Сколь оно не удивительно, но явленіе это тѣмъ не менѣе имѣетъ свое объясненіе; оно объясняется способомъ развитія законодательства, относящагося къ частному праву у Римлянъ, и тѣмъ представленіемъ, которое они подъ конецъ выработали на естественное право.

33. Вторженіе Государства въ частную жизнь возможно въ дѣйствительности только въ странѣ съ точно установленными границами и небольшой по своимъ размѣрамъ. Оно должно было быть столь же полно въ Римѣ первыхъ вѣковъ. какъ и въ греческихъ городахъ и по тѣмъ же самымъ основаніямъ; власть была въ обоихъ случаяхъ одинаково близка къ лицу. Но по мѣрѣ того какъ Римъ разростался, она должна была, напротивъ того становиться все менѣе и менѣе активной и въ концѣ концовъ превратиться, мало по малу, лишь въ номинальную: завершилось же это полнымъ ея исчезновеніемъ, когда Имперія слилась границами съ тогда извѣстнымъ міромъ. Г. Дюрюи описываетъ, случившійся тогда, переходъ и, вытекшее изъ него, противуположеніе между правомъ и дѣйствительностью въ слѣдующихъ знаменательныхъ выраженіяхъ: «Государство», говоритъ онъ, «сдѣлалось такъ велико, что гражданинъ въ немъ затерялся, но обрѣлся человѣкъ съ чувсвомъ человѣческаго достоинства, превосходящемъ всякій положительный законъ». Это равносильно утвержденію, что крушеніе античнаго порядка было вызвано силою вещей. Лицо ускользаетъ отъ Государства, такъ какъ Государство слишкомъ удалено: внѣ предѣловъ города образуется, какъ бы новое отечество, просто людей, въ которомъ человѣкъ начинаетъ сознавать свою личность, такъ какъ онъ отвѣтственненъ предъ самимъ собою, въ которомъ

вырабатывается новое право, долженствующее собою замѣнить первоначальное или квиритское право.

Но это новое право, есть истинное римское право, то самое, которое пережило свое время, и начала котораго присвоили себѣ современныя общества. Оно проникнуто человѣчностью, такъ какъ оно произошло не отъ власти правителя, вдохновленнаго какой нибудь объективной цѣлью, но изъ самаго человѣка. Грецiя не знала обычнаго права; римское частное право, напротивъ того, было дѣломъ послѣдовательнаго и постепеннаго творчества времени: оно родилось изъ привычки, оно образовалось изъ обычая и традицiи, оно было приведено въ систему юрисконсультами въ качествѣ работы чистаго разума.

34. Цицеронъ, перечисляя источники гражданскаго права своего, времени отмѣчаетъ между ними наряду съ законами, сенатусъ—консультами и эдиктами высшихъ судовъ, обычай, толкованiя юрисконсультовъ и судебную практику. Обычай: «diuturni mores consentu utentium comprobati». Судебная практика «auctoritas rerum perpetuo similiter indicatorum». Толкованiя юрисконсультовъ: «sententiae et opiniones corum quibus permissum erat jura condere». Эти три источника не только имѣли влiянiе на образованiе частнаго права, но имѣли въ этомъ отношенiи преобладающее значенiе; развитiе законодательства имѣло почти исключительно историческiй и научный характеръ. Юрисконсульты, внимательно слѣдившiе за всѣмъ, что могло служить къ усовершенствованiю и очищенiю путей юридическимъ теорiямъ, и заготовляли матерiалы; ежегодные едикты, издававшiеся высшими судами при вступленiи ими въ отправленiе своихъ обязанностей пользовались этими матерiалами и постепенно вводили ихъ въ писанный законъ; такимъ образомъ новшества и усовершенствованiя исходили изъ источника живаго и, въ нѣкоторомъ родѣ, непрерывно обновляемаго.

Поэтому прэторъ разсматривался Римлянами, какъ олицетворенiе права въ его неизсякаемомъ дѣйствiи: «viva vox juris civilis». Эдиктъ представлялъ право, прогрессивно и непрестанно видоизмѣняющееся подъ влiянiемъ философскихъ идей и соцiальныхъ потребностей: «amplissimum jus est in edictis duorum pretorum, urbani es peregrini»; и неконецъ обычай, лежавшiй въ основѣ всей эволюцiи не могъ быть иначе разсматриваемъ, какъ естественный источникъ права, почти что онъ отождествлялся съ абсолютнымъ правомъ; это право, довольствующееся самимъ собой, послѣдовательно развивающееся по направленiю естественныхъ и постоянныхъ стремленiй человѣка.

35. Этимъ объясняется, что Ульпiанъ, отмѣчая различiе своего времени между писаннымъ правомъ и обычаемъ, считавшимся источникомъ гражданскаго права приближаетъ его къ тому противоположенiю, которое Греки дѣлали между закономъ писаннымъ и

закономъ неписаннымъ. «Hoc igitur jus nostrum constat aut est scripto, aut sine scripto: ut apud graecos των νομων οι δε εγγραφοι, οι δε αγράφοι, id est legum aliae quidem scriptas aliae vera non scriptae». Отчасти это неточно, такъ какъ Греція по всѣмъ признакамъ не имѣла обычнаго права, греческій неписанный законъ не былъ тождественненъ общепризнанному обычаю, а былъ естественнымъ правомъ. Тѣмъ не менѣе тутъ не столько смѣшеніе словъ, сколько приближеніе идей. Ульпіанъ, хотя и молча, но подчинялся, господствовавшей въ его время точкѣ зрѣнія, заключавшейся въ томъ, что фактъ самопроизвольнаго выраженія права въ обычаѣ, есть внѣшнее проявленіе самой истины.

Также точно одинаково объясняется совершенно экпериментальное представленіе римскихъ юрисконсультовъ объ отношеніи естественнаго права къ частному праву. Ихъ методъ имѣетъ аналогію съ тѣмъ, который лежитъ въ основаніи современнаго Позитивизма. Онъ ищетъ въ фактахъ отраженіе постоянныхъ и устойчивыхъ законовъ порядка; онъ ищетъ истину во всеобщности ея признанія; онъ ее находитъ въ общепризнанной практикѣ людей, въ правѣ лица, jus gentium, противуполагаемомъ гражданскому праву: «Quod vero naturalis ratio inter omnes homines constituit, id apud omnes peraeque custoditur vocatur que jus gentium».

Гражданское право это то, «quod quisque populus ipse sibi constituit»; оно мѣстное, оно развивается подъ вліяніемъ религіи и наравнѣ съ культомъ; оно почти всюду узко и формально. Римское гражданское право это то, которое юрисконсульты называютъ «jus nostrum», квиритское право; оно было достояніемъ «cives». Послѣ того, какъ Римъ расширилъ свои завоеванія, и когда учащенность торговыхъ сдѣлокъ между Римлянами и жителями провинцій и приливъ иностранцевъ въ Римъ создали необходимость международныхъ судовъ и такого права, которое было бы приложимо къ людямъ разныхъ національностей, право лица, «quo omnes gentes utuntut», заняло мѣсто рядомъ съ гражданскимъ правомъ и стало частію положительнаго права. Затѣмъ, по мѣрѣ того какъ «jus gentium» развивалось, «jus civile» суживалось или, точнѣе, видоизмѣнялось отъ соприкосновенія и подъ вліяніемъ права другихъ національностей, освобождаясь отъ узкаго круга, въ которомъ его сковали собственныя традиціи или, иначе говоря, оно стало ассимилироваться съ правомъ вселенскимъ. Ratio naturalis освободившись отъ мѣстныхъ вліяній и традицій появляется, слѣдовательно, во всей своей чистотѣ; приближаясь къ ней право не могло стать другимъ, какъ согласнымъ съ природой. Понятіе естественнаго права отождествилось, такимъ образомъ, съ понятіемъ права лица jus gentium, и это произошло настолько полно, что долгое время оба эти понятія употреблялись одно вмѣсто другого, какъ выражающія одну и ту же идею; такими же они остаются иногда и въ наше время.

Итакъ выраженіе jus gentium имѣло три значенія: оно обозначало, ту часть положительнаго права, которая была безъ различія примѣнима къ гражданамъ и чужеземцамъ; оно обозначало и то, что въ настоящее время называется международнымъ правомъ; и наконецъ, оно обозначало, въ болѣе общемъ смыслѣ вселенское право, установленное одобреніемъ всѣхъ націй, въ нѣкоторомъ родѣ идеальное право, управляющее всѣми людьми. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ философы и юрисконсульты называли jus gentium естественнымъ правомъ, jus naturale, jus naturae. «Sed naturalia quidem jura, quae apud. omnes gentes perque servantur, divina quadam providentia constituta, semper firma atque immutabilia permanent»; въ этомъ, именно, подчеркнута теоретическая и традиціонная черта естественнаго права.

Такое представленіе естественнаго права отвѣчало тенденціямъ, составлявшимъ наиболѣе характеристическую особенность духа римскаго народа. Будучи въ высшей степени позитивенъ, совершенно чуждъ спекулятивному мышленію, инстинктивно враждебный всякимъ нарушеніямъ принятой сситемы, также какъ и всякимъ уклоненіямъ въ угоду воображенію, этотъ духъ стремился установить законность въ установленіяхъ, ища ее, не столько въ апріорныхъ разсужденіяхъ, сколько въ урокахъ опыта и данныхъ, основанныхъ на всеобщемъ одобреніи.

При томъ же, нисколько не будетъ противорѣчить логикѣ, при наблюденіи фактически установившагося порядка изъ факта общепризнанности обычая дѣлать выводъ къ его законности; этотъ фактъ общепризнанности иокоится какъ-бы на вселенскомъ своемъ одобреніи. Этотъ процессъ мышленія былъ впослѣдствіи названъ Граціемъ апостеріорнымъ доказательствомъ существованія естественнаго права. Для большей вѣскости своего взгляда онъ подкрѣпляетъ его ссылками на Гезіода, Гераклита, Аристотеля и т. д.; онъ ссылается также на Цицерона, который утверждаетъ, что разъ всѣ націи согласны въ признаніи чего-либо, то это надо считать за законъ природы: «Omnis autem in re consensio omnium gentium lex naturae putanda est»; онъ цитируетъ сверхъ того Сенеку, который считаетъ признакомъ истины, согласіе всѣхъ признавать ее за таковую: «Apud nos veritatis argumentum est aliquid omnibus videri»; наконецъ, онъ приводитъ мнѣніе Квинтиліана, который говоритъ, что надо считать за достовѣрное, то что обще принято: «Deinde procertis habemus ea, in quae communi opinione consensum est».

Во всякомъ случаѣ примѣненіе этой точки зрѣнія римскими юрисконсультами привело къ достойнымъ удивленія результатамъ. Ея основа съ философской точки зрѣнія лишь относительно правильна; тѣмъ не менѣе, только благодаря ей, узкое и суровое, какъ и всѣ примитивныя законодательства, квиритское право, развилось въ направленіи справедливости, пріобрѣло характеръ универсаль-

наго обобщенія, въ нѣкоторомъ родѣ чисто раціональналистическаго — и римское законодательство достигло столь высокой степени совершенства въ своемъ послѣднемъ періодѣ, что вызвало слѣдующее свидѣтельство со стороны Босюэта: «Если Римскіе Законы казались столь святы, что ихъ величіе существуетъ и по нынѣ послѣ паденія Имперіи, то это происходитъ отъ того, что здравый смыслъ, который есть господинъ человѣческой жизни, въ нихъ царствуетъ во всемъ, а также и отъ того, что нигдѣ нельзя найти болѣе совершеннаго осуществленія принципа естественной справедливости». Человѣческая личность до того времени, приносимая въ жертву начинаетъ, высвобождаться; наряду съ родовымъ имуществомъ отчетливо устанавливается имущество отца, затѣмъ имущество дѣтей на началахъ благопріобрѣтенія, наконецъ имущество жены, вслѣдствіе видоизмѣненія порядка приданаго: подготовляется понятіе права лица и отсюда начинается его практическое зарожденіе.

37. Можно ли отсюда заключить, чтобы Римляне ничего не признавали существующимъ надъ этимъ чисто историческимъ представленіемъ естественнаго права? Конечно, нѣтъ. Доказательствомъ тому служитъ, что существовали нѣкоторые институты jus gentium'а, которые они считали въ прямомъ противорѣчіи съ природою, между прочимъ институтъ рабства. Признанный во всей древности, онъ тѣмъ самымъ сдѣлался jus gentium; тѣмъ не менѣе юрисконсульты признавали его противнымъ природѣ: «Servitus est constitutio juris gentium, quâ quis domias alieno contra naturam subjicitur». Слѣдовательно, существуетъ нѣчто, находящееся надъ установленіями jus gentium, нѣчто такое, что не можетъ быть ни замѣнено, ни покрыто одобреніемъ людей, хотя бы таковое было дѣйствительно всеобщимъ: это истинная идея абсолютной справедливости, парящей надъ человѣческими законами.

Начиная съ средины второго вѣка, во времена Антоніевъ, эта идея, видоизмѣнившись подъ вліяніемъ стоицизма и гуманитарныхъ началъ той умственной и нравственной революціи, которой суждено было привести римское общество къ христіанству, проникаетъ въ умы юрисконсультовъ. Черезъ ихъ посредство она внѣдряется въ законъ и управленіе. Цельзій, другъ Адріана, опредѣляетъ право, какъ искусство добра и справедливости, «ars boni et aequi». Ульпіанъ приближенный и высшій сановникъ Александра Севера, опредѣляетъ законовѣдѣніе какъ науку справедливаго и несправедливаго, «justi atque injusti scientia»; ему же принадлежитъ формулировка слѣдующихъ двухъ классическихъ афоризмовъ: «Justitia est constans et perpetua voluntas jus suum cuique tribuere... juris praecepta sunt haec: honeste vivere, alterum non laedere, suum cuique tribuere».

Право, понимаемое съ этой точки зрѣнія становится предметомъ философіи, почти что догматомъ религіи; истинные его приверженцы съ гордостью считаютъ себя его первосвященниками:

«Cujus merito qui non sacerdotes appellet. Justitiam namque colimus et boni et aequi notitiam profitemur, aequum ab iniquo separantes, licitum ab illicito discernentes».

38. Тѣмъ не менѣе идеѣ не суждено было еще получить своего осуществленія. Самыя возвышенныя изрѣченія юрисконсультовъ, и ихъ внутреннее содержаніе пребываютъ въ стадіи вдохновеній и подобно мерцающему свѣту исчезаютъ, при ближайшемъ съ ними ознакомленіи. Право людей, jus gentium видоизмѣнилось въ фактическое право, первоначально признаваемое лишь по снисхожденію и по уступкѣ со стороны государства; юрисконсульты выработали представленіе о цивилизованномъ мірѣ, какъ объ людскомъ общеніи, управляемомъ законами, продиктованными общимъ разумомъ, въ противуположность прежнему представленію, по которому законы были лишь отраженіемъ классовыхъ или помѣстныхъ интересовъ; возможные для своего времени результаты были этимъ достигнуты. Для того, чтобы сдѣлать больше этого, надлежало порвать связь съ теоріей государства, какъ верховнаго вершителя всѣхъ божескихъ и человѣческихъ отношеній, съ каковой теоріей суждено было древнему міру оставаться скованнымъ; надлежало возвыситься до истиннаго пониманія права лица, носящаго свою законность въ самомъ себѣ, принадлежащаго человѣку, независимо отъ допущенія его по закону, однимъ словомъ, до понятія свободы. Это стало удѣломъ творчества христіанства, изъ котораго возникла идея современнаго права. До тѣхъ поръ пока она не осуществится, представленія политической философіи не пойдутъ далѣе того, что соотвѣтствуетъ интересамъ, освѣщеннымъ опытомъ.

Этимъ объясняются тѣ противорѣчія, которыми изобилуетъ исторія и законодательство Римлянъ. Философы и юрисконсульты признаютъ общность происхожденія людей, и они же сохраняютъ рабство безъ тѣни сомнѣнія или зазрѣнія совѣсти; они признаютъ равенство установленнымъ естественнымъ правомъ, и они же оставляютъ обществу его аристократическій строй, съ системою жесточайшихъ наказаній для низшихъ и бѣднѣйшихъ общественныхъ слоевъ; они провозглашаютъ, что справедливость заключается въ уваженіи права каждаго человѣка и они же толкаютъ нетерпимость на безпощадное преслѣдованіе. Вина въ этомъ лежитъ въ античной идеѣ Государства, господина надъ человѣкомъ, его личностью, его имуществомъ, его умомъ и его душой. Все находится въ рукахъ императора, съ тѣхъ поръ какъ народъ передалъ Цезарю свои державныя права; стремиться къ ограниченію этихъ правъ значитъ совершить преступленіе оскорбленія величества. Траянъ, неусыпно бодрствовавшій въ охранѣ военнаго и гражданскаго порядка, Маркъ Аврелій, болѣе чѣмъ на половину проникнутый Новымъ Словомъ, оставляютъ убѣжденія въ сторонѣ, и отправляютъ христіанина на мученія «не съ большими сомнѣніями или угрызеніями совѣсти», говоритъ Г. Дюрюи, «чѣмъ бы то было при

рѣшеніи судьбы измѣнника солдата или бѣглаго раба». Это было право своего времени. Необходимо надлежащимъ образомъ отмѣтить, какіе въ дѣйствительности изъ правителей проливали христіанскую кровь. Это не были Коммодъ, Каракалла или Геліогабалъ; это были, за исключеніемъ Нерона, правители наиболѣе справедливые, наиболѣе выдающіеся администраторы: Траянъ, Маркъ Аврелій, Децій, Северъ, Діоклетіанъ. Изъ всѣхъ преторовъ преторіи наиболѣе немилосерднымъ въ преслѣдованіяхъ былъ Ульпіанъ, авторъ самаго возвышеннаго изъ афоризмовъ о справедливости. Было ли это съ ихъ стороны фанатизмомъ или жестокостью или, какъ думаютъ нѣкоторые, инстинктивнымъ гнѣвомъ противъ того, чему суждено было разрушить тотъ порядокъ, который они представляли? Ни чуть не бывало, преступленіе носило политическій характеръ: оно было осуществлено до нѣкоторой степени, какъ мѣра общественнаго порядка. Тамъ, гдѣ религія и Государство смѣшаны воедино, всякое посягательство на національную вѣру есть вмѣстѣ съ тѣмъ преступленіе противъ державныхъ правъ. Христіанъ избивали во имя поправнаго закона, такъ какъ ихъ духъ независимости угрожалъ единству Имперіи и незыблемости вѣры и такъ какъ подчиненіе гражданина должно быть безгранично. То что намъ кажется основой соціальнаго порядка, именно свобода и право лица казалось древнему міру разложеніемъ нравовъ; въ этомъ заключался «odium generis humani», который, по словамъ Тацита, былъ причиной преслѣдованій и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ оправданіемъ.

Власть существующая была во всѣ времена слѣпа въ умѣніи отгадать власть, грядущую. Въ теченіи трехъ вѣковъ юрисконсульты и политики упорствовали въ нежеланіи признать, совершающуюся революцію будучи одарены суровымъ и упорнымъ умомъ римской расы, они оставались людьми античнаго міра и по долгу охранителями его нравовъ, его идей и его установленій; они заблуждались, но ихъ заблужденіе покоилось на стройномъ и систематически выработанномъ міровоззрѣніи, что всегда придаетъ заблужденію наиболѣе упорный характеръ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Современная идея права.

39. Два основныя теченія выработались въ настоящее время въ спорѣ о принципѣ права и, впредь предметъ спора уже не будетъ больше измѣняться. Двѣ школы оспариваютъ свою правоту въ теченіи восемьнадцати вѣковъ: онѣ отвѣчаютъ двумъ непримиримымъ склонностямъ человѣческаго разума: вѣчному антогонизму права и силы.

Одна изъ этихъ школъ, вышедшая изъ великаго духа христіанства, возрожденнаго въ XVI вѣкѣ послѣ долгаго упадка, утверждаетъ, вопреки ученію античнаго міра, что человѣкъ есть самъ по себѣ источникъ своего собственнаго права, и что основой порядка является идея свободы. Это либеральная школа, представители которой суть: Губертъ Ланге, Готманъ, Бодинъ, Гроцій, Локкъ, Монтескье, Кондорсэ, Бенжаменъ Констанъ, Токквилль, Бастіа и другіе.

Другая школа, носящая разныя названія, вдохновляясь въ зависимости отъ той или другой эпохи самыми противуположными мнѣніями и преслѣдуя измѣняющіяся цѣли, но всегда придерживаясь тѣхъ же самыхъ средствъ, проповѣдуетъ античное представленіе преобладанія Государства и отрицаетъ право лица; это школа абсолютистовъ, имѣющая представителями, св. Ѳому Аквинскаго, Макіавели, Суареса, Гоббса, Босюэта, Жанъ Жака Руссо, Іосифа де Местра, Гегеля, Огюста Конта и т. д.

Споръ не разрѣшенъ, такъ какъ ряды тѣхъ, которые отрицаютъ авторитетъ разума, также возобновляются, какъ и ряды тѣхъ, которые въ него вѣрятъ. Девятнадцатый вѣкъ являетъ собою картину смѣшенія идей и системъ; и въ то время, когда онъ приходитъ къ концу, приходится ставить себѣ вопросъ шелъ ли онъ по теченію исторической эволюціи или противъ этого теченія. Сколько выдвигается ежедневно новаторовъ, убѣжденныхъ въ томъ, что они передовые умы и выдающихъ себя за таковые, но которые на самомъ дѣлѣ, не подозрѣвая того, суть лишь поклонники античныхъ боговъ.

§ 1. Либеральная школа.

I. Ея возникновенія.

40. Пробужденіе человѣческой личности, поглощенной античнымъ правомъ, начинается съ того дня, когда было возвѣщено знаменательное слово: «Reddite igitur que sunt Ceasaris Ceasari, et quae sunt Dei, Deo». Цезарь—это Государство, гражданская власть, законъ. Этотъ совѣтъ въ своемъ прямомъ смыслѣ относился лишь къ уплатѣ подати; но въ иносказательномъ смыслѣ слово это содержитъ общую идею и идея эта слѣдующая: человѣкъ обязанъ подчиненіемъ властямъ придержащимъ, но обязанность эта имѣетъ свои предѣлы, такъ какъ совѣсть человѣка внѣ сферы власти и не зависитъ ни отъ кого, кромѣ Бога

Изъ этого не слѣдуетъ заключать, что право лица не имѣло раньше этого своихъ провозвѣстниковъ и своихъ мучениковъ. Сократъ доказалъ свое признаніе его, тѣмъ, что, предпочелъ выпить цикуту, согласію прекратить свое ученіе; стоики обосновали нравственную свободу, отдѣливъ внутреннюю жизнь отъ внѣшней и

показывая, какъ, предъ лицомъ всесильнаго Государства, можно найти несокрушимое убѣжище въ глубинахъ души, и какъ можно въ немъ быть болѣе свободнымъ, чѣмъ самъ Цезарь. Но протесты во имя философской совѣсти не имѣли той силы, которая вызываетъ къ жизни всенародные идеи и факты. Для того, чтобы измѣнить античный міръ, надлежало произойти одному изъ тѣхъ потоковъ идеализма, который проникъ бы въ самыя глубочайшія тайники, пересилилъ бы порядокъ вещей также какъ и самаго человѣка и все бы перевернулъ до самыхъ основаній. Но величавое спокойствіе Сократа не можетъ быть удѣломъ пониманія толпы, также точно какъ настойчивая и непоколебимая гордость стоиковъ не можетъ быть общей добродѣтелью. Смерть Сократа была лишь отдѣльнымъ проявленіемъ величія единичнаго лица; смерть Катона обнаруживала черту высокомѣрной, всепрезирающей независимости, безъ малѣйшей возможности подражанія. Наоборотъ въ Евангеліи все просто, велико, и главнымъ образомъ человѣчно и заразительно. Не мысли или разуму, говоритъ Христосъ, а сердцу и чувству. Онъ призываетъ къ Себѣ униженныхъ и гонимыхъ; Онъ увѣщеваетъ праваго и утѣшаетъ виновнаго; языческому эгоизму и жестокости Онъ противупоставляетъ милосердіе и самоотреченіе. Онъ взываетъ къ единенію и братству человѣческій родъ внѣ предѣловъ государствъ и узкихъ рамокъ ихъ законодетельствъ. Наконецъ, въ усталый и изстрадавшійся міръ Онъ бросаетъ идею свободы, провозглашая во имя Царствія Божія право человѣка, во всемъ что касается сферы его души, зависящимъ лишь отъ него самаго. Все до поэтической формы притчъ, включительно, должно было плѣнять народную совѣсть; воздѣйствіе не могло не получить вселенскаго распространенія и не сдѣлаться неотразимымъ.

41. Свобода вѣроисповѣданія есть какъ бы источникъ и основа всѣхъ остальныхъ ея видовъ. Новому слову предстоитъ не только совершить переворотъ въ области чувствъ и нравовъ, но также и въ области политики.

Съ языческой точки зрѣнія новое слово, при самомъ своемъ возникновеніи представлялось революціоннымъ въ двухъ отношеніяхъ; между прочимъ это было одной изъ причинъ гоненій на христіанъ, въ то самое время, когда іудейство, представлявшее не только секту, но и національность было почти терпимо.

Во первыхъ раздѣливъ, объединенныхъ въ древности человѣка и гражданина, главнымъ образомъ, оградивъ предъ лицомъ Закона право человѣка на свободу совѣсти, Христіанство опрокинуло традиціонную теорію Государства, которое поглощало частную жизнь въ жизни общественной, предъявляя права на всего человѣка. Вслѣдствіе этого оно вмѣстѣ съ тѣмъ переносило принципъ права на новое мѣсто; до тѣхъ поръ право признавалось, исходящимъ изъ законовъ, а съ этого времени оно признается, имѣющимъ свой источникъ въ самомъ человѣкѣ Откуда слѣдуетъ тотъ, хотя и

отдаленный, но прямой выводъ, что справедливымъ можетъ быть только тотъ законъ, который согласенъ съ природой человѣка и уважаетъ его естественныя права.

Во вторыхъ предписывая отдать цезарево Цезарю а Божье Богу, эта притча устанавливаетъ раздѣленіе властей. Это также было полнымъ новшествомъ. Всюду при своемъ возникновеніи право рождалось изъ народныхъ вѣрованій и всегда оставалось въ строгой зависимости отъ культа; христіанство, напротивъ того, провозглашаетъ независимость гражданской власти отъ религіи, и, обратно, оно являетъ, какъ то замѣчаетъ Фюстель де Куланжъ и наблюденіе это весьма глубокое, «первой религіей», которая не заявляла притязаніе на исхожденіе изъ себя права. И дѣйствительно, нигдѣ и никогда Христосъ не предъявлялъ ни для себя, ни для своихъ учениковъ правъ на земное господство; напротивъ того, онъ говоритъ: «Царство Мое не отъ міра сего». Въ этомъ заключается зародышъ того противуположенія, которое было съ точностью опредѣлено въ позднѣйшее время, и которое въ своемъ практическомъ примѣненіи вылилось въ нравственность и право.

Во всякомъ случаѣ надлежало пройти вѣкамъ, раньше, чѣмъ эта идея могла принести плоды и могли осуществиться ея практическія выводы. Она была свѣтомъ, которымъ озарился весь міръ, не угасая онъ временно ослабѣлъ, для того, чтобы вновь загорѣться послѣ долгаго затменія.

42. Въ дѣйствительности христіанство способствовало видоизмѣненію идеи права, лишь въ очень ограниченныхъ предѣлахъ и это надлежитъ усиленно отмѣтить; внѣ этихъ предѣловъ оно вліяло лишь силою своего откровенія, каковою силою обладаетъ всякая доказанная истина.

Хотя притча о подати утверждаетъ существованіе права человѣка предъ лицомъ Государства, но она его ни выясняетъ, ни опредѣляетъ: она оставляетъ не установленной границу между тѣмъ, что принадлежитъ Цезарю и тѣмъ. что принадлежитъ Богу. Но это обстоятельство мало имѣло отношенія къ основной цѣли Евангелія; такъ какъ оно не связано съ міромъ, оно проповѣдуетъ реформу нравственнаго порядка, но не реформу соціальную. Единственнымъ точно установленнымъ практическимъ примѣненіемъ принципа, относившимся къ нарождаемому христіанству и единственнымъ правомъ, которое оно принимало близко къ сердцу была свобода совѣсти. Оно предъявляло на нее свои права, отказываясь отъ жертвоприношеній идоламъ; эту именно свободу совѣсти требовали защитники христіанства и, именно, ее исповѣдовали правовѣрные, въ героическія времена гоненій, когда они открыто шли на встрѣчу мученическому вѣнцу. Во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, не касающихся интересовъ Небеснаго Царства и не приходящихъ въ столкновеніе съ Божьимъ Закономъ, подчиненіе властямъ придержащимъ считается долгомъ и совѣтуется

Этимъ объясняется ученіе Церкви первыхъ временъ о двухъ вопросахъ, рабства и собственности являющихся краеугольнымъ камнемъ всѣхъ правовыхъ системъ. Будучи поглощена своей нравственной миссіей, Церковь, повидимому, не подозрѣвала тѣхъ узъ, которыя связуютъ свободу совѣсти съ другими видами свободы, то объединеніе, которое связуетъ всѣ права, объединеніе столь тѣсное, что они нераздѣльны въ своей совокупности, и ни одно право не можетъ считаться незыблемымъ достояніемъ человѣка, пока хоть одно какое-нибудь другое право не выяснено или находится подъ угрозой.

43. Относительно рабства, которое есть отрицаніе элементарнаго права человѣческой личности, Апостолы, также какъ и Отцы Церкви были въ полномъ согласіи съ точкой зрѣнія современныхъ философовъ, а также и съ точной зрѣнія стоиковъ. Они его осуждаютъ во имя милосердія, такъ какъ предъ Богомъ всѣ люди равны, нѣтъ ни раба, ни господина; но они его терпятъ, въ виду общепринятаго обычая, совѣтуя лишь рабу подчиненіе, а господину кротость. Нѣкоторые допускали его даже принципіально; святой Августинъ считалъ его законнымъ, какъ слѣдствіе грѣха.

Относительно собственности ихъ ученіе страдало такой же неопредѣленностью. Во время первоначальнаго рвенія правовѣрные сложили свое имущество вмѣстѣ въ одно общее достояніе. Позднѣе, одни изъ поборниковъ, какъ напримѣръ св. Амвросій, толкуя логически слова Евангелія, относящіяся къ богатымъ, рѣшительно отрицаетъ законность пріобрѣтенія и видитъ въ немъ лишь насильственный захватъ; если другіе, менѣе пылкіе, или болѣе отдающіе себѣ отчетъ въ условіяхъ гражданскаго общества, допускали его, то это только потому, что они въ немъ видѣли не право, а лишь допущеніе со стороны Государства. Такимъ является ученіе, наиболѣе выдающагося изъ учителей латинской Церкви, святого Августина, въ его шестомъ трактатѣ о Св. Іоаннѣ. То мѣсто, въ которомъ провозглашается это ученіе имѣетъ громадное историческое значеніе, такъ какъ впослѣдствіи оно вошло въ Декретъ Граціана и превратилось въ кононическое правило. Мы читаемъ: «По какому праву каждый владѣетъ тѣмъ, чѣмъ онъ владѣетъ? Развѣ это не по человѣческому праву? По Божескому праву богатые и бѣдные сотворены Богомъ изъ одного вещества, и одна и таже земля ихъ носитъ. Слѣдовательно, это на основаніи человѣческаго права, что говорятъ: это имѣніе мое, этотъ домъ мой, этотъ рабъ мой. Но человѣческое право есть ничто иное, какъ право императора почему? Потому что на землѣ Богъ распредѣляетъ прово *человѣческому роду* посредствомъ императоровъ и королей. Отнимите право отъ императоровъ, кто посмѣетъ сказать: это имѣніе мое, этотъ рабъ мой, этотъ домъ мой»? Текстъ закона приближается къ этому насколько возможно: «Tolle jura imperatorum et quis audet dicere: mea est illa villa, aut meus est ille servus,

aut domus haec mea est»? Совѣсть принадлежитъ человѣку, но его вотчина ему не принадлежитъ.

Такимъ образомъ требованіе христіанства въ примомъ смыслѣ было приложимо лишь къ совѣсти. Единственное право дѣйствительно признанное и провозглашенное за таковое, т. е. въ качествѣ находящагося надъ закономъ была свобода совѣсти. Это причина, почему, когда Церковь, послѣ трехъ вѣковъ борьбы, сдѣлавшись господствующей въ мірѣ, и нетерпѣливая въ своемъ объединительномъ стремленіи, превратилась въ свою очередь въ притѣснительницу и угнетательницу, идея права озарилась высвободившись, на одно мгновеніе, послѣ котораго должна была снова впасть въ глубокое затменіе. Человѣкъ былъ снова отданъ обществу въ подчиненіе, въ каковомъ онъ находился въ античномъ мірѣ. Еще разъ онъ сталъ принадлежать силѣ; въ древности у него былъ одинъ господинъ,—Государство, отнынѣ у него будетъ ихъ два: Церковь и Имперія, взаимная вражда которыхъ занимаютъ собою главное центральное дѣйствіе исторіи среднихъ вѣковъ.

44. Явленіе не заставило себя ждать. Едва успѣлъ Константинъ одержать побѣду надъ Максенціемъ, какъ онъ говоритъ о свободѣ; онъ объявляетъ, что никто не можетъ быть преслѣдуемъ за свое вѣроисповѣданіе. Обѣщаніе было напрасно. По примѣру языческаго Государства, Церковь, какъ только закончила формулировку своего символа вѣры на Никейскомъ соборѣ, забывши идею, которую она возвѣстила міру и которая ее вдохновляла, пока она не превратилась въ воинствующую, начала защищать свое единство путемъ призыва свѣтской власти и силы. Изъ орудія освобожденія, каковымъ она была по первому началу, она превратилась въ орудіе господства. До изданія Миланскаго Эдикта, императоры преслѣдовали христіанство, какъ преступленіе: съ этого же времени язычники и еретики разсматриваются, какъ враги Государства. Тѣ же судьи, которые наканунѣ приговаривали во имя боговъ Имперіи, на слѣдующій день приговариваютъ во имя Соборовъ.

Побужденіе, правда, уже не тоже самое, такъ какъ съ IV вѣка точно установилось ученіе, которое становится господствующимъ во всѣхъ школахъ среднихъ вѣковъ. Зарождающееся католичество требуетъ господства надъ совѣстью, не во имя честолюбиваго интереса властвованія, а во имя милосердія. Будучи проникнуто своей непогрѣшимостью, и исходя изъ этого основанія, католичество считаетъ свободу за истину лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ она имъ представлена, поэтому въ качествѣ средства достиженія истины оно предпринимаетъ рядъ гоненій на язычниковъ и еретиковъ въ цѣляхъ заставить ихъ перемѣнить вѣру для ихъ же блага, но не въ цѣляхъ тираніи. Мечтательная и темная вѣра римской святой Инквизиціи, представлявшая смѣсь религіознаго фанатизма съ государственной мыслью позднѣе начинаетъ

считать, что для спасенія души надо истязать тѣло и потому становится безпощадной ради любви къ ближнему. Но какую цѣну имѣютъ цѣли разъ результатъ остается тотъ же. Право болѣе не разсматривается принадлежащимъ лицу, оно внѣ его, въ авторитетѣ; власть, исходящая отъ Бога не имѣетъ границъ. Это при новомъ объектѣ та-же античная теорія всесильнаго Государства, господина всѣхъ правленій божескихъ и человѣческихъ. Существуютъ права въ отношеніяхъ частныхъ людей между собою, но ихъ нѣтъ въ отношеніяхъ къ власти, которая продолжаетъ разсматриваться какъ верховная распорядительница надъ всѣми правами. Идеалъ, съ точки зрѣнія средневѣковой теократіи, заключается въ поглощеніи человѣка и общества божескимъ промысломъ, истолкователемъ котораго является Церковь.

Если пренебречь точностію опредѣленій, подраздѣленій и классификацій, которыми такъ дорожитъ схоластика, а также оставить въ сторонѣ глубокіе взгляды и великія идеи, которыми она изобилуетъ, то, именно, въ этомъ заключается конечный выводъ теоріи законовъ, изложенной въ «Summa Theologica» этомъ зеркалѣ, въ которомъ отражаются Средніе Вѣка въ ихъ совокупности въ эпоху своего апогея. Наряду съ человѣческимъ закономъ, практическимъ правиломъ и мѣрою поступковъ, представляющимъ объектъ положительнаго права, Св. Ѳома Аквинскій признаетъ три вида законовъ, комбинація которыхъ приводитъ къ чудесному сцѣпленію первыхъ посылокъ съ выводами: законъ вѣчный, законъ природы и законъ божескій. Законъ вѣчный превосходитъ человѣческій разумъ, это разумъ вещей, пресуществующій въ Богѣ: «Summa ratio in Deo existens», законъ природы это врожденная склонность, ведущая всякое созданіе къ его естественной цѣли; наконецъ, божескій законъ, одновременно положительный и непреложный, это законъ открытый человѣку, законъ древній и законъ новый; онъ предначертываетъ человѣку его стезю, и онъ долженъ ее предначертывать, такъ какъ безъ него ее нельзя было бы найти, вслѣдствіе того, что сужденія человѣческія темны и не достовѣрны, такъ какъ разумъ блуждаетъ въ потемкахъ, когда начинаетъ искать себѣ руководителя въ самомъ себѣ и такъ какъ онъ не можетъ сопричитаться къ свѣту, озаряющему всякаго рождающагося въ міръ человѣка, безъ того, чтобы не отказаться отъ самаго себя. Широкій взглядъ, имѣющій свой зародышъ и развитіе въ возвышеннѣйшихъ областяхъ мысли и приводящій въ концѣ концовъ къ чистой теократіи. Религія есть цѣль Государства; божескій законъ направляетъ человѣческія дѣйствія; если человѣкъ обязанъ подчиненіемъ авторитету то это подъ условіемъ, чтобы этотъ авторитетъ былъ Богъ: слѣдовательно нѣтъ власти выше той, которая представляетъ Божество и полный авторитетъ, авторитетъ духовный, также какъ и авторитетъ свѣтскій, принадлежитъ Верховному первосвященнику.

Что же это такое, какъ не тотъ же платонизмъ, хотя подъ этой новой формой онъ вдохновляется уже возвѣщеннымъ идеаломъ, но идеалъ этотъ болѣе уже не философіи. Древній міръ включалъ Церковь въ Государство; теократія включаетъ Государство въ Церковь, которой немедленно завладѣваетъ политика.

45. Съ этихъ поръ человѣческая личность исчезаетъ въ предустановленномъ порядкѣ. Если власть разсматривается, какъ исходящая отъ Бога, ея авторитетъ, какъ небесное правосудіе, то ея мечъ становится выразителемъ Высшей воли; теорія божественнаго права, подъ опасеніемъ стать въ противорѣчіе съ собственнымъ принципомъ должна неизбѣжно привести въ концѣ концовъ къ абсолютизму.

О свободѣ совѣсти уже больше не можетъ быть и рѣчи. Сколько разъ дѣлалась ссылка на знаменитое мѣсто изъ сочиненія Св. Ѳомы, которымъ онъ воспроизводитъ ученіе Св. Августина, и въ которомъ онъ считаетъ установленнымъ право принудительнаго обращенія еретиковъ? Удивительное противорѣчіе божественнаго нравственнаго ученія, возвѣщеннаго Ангеломъ Школы и которое кончается насиліемъ. Какая же это добродѣтель, которая имѣетъ своимъ основаніемъ чувства страха и могутъ ли насильно совершенные поступки имѣть какую нибудь цѣну для вѣчнаго спасенія? Совращеніе вѣры, которая есть жизнь души, говорится въ Summa Theologica несравненно болѣе тяжкое преступленіе, чѣмъ поддѣлка монеты, которая служитъ лишь потребности тѣла. Но, если поддѣлыватели монетъ и другіе злодѣи несутъ справедливое наказаніе отъ свѣтскихъ властей, то тѣмъ болѣе изобличенные еретики должны быть не только осуждены, но и наказаны смертью. Въ началѣ, Церковь являетъ свое милосердіе къ заблудшимся, надѣясь на ихъ обращеніе на путь истинный и поэтому она осуждаетъ лишь послѣ перваго или второго предостереженія; но если виновный упрямится, то Церковь отчаявшись въ его обращеніи и стоя на стражѣ спасенія другихъ, отдѣляетъ его отъ себя посредствомъ отлученія и предаетъ его свѣтскому суду для отдѣленія его отъ этого міра посредствомъ смерти. «Такъ какъ», поясняетъ Св. Іеремъ, «гніющія части тѣла должны быть отрѣзаны, также какъ зараженная овца должна быть отдѣлена отъ стада, изъ опасенія за цѣлое, чтобы все тѣло и все стадо не постигла зараза, чтобы они не испортились, не загнили и не погибли окончательно. Арій былъ въ Александріи, лишь искрой: не будучи тотчасъ сразу затушена, эта искра зажгла вселенную».

Католическое вѣроученіе становится закономъ для всѣхъ человѣческихъ отношеній въ мірѣ. «Я васъ прошу и требую, чтобы вы объяснили, что такое вы называете правомъ», спрашиваетъ рыцарь въ «Сновидѣніи въ Саду»; церковнослужитель отвѣчаетъ: «Я называю и признаю правомъ Декреты и постановленія святыхъ Римскихъ Отцовъ, которые связываютъ и налагаютъ обязанности

на всѣхъ истинныхъ христіанъ, какъ на подданныхъ нашей святой Матери Церкви».

Въ отношеніи двухъ основныхъ вопросовъ рабства и собственности, за исключеніемъ нѣкоторыхъ весьма тонкихъ отличій, въ которыхъ обнаруживается высшая степень усилія, составляющаго все величіе «Summ' Theologica», объединить Божескій законъ съ человѣческой философіей, святой Ѳома встрѣчается или весьма близко подходитъ къ античнымъ воззрѣніямъ. Поразительный примѣръ сходства логики, присущей этимъ ученіямъ. Рабство онъ признаетъ, не какъ нѣчто согласное съ вѣчнымъ закономъ или съ закономъ Божескимъ, но какъ полезный фактъ, полезный общему интересу, полезный господину, а временами и самому рабу и слѣдовательно какъ согласный съ закономъ природы. Собственность неизвѣстна вѣчному закону, Божескій же законъ допускаетъ ее въ отношеніи владѣнія вещами за исключеніемъ случаевъ, когда они должны быть предметомъ общаго пользованія; не вытекая изъ естественнаго права, она вмѣстѣ съ тѣмъ и не противорѣчитъ ему и поэтому ея полезность оправдываетъ установленное человѣческое соглашеніе».

Каковы бы не были точки отправленія и цѣли и каковы бы не были системы, разъ человѣческая личность отрицается въ ея основныхъ прерогативахъ, собственность перестаетъ разсматриваться какъ явленіе законное, т. е. въ качествѣ вытекающаго изъ естественнаго права.

46. Въ чемъ вліяніе христіанства было чисто отъ всякихъ примѣсей и въ чемъ суждено ему было таковымъ остаться безповоротно, это, безъ всякаго сомнѣнія, въ отношеніи нравственности, въ отношеніи развитія и торжества чувствъ человѣчности. Съ самаго начала оно ослабило силу и осудило дѣйствіе меча; всюду и всегда оно распространяло духъ милосердія, почти что уваженія къ страждущимъ и угнетеннымъ; оно, такимъ образомъ, научило людей защищать слабыхъ; это равносильно наученію ихъ быть справедливыми. Конечно, защита, даже возведенная на степень общественнаго долга не есть еще право; но во всякомъ случаѣ она взываетъ къ его признанію и его сохраненію и тѣмъ самымъ, она настолько близко прикасается къ нему, что составляетъ какъ бы часть его и почти сливается съ нимъ.

Въ 829 году шестой Парижскій Соборъ такъ опредѣляетъ роль предоставленную верховному правителю: Царская справедливость заключается въ томъ, чтобы никого не притѣснять, ко всѣмъ примѣнять безпристрастное правосудіе, защищать иностранцевъ малолѣтнихъ и вдовъ, искоренять кражу, наказывать прелюбодѣяніе.... защищать Церкви, помогать бѣднымъ, назначать справедливыхъ людей во главѣ государственныхъ дѣлъ, окружать себя мудрыми и неподкупными и опытными совѣтниками, защищать отечество.... Развѣ это не ясно начерченныя, уже съ этого времени,

основныя черты современнаго Государства защита страны извнѣ, полиція внутри, управленіе интересами общественнаго значенія, правосудіе для всѣхъ?

То что Церковь совѣтовала верховнымъ правителямъ, когда она была ихъ союзницей, она стала примѣнять на практикѣ, когда сама сдѣлалась господствующей въ мірѣ; даже въ Средніе Вѣка, когда она превратилась въ гонительницу въ вопросахъ религіозныхъ, основываясь на своей теоріи Божественнаго права, она остается убѣжищемъ для угнетенныхъ и слѣдовательно пріютомъ справедливости. Это одна изъ причинъ, наиболѣе послужившихъ развитію ея временнаго могущества послѣ Карла Великаго. Провинціальные органы перестали правильно функціонировать, вслѣдствіе ослабленія центральной власти; общественное тѣло потеряло свое скрѣпленіе, каждый началъ жить за счетъ своего ближняго.

Восторжествовалъ феодальный строй; а при феодальной группировкѣ также, какъ и при независимости въ обществѣ въ его естественномъ состояніи горе слабымъ Но потребность безопасности и, слѣдовательно, власти посредника, которая бы ея обезпечивала, настолько настоятельна, что тѣ, которые, вслѣдствіе своей слабости подвергнуты риску пасть въ борьбѣ, иначе говоря, большинство, неминуемо идетъ навстрѣчу всякому, кто представится на его защиту. Эта роль тогда перешла къ Церкви, также какъ впослѣдствіи она перешла къ Государству.

47. Люди привыкли и какъ бы приспособились къ этому порядку одновременно благотворительному и безпощадному; но произволъ наконецъ, утратилъ систему, которая пала, послѣ ужасающей борьбы XIV вѣка между папствомъ и свѣтской властью, когда земное Государство отвоевало свою независимость по отношенію авторитета папы, и слѣдовательно право управляться по собственному усмотрѣнію безъ вмѣшательства церковной власти. Конецъ борьбы между Папскимъ Престоломъ и Имперіей отмѣчаетъ собою закатъ Среднихъ Вѣковъ и зорю Новаго Времени; въ освобожденномъ земномъ Государствѣ, человѣкъ, въ свою очередь начнетъ требовать признанія отъ свѣтской власти своей личности, до того времени отрицаемой.

Тѣмъ не менѣе прошелъ цѣлый вѣкъ раньше чѣмъ человѣческая мысль дѣйствительно нашла свое русло, вѣкъ взволнованныхъ стремленій, безпорядочныхъ порывовъ и всеобщихъ смятеній. Теологія была такъ долго источникомъ всякаго свѣта, что міръ, лишенный своего руководящаго компаса, сталъ, какъ бы, въ тупикъ въ нѣкоторомъ родѣ заблудился. Чистота нравовъ покинула землю; это было время семьи Борджіа; честность мысли уступаетъ мѣсто презрѣнію справедливости и человѣчности, это время Макіавели. Во Франціи, кромѣ того XV вѣкъ, какъ и предыдущій, былъ эпохой ужасающихъ бѣдствій, преступленій и крови; и если въ этомъ общемъ замѣшательствѣ встрѣчаются кое и гдѣ зародыши

и проблески философскихъ идей, которые станутъ господствующими въ послѣдующіе вѣка, то все это составляло достояніе единичныхъ мыслителей, но все еще не теченіе общественной мысли.

Напротивъ того, начиная съ XVI вѣка, вѣка сильныхъ страстей и плодотворныхъ идей, во время котораго человѣческая мысль, очень можетъ быть, проявила наибольшую свою энергію и смѣлость, движеніе выясняется и развивается съ неумолимой логикой. XVI-й вѣкъ, это обратное требованіе народомъ своихъ правъ у королей, борьба противъ духа полновластія; XVII-й вѣкъ, это обратное требованіе лицомъ своихъ правъ у Государства, усиліе человѣка устроить свою жизнь по собственному усмотрѣнію; наконецъ, XVIII вѣкъ, это окончательное признаніе понятія права лица, какъ принципа гражданскаго общества и основы естественнаго права.

II Развитіе.

48. Новое пробужденіе или какъ оно удачно названо исторіей Эпоха Возрожденія явилась и на этотъ разъ еще во имя свободы совѣсти. Она была цѣлью религіозныхъ войнъ. Нантскій Эдиктъ, также какъ и Миланскій Эдиктъ въ IV вѣкѣ еще разъ возвѣщаетъ право религіозной совѣсти зависѣть лишь отъ самой себя. 15 апрѣля 1598 г. знаменательное между всѣми число. Правда, что для Генриха IV, также какъ и для Константина задача скорѣе была политической, чѣмъ религіозной; но что изъ этого? результатъ тѣмъ не менѣе былъ достигнутъ не въ меньшей степени. Среди трагическихъ явленій борьбы развилась непоколебимая сила; духъ народный обрѣлъ свой новый путь, предъ нимъ раскрылось новое представленіе, что не только надо терпѣть, но надо уважать всякое разномысліе, что согласіе возможно только при условіи свободы. Государство, которое приметъ эти идеи въ свое основаніе, будетъ истиннымъ государствомъ права.

Обыкновенно приписываютъ, хотя и ошибочно честь этой эволюціи. Реформаціи; ее надо отнести ко всему: къ потребностямъ времени, къ возросшему чувству человѣческаго достоинства, къ міровой перемѣнѣ, совершающейся по направленію къ новому политическому строю.

49. Идея свободы совѣсти вышла изъ глубинъ народнаго духа. Одновременно она повѣяла со всѣхъ четырехъ сторонъ свѣта; въ ней въ нѣкоторомъ родѣ сосредоточились сложныя стремленія смутной эпохи; она превратилась въ простую формулу, безъ которой не могло бы осуществиться могущественное народное движеніе. Она была запросомъ всѣхъ великихъ умовъ, какъ католическаго, такъ и протестанскаго лагеря, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые сумѣли быть достаточно сильными, чтобы устоять противъ страстей времени и остаться умѣренными; Престолъ католическій

Королевскій требуетъ ее во имя блага Государства; философъ и теоретическій политикъ Бодинъ даже весьма крайній по своимъ взглядамъ требуетъ ее во имя справедливости.

Можетъ ли быть что нибудь убѣдительнѣе слѣдующей страницы изъ «Республики», написанной въ то время, когда свирѣпствовала гражданская война? «Я совсѣмъ не касаюсь сдѣсь вопроса, какая изъ религій наилучшая... но если властитель, проникнутый извѣстной увѣренностью обладанія истинной религіей желаетъ къ ней привлечь своихъ подданныхъ, раздѣленныхъ на секты и тайныя партіи, то, по моему мнѣнію, онъ не долженъ прибѣгать къ силѣ, такъ какъ, чѣмъ болѣе человѣческая воля испытываетъ принужденіе, тѣмъ болѣе она склонна къ сопротивленію; но посредствомъ слѣдованія истинной вѣрѣ и исповѣданія ее безъ сомнѣній и уклоненій ему удастся привлечь сердце и волю своихъ подданныхъ къ своей волѣ, безъ насилія и малѣйшаго труда; слѣдуя этому онъ не только избѣжитъ волненій, бунтовъ и гражданскихъ войнъ, но также онъ привлечетъ заблудшихся подданныхъ къ выходу спасенія». Далѣе въ подтвержденіе своего мнѣнія Бодинъ приводитъ въ примѣръ Теодорика, который «найдя римскую имперію полною аріанами.... не пожелалъ ни ихъ принуждать, ни наказывать, хотя онъ былъ ихъ врагомъ, но, напротивъ того, онъ позволилъ каждому жить въ свободѣ совѣсти и приказалъ поставить по два епископа въ каждомъ городѣ». Онъ также приводитъ въ примѣръ турецкаго Султана, «который хранитъ свою вѣру въ качествѣ свѣтскаго властителя и не принуждаетъ никого, но напротивъ позволяетъ всякому жить согласно съ своей совѣстью, и, что болѣе того, терпитъ рядомъ съ своимъ гаремомъ въ Перѣ четыре религіи и всѣ разныя... и посылаетъ пожертвованія отцамъ на Аѳонскую Гору съ просьбой за него помолиться»; онъ приводитъ слѣдующія слова, которыя онъ приписываетъ Теодорику, согласно свидѣтельства Кассіодора: «Religionem imparare non possumus, quia nemo cogitue ac credat imitus», наконецъ, онъ кончаетъ слѣдующими словами: «Иначе случится, что тѣ, кому воспрещено исповѣданіе своей вѣры, и которые не желаютъ признавать другой превратятся въ полныхъ атеистовъ, какъ мы это и наблюдаемъ, и потерявши страхъ Божій, попрутъ ногами и законъ и власти и пойдутъ по пути всякихъ кощунственныхъ и злоумышленныхъ излишенствъ, бороться съ которыми нѣтъ возможности человѣческими законами. И совершенно также, какъ самая злаяиранія не такъ бѣдственна, какъ анархія, когда нѣтъ ни верховной, ни мѣстной власти, также точно самое сильное заблужденіе міра не можетъ сравниться со всѣми ужасами атеизма. Надо уклониться отъ величайшихъ изъ золъ, когда нельзя установить истинной религіи. Нѣтъ никакой причины удивляться тому, что во времена Ѳеодосія, не взирая на существованіе тогда сектъ, не было гражданскихъ войнъ; такъ какъ существовало, по крайней мѣрѣ,

сто сектъ, одни приверженцы Тертуліана, другіе—Епифана, что ихъ держало другъ противъ друга въ взаимномъ равновѣсіи. Въ случаяхъ же бунтовъ и мятежей ничего не можетъ быть опаснѣе, какъ для Государства, также для вѣры, закона и нравовъ, чтобы подданные были раздѣлены на два противуположные лагеря, наоборотъ, тамъ гдѣ существуетъ много различныхъ мнѣній, одни изъ нихъ склоняютъ другія къ миру и согласуютъ ихъ, тогда какъ безъ нихъ они никогда не пришли бы къ соглашенію». Съ тѣхъ поръ ничего не было написано болѣе яснаго, болѣе полнаго и болѣе опредѣленнаго.

50. Что же касается до Реформаціи, то она была далеко отъ того, чтобы быть источникомъ того движенія, которое завершилось Нантскимъ Эдиктомъ; будучи совершенно изолированной отъ общаго теченія событій своего вѣка, она скорѣе была ему неблагопріятна; родившись на почвѣ интригъ и придворной борьбы, возникшихъ изъ безпорядковъ Римскаго Двора, она слѣдовательно въ началѣ представляла изъ себя лишь теологическій споръ, къ которому примѣшались также вопросы чисто практическаго церковнаго управленія. Если позднѣе, стремясь образовать себѣ собственную партію, она стала требовать свободы, то это было лишь для самой себя и для собственной выгоды; личная независимость не была ни въ ея тенденціяхъ, ни въ ея духѣ и, во всякомъ случаѣ, не въ ея программѣ. Она ей противилась, когда только могла; и примыкала къ ней лишь въ силу необходимости, можно сказать по разсчету, въ цѣляхъ обезпеченія возможности собственнаго существованія. Доказательствъ этому очень много: въ то самое время, когда реформаты, все еще находившіеся подъ опекой Церкви, протестовали противъ постановленій Спирскаго Сейма, Меланхтонъ, наиболѣе умѣренный изъ учениковъ Лютера, доктринально доказывалъ и утверждалъ, что съ политической точки зрѣнія право и необходимость наказывать еретиковъ вполнѣ справедливы; на слѣдующій же годъ послѣ Пассаускаго трактата, которымъ Карлъ V только что дозволилъ дессидентамъ во всей Имперіи исповѣданія своего вѣроученія согласно своимъ обрядамъ, Кальвинъ, преслѣдуя идею обоснованія на христіанствѣ всего жизненнаго уклада общества, приписываетъ гражданской власти право и обязанность лишать жизни всякаго, уклонившагося отъ правовѣрнаго ученія и добивается сожженія Сервета; наконецъ, исторія не можетъ забыть, что на слѣдующій же день послѣ мученической кончины Сервета, никто другой, какъ протестанъ Теодоръ де Безъ, для оправданія этого факта произноситъ самый яростный, когда-либо слышанный, приговоръ надъ свободой совѣсти.

Единственно, что несомнѣнно, это то, что протестантизмъ среди теоретической полемики и борьбы превратившись въ лозунгъ опредѣленной политической партіи лишилъ своей поддержки абсолютную власть и склонился въ сторону демократіи въ то время,

какъ католики, наоборотъ, превратились въ приверженцевъ неограниченной монархiи.

51. Будучи разсматриваемъ въ своемъ зарожденiи и въ своей совокупности кризисъ XVI вѣка былъ политическимъ и, тѣмъ самымъ, всеобщимъ. Реформацiя была лишь частнымъ его выраженiемъ, религiозныя войны лишь частнымъ явленiемъ. Между двумя движенiями, религiознымъ съ одной стороны, политическимъ съ другой имѣется хронологическая связь, сосуществованiе во времени, но нѣтъ причиной зависимости, отношенiя причины къ слѣдствiю; если ужъ допускать происхожденiе одного изъ нихъ изъ другого, то Реформацiя скорѣе родилась на почвѣ политической эволюцiи, чѣмъ обратно. Во всякомъ случаѣ они развились самостоятельно. Если они подчасъ смѣшивались, то это для оказанiя другъ другу взаимной поддержки и вслѣдствiе того, что политическiя партiи пользуются всѣми идеями въ качествѣ средства пропаганды и укрѣпленiя своей силы; но, даже будучи смѣшаны, они остались независимы другъ отъ друга, и во многихъ отношенiяхъ съ совершенно противуположными тенденцiями, какъ напримѣръ, въ отношенiи свободы совѣсти.

Задача, которая волновала умы Эпохи Возрожденiя была ничѣмъ другимъ, какъ вопросомъ объ основанiяхъ верховной власти или, иначе говоря, вопросомъ о принципѣ права. Всѣ политическiе писатели того времени ведутъ объ немъ отвлеченныя разсужденiя; и этотъ же самый вопросъ, съ вѣдома или безъ вѣдома дѣйствующихъ лицъ, развивается въ партiйныхъ спорахъ въ общей сумятицѣ событiй.

52. Съ тѣхъ поръ, какъ была побѣждена свѣтская власть Церкви и сокрушенъ феодальный строй идея Государства отождествилась съ идеей короля.

Въ XII вѣкѣ королевская власть появляется какъ бы въ роли спасителя, олицетворяя собою право противуполагаемаго феодальнымъ и церковнымъ притѣсненiямъ. Дѣйствительно, право, въ обыденномъ словоупотребленiи обозначаетъ порядокъ, защиту и справедливость, но не возможны ни порядокъ, ни справедливость ни защита безъ единства, такъ какъ безъ единства нѣтъ власти. Людовикъ Толстый, соединившись съ общинами противъ вассаловъ, Филиппъ-Августъ, Св. Людовикъ, Филиппъ Красивый и ихъ преемники, преобразовывая королевскiй домэнъ выполняли этимъ логику исторiи; легисты работавшiе на пользу его утвержденiя и расширенiя королевской власти были убѣжденные либералы своего времени. Никто въ настояще время уже болѣе не объясняетъ простымъ эпизодомъ осады Амальфи, причину пробужденiя и распространенiя Римскаго Права въ эпоху заката феодализма; если это приняло такой быстрый оборотъ, то это просто потому, что это, какъ нельзя болѣе отвѣчало потребности времени. Для умовъ, погруженныхъ въ поиски лучшаго будущаго оно было, какъ бы от-

кровеніемъ. Франціи, раздираемой на части и стремящейся къ своему объединенію, оно послужило готовымъ образцомъ сильно построенной власти; для всѣхъ тѣхъ, которые были оскорблены феодальнымъ произволомъ оно являлось олицетвореніемъ разумной и правильно организованной справедливости; наконецъ, усиливающейся королевской власти оно доставляло готовую организацію. Также оно совершенно естественно стало рядомъ съ обычнымъ правомъ, и оно не замедлило стяжать себѣ одинаковый съ нимъ авторитетъ. Его наставленія были какъ бы апостольской проповѣдью. Если Церковь имъ пренебрегала, то это исключительно потому, что она давала гражданскому обществу могучую опору между тѣмъ, какъ она всегда притязала на преобладаніе теологіи въ наукѣ, также какъ каноническаго права въ практической жизни: булла Sujer speculum, которой запрещалось преслѣдованіе въ Парижѣ Римскаго Права была лишь однимъ изъ явленій борьбы двухъ, взаимно исключающихъ другъ друга, міровоззрѣній; Римское Право служило препятствіемъ къ политическому и законодательному верховенству Папства, которымъ оно желало продолжать пользоваться. Все находится во взаимной связи въ постепенно развертывающимися событіями, но это самое и есть утвержденіе права въ національномъ сознаніи; народное чувство не ошиблось, когда оно олицетворило возвратъ королевской власти къ своему достоинству въ легендѣ о Св. Людовикѣ творящемъ правосудіе подъ дубомъ Венсенской рощи.

53. Однако торжество королевской власти было лишь новой перемѣной мѣста власти послѣ столькихъ уже бывшихъ такихъ перемѣнъ, но это не было обновленіемъ самой системы. Тщетно измѣняются формы, существо остается тоже. И это будетъ продолжаться пока не измѣнится теоретическій принципъ власти Оставшись единымъ и безспорнымъ господиномъ положенія, королевская власть не замедлила вернуться на путь традиціи античнаго Государства, усилившись еще болѣе, если это только было возможно канонической идеей божественнаго права. Римскіе юрисконсульты говорили: «Quidquid principi placuit legis habet vigorem»; обычай того времени говорилъ: «Qui veut le roi, si veut la loi». Королевская власть стала все естественно склонять къ абсолютизму. То на почвѣ мало просвѣщенной филантропіи, то на почвѣ отвлеченныхъ предположеній она вмѣшивается въ упорядоченіе нравовъ, вѣрованій, въ установленіе чувства гражданскаго долга, въ разрѣшеніе всѣхъ сомнѣній; нравственность, наука, религія, даже подробности повседневной жизни, какъ въ отношеніи самыхъ пустяшныхъ, такъ и въ отношеніи самыхъ важныхъ ея сторонъ, все это стало предметомъ притязанія для ея управленія и она закончила тѣмъ, что ища свое равновѣсіе въ единствѣ, она поглотила личность искусственнымъ порядкомъ, и на мѣсто естественной жизни съ ея разнобразіемъ и противорѣчіями, которыя составляютъ ея прелесть и источникъ ея плодотворности, она предоставила ей

однообразную и предуготовленную роль. Для примѣра достаточно прочесть законы противъ роскоши начиная съ XIII вѣка до конца XVII вѣка; также какъ того желалъ Платонъ въ своей Республикѣ они устанавливаютъ для каждаго сообразно его положенію и сословію, хотя правда безъ большого успѣха, мельчайшія подробности его платья даже его стола.

Подъ новыми названіями два видные соперника принципъ власти и принципъ свободы снова стоятъ лицомъ къ лицу; и узнавъ другъ друга они снова вступаютъ другъ съ другомъ въ борьбу. Отсюда начался тотъ великій кризисъ XII вѣка, которымъ окончательно опредѣлилось возникновеніе современной цивилизаціи. Освободившись отъ ига схоластики, человѣческій духъ, вообразилъ себѣ, что политическія установленія или, иначе говоря, устройство гражданскаго общества зависитъ лишь отъ положительнаго права, и что, слѣдовательно, оно есть результатъ взаимныхъ соглашеній заинтересованныхъ сторонъ, будучи подвергнута свободной критикѣ, существовавшая до того времени мистическая идея, что авторитетъ исходитъ отъ Бога, исчезаетъ какъ сновидѣніе: идея народовластія выпрямляется во весь ростъ лицомъ къ лицу передъ королевской властію. Мысль эта не нова. Ее можно найти у полемизировавшихъ между собою писателей XIV вѣка, разбиравшихъ вопросъ борьбы гражданской власти съ папствомъ. Они пользуются ею, какъ оружіемъ противъ опеки Церкви, превратившейся въ притѣснительницу и нѣкоторые изъ нихъ сдѣлавши рѣзкій логическій скачекъ къ самымъ крайнимъ выводамъ, приходятъ, напримѣръ, къ признанію демагогіи. Въ XV вѣкѣ Филиппъ По, котораго современники называли Устами Цицерона, вводитъ эту идею съ блескомъ въ Генеральные Штаты 1484 г. Будучи медленно и въ теченіи долгаго времени пропагандирована, она сразу расцвѣтаетъ въ XVI вѣкъ; вопросы личной свободы, равенства народнаго права пренебрегаемые или задушенные средневѣковьемъ вновь повсемѣстно нарождаются.

54. Основнымъ элементомъ завершившейся революціи было появленіе новаго представленія о происхожденіи, природѣ и назначеніи Государства. Античная идея, какъ бы забыта и однимъ взмахомъ сокрушена. Власть перестаетъ быть разсматриваема, какъ принадлежность верховнаго правителя по его собственному праву, какъ атрибутъ силы или Божьяго изволенія: она признается за результатъ сознательнаго подчиненія подданныхъ, какъ бы изошедшей изъ воли и согласія заинтересованныхъ лицъ. Верховная власть съ этого времени становится человѣческимъ установленіемъ, и слѣдовательно, вмѣсто того, чтобы быть неограниченной, какъ въ былые времена, когда она черпала свое основаніе и свою законность въ себѣ самой, она становится по самому существу своему ограниченной, такъ какъ человѣкъ, устанавливая ее, указалъ ей ея миссію и тѣмъ самымъ опредѣлилъ ея прерогативы.

Это демократическая идея Государства. Всѣ политическіе писатели XVI вѣка допускаютъ ее, безъ малѣйшаго разногласія даже тѣ, которые по своимъ тенденціямъ и идеаламъ, казалось, бы должны были бы находиться въ самыхъ противоположныхъ лагеряхъ: Суаресъ, также какъ Франсуа Готманъ и Губертъ Ланге. Изслѣдуя источникъ и основаніе верховной власти, они ихъ болѣе не видятъ въ ней самой, но въ обществѣ, которое ее делегируетъ въ обществѣ, понимаемомъ въ его савокупности. Суаресу делегація представляется, исходящей изъ факта установленія политическаго тѣла, т. е., изъ гражданскаго общества, которое онъ признаетъ какъ бы естественнымъ организмомъ; она молчалива и косвенна. Ланге прямо приближается къ идеѣ общественнаго договора, статьи котораго обсуждаются, принимаются и, постепенно, то тутъ, то тамъ, становятся обязательными; делегація въ данномъ случаѣ формальная и прямая. Всѣ исходятъ изъ принципа, что люди рождаются независимыми и свободными, что власть установлена народомъ и въ собственномъ интересѣ и что, слѣдовательно, она является лишь делегированнымъ порученіемъ. Это причина, почему, какъ католики, такъ и протестанты со страстью провозглашаютъ первенство народовъ предъ королями и, слѣдовательно, право народовъ судить, наказывать королей, злоупотреблявшихъ властью. Даже изъ устъ наиболѣе мудрыхъ и умѣренныхъ эта истина принимаетъ форму мятежа; Бодэнъ, этотъ здравомыслящій и осторожный писатель, который болѣе всякаго другого превозноситъ величіе верховной власти подписывается подъ ученіемъ объ убійствѣ тирановъ. Какой свѣтъ бросаютъ на событія, обращавшіяся въ то время идеи? они объясняютъ всѣ ужасы партійной борьбы, нескончаемыя казни, драмы Блуа, Жака Клемана, Шателя и Равальяна. Для агитаторовъ Лиги королевскій авторитетъ уже больше не существуетъ; грубый и логичный вѣкъ заканчивается громогласной апологіей цареубійству, которой Маріана составилъ себѣ имя и наддолго скомпроментировалъ орденъ іезуитовъ.

55. Ничего такъ сильно не обнаруживаетъ степень проникновенія новыхъ воззрѣній на Государство въ глубину общественнаго сознанія какъ тѣ усилія доктринъ, которыя были направлены на обходъ или по крайней мѣрѣ на ограниченіе практическихъ послѣдствій того принципа, который уже больше не оспаривается.

Дѣйствительно, нельзя не отмѣтить того страннаго явленія, что въ то время, какъ существовало полное единодушіе въ точкахъ отправленія, полемизировавшіе писатели, въ зависимости отъ принадлежности къ той или другой школѣ. приходили къ выводамъ діаметрально противуположнымъ; въ то время какъ Готманъ и Губертъ Ланге приходятъ къ демократіи, по крайней мѣрѣ, въ самой смягченной ея формѣ избирательной монархіи, Суаресъ все еще приходитъ къ заключенію о необходимости абсолютной власти.

Происходитъ это вслѣдствіе того, что, не взирая на существующее согласіе и общность принципа споръ по отношенію одной изъ сторонъ, разсмариваемаго вопроса продолжается, а именно по вопросу—о природѣ и предѣлахъ делегаціи, которая единогласно всѣми признается за основаніе верховной власти. Въ отношеніи этого вопроса существовало двѣ гипотезы, слѣдовательно, и двѣ системы, приводившія къ противуположнымъ выводамъ. По Суаресу верховная власть народа «отчуждаема», такъ какъ отъ воли общества зависитъ установить политическую организацію или жить въ состояніи естественной независимости; по договору, которымъ устанавливается политическая организація и которымъ связываются другъ съ другомъ верховный правитель и народъ, этотъ послѣдній передаетъ и отчуждаетъ всю совокупность своихъ верховныхъ правъ. Съ этого времени верховный правитель можетъ ими пользоваться по своему усмотрѣнію; онъ даже не можетъ быть связанъ исполненіемъ имъ же самимъ изданныхъ законовъ; онъ отвѣтственен лишь предъ Богомъ; право народа съ момента своего осуществленія сливается съ божественнымъ правомъ. Тѣмъ не менѣе знаменитый іезуитъ допускаетъ странное противорѣчіе, приводящее къ высшей степени запутанности его доктрины, совершенно безразлично составляетъ ли оно выводъ или отправную точку, а именно, онъ допускаетъ границу власти верховнаго правителя: «неограниченность верховной власти», прибавляетъ онъ, допустима только подъ условіемъ, чтобы эта власть не выродилась въ тиранію; въ этомъ случаѣ народъ можетъ объявить ей войну. Наоборотъ, по Готману и Ланге, верховная власть народа неотчуждаема, такъ какъ она есть право, присущее человѣческой природѣ, она есть естественное право. Общественный договоръ есть лишь условная передача этого права, а власть составляетъ обязанность лица, ее принявшаго; народъ не ограничиваетъ себѣ фактомъ выбора верховнаго правителя, который есть лишь его министръ и исполнитель законовъ; отсюда слѣдуетъ, что народъ сохраняетъ за собой право контроля надъ нимъ, право сопротивленія ему и право наказанія его въ случаѣ злоупотребленія или ущерба съ его стороны общественному благу. Слѣдовательно, опять таки мы встрѣчаемся съ ученіемъ о правѣ законныхъ возстаній и казни тирановъ.

56. Все это темы для тщетныхъ споровъ различныхъ школъ. Искуственныя разсужденія часто приводятъ къ заблужденію своихъ же авторовъ, такъ какъ умъ человѣческій легко поддается обману тѣхъ замысловъ, которые самъ же онъ питаетъ; впослѣдствіи они покорно принимаются на вѣру послѣдователями, всегда готовыми принять, за недостаткомъ собственнаго критическаго анализа, всякій остроумный выводъ, лишь бы онъ опирался на излюбленныя идеи; но народный здравый смыслъ, одаренный непоколебимой логикой, рано или поздно отвергаетъ ихъ и оставляетъ ихъ въ сто-

ронѣ. Въ поискахъ за основаніемъ верховной власти политическіе писатели теоретики встрѣтились съ правомъ народа; нѣтъ больше гипотезы, которая могла бы совершить перемѣну въ общественномъ сознаніи, ни діалектическаго средства, которое могло бы совратить мысль съ того русла, по которому она направилась. Коллективное народное право предполагаетъ въ качествѣ основанія себѣ индивидуальное право каждаго отдѣльнаго лица; съ этого времени нравственная независимость человѣка не могла не вытечь во всей своей совокупности изъ разыгравшагося отвлеченнаго спора. Наука естественнаго права отыскала ея принципъ и ея руководящую идею.

Свобода, нѣкогда провозглашенная, зарождающимся христіанствомъ во имя религіозной терпимости, переносится такимъ образомъ въ порядокъ политическихъ явленій. Она тѣмъ самымъ расширяется и обобщается; право человѣческой личности вырисовывается со всей непреложностью свойственной авторитету закона природы. Человѣкъ становится центромъ гражданскаго общества; онъ же источникъ власти, которую онъ осуществляетъ или самостоятельно, или посредствомъ делегаціи и, слѣдовательно, онъ господствуетъ; законы написаны для него. Роль Государства является ясно очерченой: это право личной защиты, переданной общественной силѣ въ цѣляхъ достиженія общей свободы.

57. Непосредственные выводы изъ этого ученія заключаются въ слѣдующемъ: положительное право въ своей совокупности имѣетъ единственную цѣль обезпеченія лицу его законныхъ прерогативъ, которыми онъ обладаетъ по самой природѣ своей, его потребностей и духовныхъ стремленій его существа. Ребенокъ рождается на свѣтъ слабымъ и голымъ: отсюда его право на воспитаніе тѣми, кто отвѣтствененъ за его существованіе, право, составляющее для него противовѣсъ его безпомощности въ самостоятельномъ удостовѣреніи собственныхъ потребностей; отсюда вытекаетъ родительская власть, которая есть нично иное, и не должна быть чѣмъ либо другимъ, какъ совокупностью, признанныхъ необходимыми, возможностей къ осуществленію родительскаго долга. Человѣкъ одаренъ способностями физическими, умственными и нравственными, использованіе ихъ есть его долгъ, развитіе ихъ подъ собственной отвѣтственностью и по собственному усмотрѣнію есть такое же законное право человѣка, какъ право распоряженія собственной личностью. Это суть права по самой своей внутренней сущности: отсюда способность человѣка быть самимъ собою во всемъ, что касается души, разума и тѣла, способность извлекать изъ самаго себя направленіе своей дѣятельности, способность устанавливать свои отношенія къ окружающему, мыслить и поступать по собственному усмотрѣнію; это суть права въ практическомъ ихъ примѣненіи: отсюда способность осуществлять, либо самостоятельно, либо согласовавъ съ отношеніями къ своимъ ближнимъ,

всѣ дозволенныя дѣйствія и защищаться противъ нападеній третьихъ лицъ, наконецъ они суть права по своимъ послѣдствіямъ: изъ нихъ вытекаетъ собственность, которая есть ничто иное, какъ расширенное представленіе о личности и уваженіе договорныхъ отношеній, или, иначе говоря, вытекаетъ все положительное право, такъ какъ прямо или косвенно всякій вопросъ права рождается изъ вопроса о собственности или сводится къ нему въ своемъ конечномъ выводѣ.

Можно прослѣдить у Бодэна почти полное развитіе этого принципа въ первомъ опытѣ изслѣдованія этого вопроса. Онъ провозглашаетъ свободу совѣсти не какъ актъ терпимости или уступки, но какъ право основанное на справедливости; ему принадлежитъ великая честь первенства категорическаго осужденія рабства, въ то самое время, когда открытіе Америки снова оживило распространеніе этого института; онъ окончательно опровергъ доводы тѣхъ, кто еще его поддерживали и доказалъ, что онъ настолько же несправедливъ самъ по себѣ, насколько гибеленъ по своимъ послѣдствіямъ; онъ ясно устанавливаетъ, что власть въ семьѣ, по отношенію ли къ женщинѣ или къ дѣтямъ покоится не на идеѣ силы, а на идеѣ защиты; наконецъ онъ предчувствуетъ существованіе собственности личной и свободной, до того времени, признаваемой лишь какъ слѣдствіе и какъ уступку со стороны верховной власти, и онъ выясняетъ, что она составляетъ не только общественную необходимость, но также необходимое условіе и вѣнецъ свободы. Основныя начала человѣческой личности одинъ по одному выясняются и устанавливаются.

58. Доброе сѣмя посѣяно, жатва близка: въ отношеніи религіи устанавливается свобода критики, которой завершается Реформація вопреки собственному желанію; въ отношеніи философіи окончательное признаніе разума и появленіе Декарта; въ отношеніи политики устанавливается понятіе права лица, предшествующаго закону и имѣющее предъ нимъ первенствующее значеніе и на горизонтѣ уже виднѣется Декларація правъ человѣка.

Несомнѣнно великъ тотъ вѣкъ, который сыгралъ такую важную роль въ развитіи человѣческой мысли. Тѣмъ не менѣе ему не суждено было оставить ни законченной теоріи, ни даже приблизительной формулировки той идеи, которая въ немъ родилась, и которая опредѣлила собой духъ новаго времени. Произошло это вслѣдствіе того, что это былъ вѣкъ великой полемики и битвъ, но также это былъ вѣкъ, и можетъ быть въ гораздо большей степени, всякихъ памфлетовъ и козней съ другой стороны ученые того времени, даже Бодэнъ при всей ясности и самостоятельности своего мышленія были слишкомъ пропитаны сложнымъ и громоздкимъ воспитаніемъ эпохи возрожденія, чтобы сдѣлать идейныя обобщенія и провозгласить ихъ въ ясной формулировкѣ; вѣку этому суждено

было до конца оставаться вѣкомъ страстныхъ споровъ и запутанныхъ понятій. Онъ поднялъ вопросы, намѣтилъ принципы, предусмотрѣлъ разрѣшенія вопросовъ, но оставилъ слѣдующему вѣку научное ихъ обоснованіе. Это будетъ дѣломъ Гроція, Пуффендорфа и въ особенности Локка, твореніями которыхъ открывается XVIII вѣкъ.

59. Гроцій былъ основателемъ международнаго права, въ современномъ смыслѣ этого слова, т. е. той части права, которая регулируетъ отношенія націй между собою. Оно составляетъ содержаніе двухъ главныхъ его произведеній, предметъ его славы предъ лицомъ потомства: «Трактатъ о свободѣ морей и Право Войны и Мира.

Кромѣ того его обыкновенно считаютъ отцомъ «естественнаго права». Онъ обязанъ этому имени, данному ему потомствомъ, тому, что онъ первый сдѣлалъ попытку систематизировать происхожденіе, природу и цѣль положительнаго права, обосновать его на разумныхъ и твердо установленныхъ принципахъ. Пролегомэны, поставленныя во главѣ трехъ книгъ «Трактата о Войнѣ» представляютъ серьезную попытку обобщенія; и нося такой характеръ, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ составляютъ естественное введеніе къ наукѣ международнаго права. Дѣйствительно, это право, въ противуположность гражданскому праву не покоится на точно формулированныхъ текстахъ законовъ, за исключеніемъ текстовъ, заключенныхъ договоровъ; его предписанія и практика, обусловливающіяся въ большинствѣ случаевъ обычаемъ, не могутъ быть разбираемы, оправдываемы или оспариваемы иначе, какъ при свѣтѣ данныхъ отвлеченнаго разума, восходящихъ до основныхъ принциповъ; слѣдовательно, они весьма близко прикасаются къ естественному праву настолько близко, что съ начала ихъ смѣшивали съ нимъ. Также какъ и въ Римѣ, хотя по совершенно другимъ соображеніямъ, такъ какъ названія словъ съ этого времени соотвѣтствуютъ совершенно другому содержанію, естественное право, или международное право разсматривается, какъ нѣчто тождественное. Это смѣшеніе въ словоупотребленіи, замѣняющее одно изъ этихъ понятій другимъ, часто встрѣчается въ наше время.

60. Съ самаго начала Гроцій допускаетъ существованіе права, имѣющаго источникъ въ самомъ себѣ: «было бы совершенно тщетно», говоритъ онъ, «предпринимать споръ о правѣ, если бы не существовало самаго права» «Cum vero frustra de jure disputatio suspiciatur, si ipsum jus nullum». Далѣе, онъ выставляетъ, что ученіе объ естестъенномъ правѣ не можетъ быть установлено до тѣхъ поръ, пока не будутъ отличать того, что составляетъ результатъ творчества человѣка, отъ того, что основано на самой природѣ: «Nisi ea quae ex constituto veniunt a naturalibus recte separentur». Въ концѣ концовъ, онъ провозглашаетъ существованіе права незыблемаго, какъ сама природа и разумъ, изъ которыхъ оно исходитъ, незы-

блемаго до такой степени, что самъ Богъ не могъ бы ничего въ немъ измѣнить: «Est autem jus naturale adeo immutabilc, ut ne a Deo quidem mutari queat».

Гдѣ же это право? Это право въ природѣ человѣка, и слѣдовательно, по Гроцію, оно вытекаетъ изъ самой природы вещей. Онъ видитъ его источникъ въ совершенно субъективной идеѣ: въ инстинктѣ общенія, во врожденной склонности человѣка къ обществу себѣ подобныхъ, въ присущей ему потребности жить въ правомѣрномъ и мирномъ обществѣ. Онъ ищетъ обоснованіе прецептовъ этого права и ихъ практическаго примѣненія въ совпаденіи или несовпаденіи человѣческихъ поступковъ съ разумной природой общества, аналогичной въ данномъ отношеніи съ природою человѣка: Jus naturale est dictum rectae rationis, indicans actui alicui, ex ejus convenientia aut disconventia cum ipsa natura rationali ae sociali, inesse moralem turpitudinem, aut necessitatem moralem aut, vetari, ant praecipi.

Наконецъ ему удается открыть, что первичный принципъ этого права есть человѣческое достоинство и свойственныя ему по справедливости прерогативы. Отсюда вытекаетъ то высокое представленіе о справедливости, которое съ этого времени освободилось отъ всякой двусмысленности въ его пониманіи «Справедливость», говорится въ Пролегомэнахъ, «состоитъ въ уваженіи чужого права, несправедливость—въ нарушеніи его: Cum tamen injustitia non aliam habet naturam qnàm alieni usurpationem. Это простая, по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже банальная формула, являетъ собою, тѣмъ не менѣе, цѣлое откровеніе и оно таковымъ и остается для всей либеральной школы. Столь долго искомая точка опоры, къ которой могъ быть прикрѣпленъ рычагъ, наконецъ найдена: право лица возведено въ основной принципъ естественнаго права. Всякій, будь то Государство или частный человѣкъ, кто стремится его нарушить идетъ противъ природы; законъ, составляющій связь гражданскихъ обществъ, имѣетъ своей миссіей обезпеченіе мирнаго пользованія имъ, и онъ не можетъ самъ по себѣ его искажать, такъ какъ это было бы равносильно походу противъ собственной цѣли: порядокъ это уваженіе права всѣхъ и каждаго.

61. Во всякомъ случаѣ, хотя общія идеи въ Пролегомэнахъ остаются вѣрны идеямъ XVI вѣка, но ученіе въ отношеніи практическихъ вопросовъ часто нерѣшительно, а подчасъ находится въ прямомъ противорѣчіи съ принятымъ принципомъ. Авторъ лишь скользитъ по великой проблемѣ о верховной власти, столь волновавшей XVI вѣкъ; онъ, хотя и объясняетъ ее согласіемъ подданныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ, что она можетъ быть результатомъ счастливаго проявленія силы или, другими словами, результатомъ побѣды, и онъ доходитъ до утвержденія, что народъ можетъ отчудить свою свободу, если находитъ полезнымъ въ собственныхъ интересахъ, именно, въ цѣляхъ обезпеченія собственнаго

существованія. Что же касается до собственности, то онъ уже болѣе не объясняетъ ее, какъ Бодэнъ, который видѣлъ въ ней вѣнецъ свободы, но видитъ въ ней результатъ завладѣнія, или, иначе говоря, простой фактъ, вытекающій изъ случая или силы. Наконецъ, по вопросу о рабствѣ, его выводы еще болѣе поразительны; менѣе чѣмъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ появленія Республики Бодэна, онъ возвращается къ античному ученію и допускаетъ происхожденіе рабства изъ факта соглашенія или факта войны. Отсюда, вполнѣ понятно, возникаетъ, въ концѣ концовъ, вопросъ, видѣлъ ли Гроцій въ дѣйствительности что-либо внѣ и за предѣлами силы факта.

Хотя мѣсто знаменитаго Голландца въ исторіи рбзвитія естественнаго права и велико, но, во всякомъ случаѣ, оно не носитъ на себѣ печати творчества. Его вліяніе было велико и оно продолжается и по нынѣ; но оно въ меньшей степени происходитъ отъ, построенной имъ, доктрины, чѣмъ отъ тѣхъ усилій, которыя онъ употребилъ на введеніе идеи права въ войну и въ международные трактаты: правомѣрность войны онъ видитъ въ фактѣ необходимости защиты, границы которой устанавливаются естественнымъ влеченіемъ націй, также какъ и отдѣльныхъ индивидовъ, къ общечеловѣческому общенію; къ трактатамъ онъ примѣняетъ строгую систему частныхъ договорныхъ отношеній. Сочиненіе это дышетъ идеей права, но оно не выражаетъ ее научно; оно въ высокой степени вызываетъ чувство права, но истинной теоріи его оно не даетъ. Ему не достаетъ, чтобы стать истинно классическимъ сочиненіемъ, вѣскости и убѣдительности выводовъ и въ особенности ясности мысли; это опять таки произведеніе Эпохи Возрожденія запутанное въ отношеніи метода изложенія, загроможденное безполезными учеными примѣчаніями, которыя всюду утежеляютъ его смыслъ, а подчасъ и совсѣмъ затемняютъ.

62. Пуффендорфъ былъ лишь ученикомъ Гроція, которому онъ слѣдовалъ, какъ по духу, такъ и по методу изложенія; сочиненія его вообще безцвѣтны по слогу, лишены оригинальности и въ особенности страдаютъ тѣмъ, что выраженныя въ нихъ мысли, отличаются такой незаконченностью, вслѣдствіе отсутствія умозаключеній и выводовъ, что часто ускользаютъ отъ читателя.

Можно ли не признать излишней растянутостью изложенія посвященіе цѣлой главы выясненію той мысли, что право есть свобода, но свобода ограниченная обязанностями, требуемыми человѣческой природой и воздержаніемъ необходимымъ для обузданія естественной злобы? Можно ли признать надлежащимъ освѣщеніемъ вопроса посвященіе другой утомительной главы выясненію того, что правила естественнаго права вытекаютъ изъ чистаго разума и что для ихъ открытія «надо тщательно изучить природу, внутреннее содержаніе и стремленіе человѣка»? И все это написано для того, чтобы прійти къ слѣдующей окончательной формулѣ,

выдаваемой за основной законъ естественнаго права: «Каждый обязанъ, поскольку это отъ него зависитъ, способствовать образованію и поддержкѣ мирнаго общенія съ своими ближними, въ соглассіи съ сущностью и цѣлью всего человѣческаго рода, взятаго въ его савокупности;... отсюда слѣдуетъ, что все, составляющее необходимое требованіе къ содѣйствію этому міровому общенію, должно разсматриваться, какъ прецепты естественнаго права и, наоборотъ, все, что препятствуетъ этому общенію должно быть почитаемо запрещеннымъ по естественному праву. Это ничто иное, какъ перефрастика, затемненная безполезнымъ многословіемъ, безъ того уже туманной идеи общенія и вытекающихъ изъ нея обязанностей взаимности, о которой говоритъ Гроцій. За отсутствіемъ убѣдительныхъ доводовъ Пуффендорфъ оправдываетъ ее слѣдующимъ, несомнѣнно очень предусмотрительнымъ, разсужденіемъ, покоющимся на соображеніяхъ интереса: «Природа никому не дала привиллегіи обладанія такимъ правомъ по отношенію къ другимъ людямъ, которымъ эти послѣдніе въ свою очередь не могли бы пользоваться къ нему...; даже не существуетъ ни единаго человѣка столь могущественнаго, чтобы онъ могъ вообразить себя въ состояніи недосягаемости по отношенію оплаты по заслугамъ».

63. Однако въ одномъ отношеніи ученикъ ушелъ дальше своего учителя; онъ завершилъ отдѣленіе теологіи и нравственности отъ права и этимъ самымъ онъ съ большей точностью, чѣмъ то было въ предшествующее ему время, опредѣлилъ область закопа и роль Государства. Его постоянное стремленіе смѣшивать различные источники, изъ которыхъ онъ черпалъ свое ученіе о предназначеніи человѣка или общіе законы, налагало на него обязанность съ тѣмъ большей тщательностью отличать точную санкцію обязательствъ, вытекающихъ изъ каждаго изъ этихъ источниковъ въ отдѣльности.

Съ этого времени принципы въ этомъ отношеніи установлены. Теологія говоритъ вѣрующему, нравственность обращается къ человѣку, право предъявляетъ требованія гражданину. Теологія и нравственность имѣютъ каждое свое орудіе, первая—религія, вторая науку, которыя обѣ воздѣйствуютъ силою своего убѣжденія; право имѣетъ орудіемъ законъ, который единственный воздѣйствуетъ принужденіемъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ справедливость для Государства заключается въ защитѣ права лица, а для подданныхъ въ уваженіи къ нему, то свобода человѣческая ускользаетъ отъ всякихъ ограниченій и пользованіе ею освобождается отъ всякихъ путъ, поскольку свобода ближняго не подвергается опасности насилія. Откуда слѣдуетъ, что Государство можетъ пользоваться своей законодательной властью и противуполагать себя лицу, лишь въ цѣляхъ обезпеченія права каждаго; внѣ этого начинается для всѣхъ область необходимой свободы. Законъ по спра-

ведливости преслѣдуетъ кражу, нарушеніе договоровъ, прелюбодѣяніе, забвеніе взаимныхъ обязательствъ и вообще все то, что посягаетъ на права лицъ; но онъ не простираетъ своего дѣйствія на ошибки и заблюжденія ума и сердца даже на самые пороки, какъ то, лѣнь, невоздержанность, эгоизмъ и ложь, за исключеніеъ того случая, когда ими наносится вредъ ближнему.

64. Слѣдуетъ ли отсюда заключать, что нѣтъ ничего истиннаго или благого само по себѣ, и что общество незаинтересовано въ направленіи идей и нравовъ? Конечно нѣтъ. Каждый народъ славенъ лишь по тому мѣсту, которое онъ занимаетъ въ исторіи человѣческой мысли и онъ благоденствуетъ лишь вслѣдствіе своей нравственности; но это было несбыточнѣйшей мечтой и это было ошибкой платонизма во всѣхъ его формахъ, воображать, что можно путемъ принужденія обезпечить торжество тому; что есть въ дѣйствительности истина и благо или, по крайней мѣрѣ, тому, что за таковое признается.

Человѣку предстоитъ выполнить двоякое предназначеніе, съ одной стороны, какъ индивидуальнаго лица, съ другой стороны какъ существа общественнаго и живущаго въ обществѣ, т. е. какъ гражданина. Въ сферѣ своей независимости ему одному предстоитъ рѣшить задачу своего личнаго предназначенія; гражданская власть по природѣ и цѣли своего установленія имѣетъ лишь дѣло съ гражданиномъ и дѣйствуетъ по отношенію къ нему, лишь въ мѣрѣ необходимой для того, чтобы право каждаго было согласовано съ правомъ всѣхъ. Свобода развитія для всѣхъ—это законъ природы. Кто самоограничивается и предполагаетъ устоять противъ влеченій собственной природы отрицаетъ закономѣрность плана творенія, который предоставилъ міру находиться въ вѣчномъ противорѣчіи.

О, несомнѣнно, для общества было бы неоцѣнимымъ благомъ состоять изъ членовъ, всѣхъ проникнутыхъ мыслію о справедливости, всѣхъ нравственныхъ, всѣхъ преданныхъ своему отечеству и добродѣтельныхъ по отношенію къ своимъ ближнимъ, также точно, какъ обществу было бы въ высшей степени выгодно, если бы всѣ его члены обладали здоровымъ и сильнымъ тѣломъ. Но вопросъ не въ этомъ, онъ зеключается въ томъ, чтвбы рѣшить, можетъ ли, въ дѣйствительности, принужденіе привести человѣка къ идеалу истины и нравственности. Но на вопросъ, поствленный въ этихъ рамкахъ, отвѣтъ не возбуждаетъ сомнѣній; употребленіе принужденія по отношенію явленій интелектуальныхъ и нравственныхъ тщетно, несправедливо и опасно. Оно опасно, потому, что насильственное признаніе свободы истины и блага и предположеніе устраненія свободы зла и заблужденія равносильно, сознательному, или безсознательному богопочитанію индивидуальной точки зрѣнія противъ воли всѣхъ. Оно несправедливо, такъ какъ субъективная цѣнность какого нибудь мнѣнія и достоинство существа какого нибудь дѣй-

ствія зависятъ отъ внутреннихъ качествъ этого мнѣнія или этого дѣйствія, или, иначе говоря, отъ такихъ условій, по отношенію которыхъ сила совершенно безсильна. Истина есть истина только тогда, когда она является таковою метафизически, она освящаетъ разумъ только тогда, когда онъ движется къ ней по собственному побужденію, точно также, какъ достоинство какого нибудь дѣйствія измѣряется свободнымъ и разумнымъ стремленіемъ дѣйствующаго лица; откуда слѣдуетъ, что Государство не можетъ быть установлено на индивидуальной волѣ, подъ предлогомъ осуществленія истины и блага, безъ уничтоженія этимъ самымъ основного принципа того и другого. Наконецъ употребленіе принужденія тщетно, такъ какъ сила лишена власти надъ мыслію и совѣстью; слѣдовательно она можетъ достигнуть лишь внѣшнихъ результатовъ, просто кажущихся, тѣмъ самымъ абсолютно лишенныхъ нравственной цѣнности съ точки зрѣнія психологической и почти безплодныхъ съ точки зрѣнія общественной. Истину доказываютъ діалектически, дабы убѣдить въ ней; благо совѣтуютъ, дабы вести къ нему, побуждаютъ къ необходимости его практическаго проведенія въ жизнь путемъ примѣра, совѣта, увѣщанія и просьбы; но ихъ не навязываютъ путемъ власти. Какъ можетъ быть человѣкъ принужденъ дѣйствовать справедливо или воздерживаться отъ чего либо, въ силу того, что по мнѣнію одного изъ ему подобныхъ, хотя бы даже и всѣхъ, казалось бы разумнѣе и мудрѣе, или лучше и полѣзнѣе для него судить о своемъ поступкѣ иначе, чѣмъ онъ судитъ? Вмѣшательство Государства въ эту область устанавливаетъ нетерпимость; а нетерпимость никогда не имѣла другого конечнаго результата, какъ созданіе несчастныхъ и лицемѣровъ Только изъ разногласія ученій, изъ борьбы мнѣній, изъ идейной пропаганды и изъ практическаго примѣра, однимъ словомъ, только изъ самостоятельнаго взаимнодѣйствія въ обществѣ образуются идеи и нравы и только этимъ путемъ они исправляются отъ своихъ заблужденій или порчи; тамъ гдѣ эти спасительныя вліянія падаютъ, тамъ зародилось зерно смерти и обществу предстоитъ гибель; законъ въ этомъ отношеніи никогда ничего не могъ сдѣлать, кромѣ обнаруженія собственнаго безсилія или же самъ становился источникомъ разложенія. Горацій былъ осѣненъ откровеніемъ одного изъ наиболѣе достовѣрныхъ законовъ философіи исторіи, когда сказалъ:

Quid leges sine moribus?
Vanae proficiunt...

Совершенно иную природу имѣютъ предписанія правосудія. Въ этомъ отношеніи принудительное исполненіе имѣетъ ту же цѣнность, какъ и добровольное; и Государство, въ этомъ случаѣ черпаетъ, свою власть вмѣшательства изъ обязанности, которую оно несетъ, требовать исполненіе того, что необходимо для обще-

ственной пользы, представителемъ которой оно является. Такимъ образомъ, необходимо для порядка, чтобы собственность была обезпечена, и законъ караетъ кражу; съ того времени, какъ кража исчезла, случилось ли это вслѣдствіе разумнаго уваженія къ праву, или вслѣдствіе страха наказанія результатъ достигнутъ.

65. Мало по малу ученіе выясняется, какъ въ отношеніи принципа, такъ и въ отношеніи выводовъ изъ него. Его части, возникшія сначала въ отдѣльности, начинаютъ теперь сближаться и спаиваться другъ съ другомъ; насталъ часъ дидатическаго изложенія, научно обоснованнаго: это—«Опытъ изслѣдованія Гражданскаго Государства» Локка.

Духъ саксонской расы столь глубоко проникнутый индивидуализмомъ дѣлалъ ее болѣе чѣмъ всякую другую готовой къ воспріятію идеи правъ человѣка и самоуправленія. Поэтому Англія могла выставить и разрѣшить съ удивительной опредѣленностью въ XVII вѣкѣ ту задачу, которая волновала всю остальную Европу, начиная съ эпохи возрожденія и которой суждено было ее волновать еще долго спустя. Ея знать, въ цѣляхъ защиты своихъ привиллегій сумѣла возбудить страну къ Парламентскому сопротивленію противъ властолюбивыхъ стремленій королевской власти; и ставши во главѣ движенія, она сумѣла обезпечить свободу отъ попранія ее въ анархіи. Революція 1640 года была во имя идей Кальвина и по характеру своему демократична; революція 1688 г. была англиканской, и по характеру консервативна; обѣ онѣ, будучи одухотворены различными тенденціями, одинаково выражали собой національную месть во имя Великой Хартіи, основы англійской свободы, противъ принципа божественнаго права или неограниченности королевской власти, представленной въ то время Стюартами.

Два имени представляютъ собою существовавшія въ это время и боровшіяся между собою идеи: Гоббсъ, роялистъ и человѣкъ партіи предпринимаетъ крайнюю апологію абсолютизма и пишетъ съ этой цѣлью «De cevi» и «Лавіаѳанъ»; Локкъ философъ и политикъ, представитель англійскаго либерализма той эпохи. «Опытъ излѣдованія Гражданскаго Государства», не взирая на нѣкоторыя точки зрѣнія, впослѣдствіи опровергнутыя, въ качествѣ доказанныхъ заблужденій, продолжаетъ оставаться классическимъ изложеніемъ современной идеи права новаго времени.

66. Основная мысль De cive и Лавіаѳана по существу своему ничѣмъ не отличается отъ взглядовъ Суареса; но въ противоположность имъ, вмѣсто того, чтобы быть осторожной и полной осмотрительности, какъ мы это видимъ въ »De legibus», она развивается съ безпощадной логикой до самыхъ крайнихъ взглядовъ, доходящихъ до оправданія жестокости, если не до абсурда.

Также какъ и большинство теоретическихъ политическихъ писателей начала XVI вѣка, Гоббсъ исходитъ изъ идеи договора,

въ качествѣ основы гражданскаго общества, посредствомъ котораго человѣкъ перешелъ изъ естественнаго состоянія къ состоянію организованнаго общества. Этимъ договорамъ, говоритъ онъ, люди отказываются отъ своей независимости и отчуждаютъ ее во всей ея савокупности и ограничиваютъ себя въ полномъ объемѣ подъ условіемъ пріобрѣтенія защиты другъ противъ друга, что составляетъ цѣль и сущность. установленія политическаго тѣла; изъ него вытекаетъ авторитетъ, короля въ монархіи или большинства въ демократіи, облеченный безграничной властью надъ отдѣльными личностями и вещами и свободный отъ всякаго подчиненія какому бы то ни было закону. Онъ по своему усмотрѣнію устанавливаетъ, что хорошо, что дурно, что справедливо или несправедливо; онъ освѣщаетъ своимъ авторитетомъ мнѣнія и вѣрованія или осуждаетъ таковыя, жалуетъ или отнимаетъ имѣніи и т. д.; его право прекращается лишь тамъ, гдѣ подданный предпочитаетъ смерть повиновенію. По заключенію договора онъ становится окончательнымъ; онъ связуетъ стороны до того времени, пока Государство достаточно сильно, чтобы его исполнить, т. е. достаточно сильно, чтобы господствовать, послѣ же этого вновь начинается естественное состояніе.

Доказываетъ ли философъ эти положенія? Нѣтъ, ни сколько, онъ только ихъ утверждаетъ; они составляютъ гипотезу его системы. Естественное состояніе это то, въ которомъ человѣкъ руководится лишь собственнымъ желаніемъ и подчиняется лишь закону инстинкта и потребности; онъ не знаетъ ни справедливаго, ни неспреведливаго, ни различія между моимъ и твоимъ, ни собственности, ни какого бы то ни было права, такъ какъ всѣ права равны для всѣхъ; для него не существуетъ другого закона, кромѣ выгоды и силы. Слѣдовательно это самое несчастное состояніе, какое можно только себѣ представить, это состояніе войны всѣхъ противъ всѣхъ: «Homo homini lupus». Но такъ какъ, съ другой стороны, сохраненіе личности и ея жизни есть высшее благо, также точно, какъ величайшее зло есть разрушеніе и уничтоженіе, то въ собственномъ интересѣ человѣкъ долженъ бѣжать отъ естественнаго состоянія, которое есть бичъ, и для этого онъ долженъ поставить надъ личностями власть, могущую установить порядокъ и обезпечить господство безопасности. Отсюда вытекаетъ общественный договоръ, по которому лицо предаетъ себя въ руки Государства, отказавшись отъ безграничной независимости, которой оно пользовалось въ естественномъ состояніи, и которая могла ему быть лишь гибельной. Будучи, такимъ образомъ, облечено всей савокупностью правъ, раньше принадлежавшихъ человѣку, и которыя онъ ему передалъ, Государство становится всемогущимъ. Какъ и ранѣе, такъ и послѣ договора, нѣтъ ничего само по себѣ справедливаго или несправедливаго; единственный законъ это воля господина, которой, съ этого времени, всѣ должны повиноваться.

Къ тому же, оно и полезно, чтобы было такъ, такъ какъ власть можетъ быть достаточно сильна для защиты, только въ томъ случаѣ, если она обладаетъ достаточной силой принужденія. Гоббсъ не стѣсняется никакими выводами изъ своего принципа: онъ ничего не считаетъ справедливѣе рабства и личную собственность иначе не называетъ, какъ «мятежнымъ правомъ».

Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, ни въ естественномъ состояніи, ни въ состояніи организованнаго общества, нѣтъ другого права кромѣ силы. Человѣкъ все можетъ въ естественномъ состояніи: сила служитъ инстинктомъ; верховный правитель все можетъ въ состояніи организованнаго общества: сила служитъ общей пользѣ. Нѣтъ середины междой войной всѣхъ противъ всѣхъ и всеобщимъ порабощеніемъ всѣхъ. Право лица, имѣющее своимъ вѣнцомъ или своимъ источникомъ—верховное право народа, организовавшагося въ общество, вотъ въ чемъ заключается ложная, противорѣчивая и роковая идея легендарнаго Лавіаѳана, которому верховный правитель долженъ раздавить голову. Странное представленіе, предполагающее безграничное право все дѣлать въ естественномъ состояніи для того, чтобы прійти къ выводу о необходимости рабства въ организованномъ обществѣ. Это дѣлаетъ впечатлѣніе отчаяннаго крика, погибающей доктрины, которая пожелала, раньше чѣмъ исчезнуть, доведя выводы своего принципа до абсурда бросить его общественному мнѣнію какъ вызовъ.

67. Исходной точкой Локка также есть естественное состояніе; только вмѣсто того, чтобы видѣть въ немъ, подобно Гоббсу, состояніе войны или исключительнаго господства инстинкта естественныхъ потребностей и силы, онъ видитъ въ немъ состояніе, въ которомъ человѣкъ управляется нравственностью, которая предшествуетъ всякимъ соглашеніямъ и независима ни отъ какихъ человѣческихъ договоровъ. Но все еще, также какъ и Гоббсъ, онъ допускаетъ гипотезу общественнаго договора; но только онъ разсматриваетъ его не какъ передачу Государству всемогущества, но лишь какъ передачу ограниченной миссіи, вытекающей изъ конечной цѣли гражданскаго общества и заключающейся въ защитѣ, а не въ порабощеніи, миссіи, которая не можетъ быть нарушена безъ того, чтобы не палъ самый договоръ, что снова привело бы общество къ естественному состоянію. Тѣмъ, которые выдвигаютъ вымышленное предположеніе, что общественный договоръ повлекъ за собою полное отреченіе человѣка отъ всѣхъ своихъ правъ въ пользу политической власти, онъ отвѣчаетъ положеніемъ, покоющемся на очевидности и здравомъ смыслѣ, что договоръ дѣйствителенъ лишь по мѣрѣ соотвѣтствія намѣреніямъ сторонъ, и сказать, что люди отдали себя во власть Государства, въ цѣляхъ достиженія защиты другъ противъ друга, это равносильно неосновательному приписыванію имъ самаго абсурднаго представленія: это равносильно утвержденію, что, мечтая о защитѣ отъ хорьковъ и

лисицъ, они согласились ради этой цѣли добровольно отдать себя на съѣденіе крупнымъ хищникамъ Это остроумное изреченіе въ высшей степени опредѣленно, хотя и высказано въ юмористической формѣ. И слѣдовательно, какъ разъ въ противуположность Гоббсу, который приходитъ къ заключенію, что сила есть единственный законъ общественной жизни, Локкъ приходитъ къ заключенію, что свобода есть первѣйшее изъ всѣхъ правъ и, слѣдовательно, она есть основное начало и цѣль политическаго устройства. Онъ такъ ее опредѣляетъ: съ нравственной точки зрѣнія, иначе говоря, въ естественномъ состояніи, это возможность осуществлять то, что должно желать; съ точки зрѣнія гражданской, иначе говоря, въ состояніи организованнаго общества, это возможность пользоваться своими способностями и своимъ имуществомъ подъ защитой законовъ Въ конечной своей разработкѣ, идея справедливости, въ томъ видѣ, въ какомъ она представлялась Гроцію по наитію, достигнута діалектическимъ путемъ

Защита человѣческихъ способностей самихъ по себѣ, въ ихъ внѣшнемъ проявленіи и въ ихъ результатахъ становится, такимъ образомъ, объектомъ положительнаго права во всей его совокупности, какъ въ отношеніи публичнаго права, такъ и въ отношеніи частнаго права. Въ отношеніи публичнаго права: Государство, на которое возложено все то, чѣмъ достигается цѣль общенія, полиція безопасности и правосудіе, защита страны, охрана интересовъ матеріальныхъ и политическихъ, должно быть такъ организовано, чтобы, съ одной стороны, быть на высотѣ своего призванія, съ другой стороны, чтобы не имѣть власти сдѣлать что либо, противорѣчащее цѣли своего установленія; по отношенію частнаго права: оно регулируетъ отношенія частныхъ лицъ между собою и изыскиваетъ справедливую границу, т. е. границу минимальной сферы свободы, которая должна быть установлена, дабы право каждаго лица уважалось и дабы было обезпечено равенство. Слѣдуя этимъ взглядамъ, Локкъ, погружаясь въ слѣдъ за этимъ въ изслѣдованіе различныхъ сторонъ законодательства, выводитъ изъ этихъ установленныхъ имъ принциповъ, которые онъ, такъ сказать иллюстрируетъ въ ихъ практическомъ примѣненіи, основные законы организаціи Государства, относящіеся къ институту семьи, собственности и договорамъ. Духъ современнаго права выражается тутъ во всей своей совокупности.

68. Только въ одномъ отношеніи ученіе Локка страдаетъ недостаткомъ или, по крайней мѣрѣ, незаконченностью: это въ отношеніи собственности. Локкъ ставитъ ее во главу правъ, относящихся къ порядку имущественныхъ правъ. Также какъ и Бодэнъ онъ считаетъ ее естественнымъ правомъ: «Хотя, конечно, природа надѣлила своими благами всѣхъ сообща», говоритъ онъ, «но, тѣмъ не менѣе, человѣкъ, будучи господиномъ и собственникомъ своей личности, носитъ всегда въ себѣ самомъ великое основаніе соб-

стяенности». Тѣмъ не менѣе, онъ скорѣе связываетъ ее съ экономической идеей цѣнности и, именно, произведенной цѣнности: «Природа», прибавляетъ онъ, установивши для человѣка обязанность работать, дозволяетъ ему тѣмъ самымъ почитать за свое то, что онъ производитъ, приспосабливаетъ, видоизмѣняетъ или улучшаетъ». Въ менѣе счастливой формѣ, такъ какъ оно менѣе ясно и вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе возвышено, вслѣдствіе склоненія къ принципу выгоды, это въ общемъ тоже ученіе Бодэна. Тѣмъ не менѣе Локкъ отличается въ одномъ отношеніи отъ автора «Республики». Наряду съ теоретическимъ провозглашеніемъ справедливости и общественной необходимости собственности, онъ указываетъ границу пріобрѣтенію, которое онъ допускаетъ лишь подъ однимъ условіемъ; пріобрѣтеніе, кѣмъ либо осуществленное перестало бы быть справедливымъ тамъ, гдѣ оно не оставляло бы больше возможности предполагаемому пріобрѣтенію другихъ лицъ. Но если принять эту границу, то это не привело бы ни къ чему другому, какъ къ отрицанію самаго принципа или, что одно и тоже, къ отреченію отъ его выводовъ Логика, правда, въ нѣкоторомъ родѣ требовала это отъ Локка; такъ какъ разъ основная идея его ученія заключается въ томъ, что свобода личности, полная въ естественномъ состояніи, должна быть ограничена въ организованномъ обществѣ въ томъ случаѣ, когда она препятствовала бы осуществленію свободы ближняго, то не слѣдуетъ ли отсюда, что и пріобрѣтеніе, представляющее лишь одну изъ формъ практическаго примѣненія свободы, должно быть также остановлено, когда того требуетъ уваженіе къ возможности осуществленія пріобрѣтенія другими лицами? Вопросъ этотъ болѣе чѣмъ затруднителенъ,— онъ не разрѣшимъ въ такомъ экономическомъ строѣ, который не знаетъ другого богатства, кромѣ почвеннаго, и другой собственности, кромѣ недвижимой собственности, которая по самой своей природѣ ограничена; но затрудненіе исчезло, съ тѣхъ поръ, какъ недвижимая собственность входитъ лишь составною частью, относительно прогресивно уменьшающейся, въ общую сумму богатства, съ тѣхъ поръ, какъ движимое богатство установилось въ тысячахъ разныхъ формъ и обладаетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, безграничной эластичностью. Разъ возможность пріобрѣтенія не имѣетъ больше границъ, то и собственность можетъ и должна быть признана въ своей безграничной полнотѣ. Это то ученіе, которому суждено было получить свое окончательное освѣщеніе отъ экономистовъ конца XVIII вѣка, именно, Персье-Ларивіера и Адама Смита. Дѣйствительно теорія собственности по существу своему соприкасается съ теоріей богатства; она соприкасается съ ней въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ, потому, что собственность, въ концѣ концовъ, есть лишь юридическое выраженіе самаго богатства, во вторыхъ потому, что безъ нея ростъ дѣятельности, составляющій источникъ всякаго производства и всѣхъ видовъ прогресса, прекратился бы.

Основатели политической экономіи, поэтому не могли не коснуться рѣшенія этой проблемы; и имъ принадлежитъ великая честь окончательнаго ея разрѣшенія. Собственность, по ихъ мнѣнію, есть продуктъ труда, и мѣна производитъ, вслѣдъ за тѣмъ, лишь перемѣну его мѣста или его формы; но свобода труда тѣсно связана съ правомъ на продуктъ труда, такъ какъ конфискація практическаго примѣненія способностей была бы равносильна конфискаціи самихъ этихъ способностей; слѣдовательно, собственность есть право естественное, также какъ и свобода, которой она составляетъ лишь одну изъ формъ, и по отношенію которой она является необходимымъ вѣнцомъ. Самые глубокомысленные анализы современной философіи ничего новаго и ничего лучше этого не раскрыли. Фулье отчетливѣйшимъ образомъ пишетъ объ этомъ: «Низвидите идею свободы съ высотъ отвлеченной метафизики въ область положительной реальности, и она приметъ новую форму и новое названіе, она назовется собственностью»; въ другомъ мѣстѣ, выражая эту мысль еще болѣе выпукло, онъ говоритъ, что собственность есть «воплощенная свобода, свобода обращенная въ видимость».

69. Исторія имѣетъ свои противорѣчія, можно сказать, свои ироніи судьбы. Въ то время, какъ совершалась Англійская революція и какъ Локкъ, ея ревностный апостолъ и философъ, строилъ научную теорію гражданской свободы, во Франціи вѣкъ Людовика XIV возстановлялъ античную идею права во всѣхъ ея крайнихъ выводахъ. Это была самая блестящая эпоха монархіи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она была и Лебединой ея пѣснею, такъ какъ она отмѣтила собою апогей абсолютизма; абсолютизмъ, достигнувшій крайнихъ предѣловъ своего развитія, носитъ свою неизбѣжную роковую гибель.

Босюэтъ былъ теоретическимъ пѣвцомъ этого режима. Очарованный тѣмъ зрѣлищемъ, которое происходило предъ его глазами, съ другой стороны, находясь подъ вліяніемъ теократическихъ традицій, онъ написалъ «Политику, основанную на Священномъ Писаніи», которая есть ничто иное, какъ научная апологія самаго полнѣйшаго абсолютизма. Въ ней мы не находимъ ни тонкаго лжемудрствованія Суаресса, ни жестокой логики Гоббса, такъ какъ въ вѣкѣ, носящемъ печать величія, все должно быть благородно и благородно выражено; но выводъ, хотя и иначе добытый, въ концѣ концовъ представляется по сути тождественнымъ: это всемогущество Государства, олицетвореннаго въ королѣ, и не имѣющее себѣ другого противовѣса, кромѣ чувствъ короля къ своимъ обязанностямъ и къ своей отвѣтственности предъ Богомъ. Конечно, существуетъ вѣчное міровое право, которое заключается въ высшемъ порядкѣ, управляющемъ міромъ; но толкованіе его зависитъ отъ свободной воли и неограниченной власти короля. Верховная власть исходитъ отъ Бога; справедливость есть даръ Божій; также какъ Богъ есть

все во вселенной, такъ же точно и король есть все въ Государствѣ; онъ есть само Государство, и его права также безграничны, какъ и его долгъ предъ страной. Абсолютизмъ, понимаемый съ этой точки зрѣнія, становится религіознымъ догматомъ; совѣсть монарха, посредствомъ какого то чуда, въ своей наслѣдственной преемственности поглощаетъ права націи и права личности.

Людовикъ XIV былъ болѣе чѣмъ расположенъ къ слѣдованію этимъ урокамъ. Часто вспоминаютъ то жестокое осужденіе, которое ему произнесъ Сенъ-Сімонъ: «Можно-ли повѣрить», говоритъ онъ, «что онъ родился добрымъ и справедливымъ»? Но какъ могъ онъ таковымъ остаться, когда философы внушали ему, что онъ не долженъ признавать никакого другого закона, кромѣ собственной воли, когда его придворные расточали предъ нимъ и даже предъ его слабостями льстивые восторги и похвалы, доходившіе до того, что не удовольствовавшись сравненіемъ его съ Богомъ, «его сравнивали съ нимъ», какъ о томъ пишетъ М-me де Севинье, «такимъ образомъ, что ясно было изъ этого сравненія, что Богъ является лишь слабымъ его подражаніемъ»? Упоенный своимъ могуществомъ, такъ какъ оно являлось долгомъ его миссіи, какъ могъ онъ допустить, чтобы что-либо ограничивало его власть, которая, по общепринятому мнѣнію, хотя и имѣла общественное благо въ качествѣ своей конечной цѣли, но за то имѣла своимъ основаніемъ Божественное изволеніе?

70. Также точно какъ изъ идей рождаются права, такъ и изъ политическихъ ученій рождаются установленія и историческія событія. Въ то время, когда аллегорическія предостереженія Телемака были признаны за выраженіе непочтительности и его скрытые намеки на уваженіе человѣческаго достоинства за утопію, въ это время, совершенно ясно, что не могло уже быть вопроса о правахъ, принадлежащихъ человѣку.

Боссюэтъ, снова возвращающійся къ ученію Св. Августина и Св. Ѳомы, опровергаетъ справедливость собственности или, по крайней мѣрѣ, видитъ въ ней, также какъ и во всякомъ предполагаемомъ правѣ, лишь уступку со стороны Государства: «Устранить правительство», говоритъ онъ, «и тогда земля и всѣ земныя блага станутъ такимъ же общимъ достояніемъ людей, какъ воздухъ и свѣтъ. По естественному праву никто не имѣетъ отдѣльнаго права на чтобы то ни было, и все есть достояніе всѣхъ. Право собственности создано правительствомъ, и, вообще, всякое право исходитъ отъ общественной власти». Это почти дословный переводъ выше приведеннаго мѣста изъ сочиненій Св. Августина. Ничего нѣтъ удивительнаго, что Людовикъ XIV писалъ дофину: «Вы должны твердо помнить, что короли имѣютъ естественное, полное и свободное право распоряженія всѣми имуществами, какъ принадлежащими церкви, такъ и принадлежащими мірянамъ, въ отношеніи пользованія ими во всякое время, какъ то надлежитъ

мудрому хозяину, т. е. согласно общаго блага Государства». Отсюда вытекаетъ право на конфискацію и произвольные налоги; это разрѣшеніе авторитетнымъ голосомъ законодателя знаменитаго вопроса о міровомъ предназначеніи Царей, служившаго предметовъ столь долгаго спора у политическихъ писателей древности.

Одинаковый прямой переходъ отъ теоріи къ событіямъ по отношенію свободы совѣсти. Боссюэтъ учитъ, также какъ и Св. Августинъ и Св. Ѳома, во имя торжества истины, о необходимости обращенія еретиковъ силою; Людовикъ XIV въ 1685 г., снова отмѣняетъ Нантскій Эдиктъ, составлявшій великую побѣду свободы совѣсти XVI вѣка, и еще разъ открываетъ эру гоненій. Много старались впослѣдствіи придумать разныхъ причинъ, чтобы объяснить появленіе этого реакціоннаго Эдикта; старались возложить отвѣтственность въ этомъ на Лувуа и на его высокомѣрную жестокость, на Мадамъ де Мэнтенонъ и на то вліяніе, которое она сумѣла пріобрѣсти надъ устарѣвшимъ королемъ, указывали на на множество еще другихъ причинъ. Но какая цѣль столь многочисленныхъ поисковъ и къ чему это желаніе приписать, во чтобы то ни стало, ничтожнымъ событіямъ появленіе великихъ событій? Историческая ошибка имѣла свою логику; совершая этотъ несправедливый и гибельный актъ, легшій позорнымъ пятномъ на его памяти, Людовикъ XIV имѣлъ въ качествѣ своихъ сообщниковъ тѣ политическія доктрины, которыя господствовали въ официальныхъ сферахъ и своихъ придворныхъ, которые другъ предъ другомъ восторгались величіемъ этого акта ради одной лести предъ своимъ господиномъ. «Ничего не можетъ быть возвышеннѣе чѣмъ то, что въ немъ содержится», говорила объ Эдиктѣ Людовика Мадамъ де Севинье во время разгара самаго жестокаго преслѣдованія протестантовъ, «никогда ни одинъ король не дѣлалъ и не сдѣлаетъ ничего величавѣе». Что можно отвѣтить на такія сужденія, кромѣ того, что въ области политики и нравственности бываютъ эпохи слѣпоты, также точно какъ и въ области психологіи.

Ученіе о правѣ лица, которое, казалось, въ предыдущемъ вѣкѣ окончательно установленнымъ, однимъ ударомъ терпитъ крушеніе; также какъ въ античномъ Государствѣ, частные люди имѣютъ права въ своихъ отношеніяхъ между собою, но у нихъ нѣтъ таковыхъ по отношенію Государства, которое снова стало господиномъ всѣхъ божескихъ и человѣческихъ отношеній, стражемъ истины и пастыремъ человѣческаго стада. Возвратъ къ античному міру былъ полный; Боссюэтъ защищаетъ его до оправданія рабства включительно, и дѣлаетъ онъ это, въ нѣкоторомъ родѣ, лишь въ угоду принципу, вопреки, давно уже установившемуся обычаю считать всякаго раба, находящагося на французской почвѣ въ силу этого самаго свободнымъ.

71. Реакція не замедлила себя ждать послѣ смерти Людовика XIV. Въ 1699 году «Телемакъ», надѣлавши цѣлый скандалъ, вызвалъ опалу Фенелона; двадцать лѣтъ спустя, по прошествіи пяти или шести лѣтъ послѣ конца великаго царствованія «Персидскія Письма» имѣли шумный успѣхъ и въ одинъ день создали славу и популярность имени Монтескье. Ими всюду восхищались, даже и при Дворѣ; отчасти, конечно, вслѣдствіе любовныхъ эпизодовъ и легкомысленныхъ сценъ, которыми они изобилуютъ, но главнымъ образомъ, и это несомнѣнно, вслѣдствіе того ѣдкаго остроумія, которымъ они воодушевлены и смѣлыхъ въ нихъ намековъ на политическій и соціальный строй. Едва исчезъ господинъ, какъ тѣ самые, которые выказывали при немъ самое приниженное раболѣпство, теперь мстятъ за свое униженіе издѣвательствомъ за то тяжелое иго, которое они несли при немъ.

Борьба возобновилась, разжигаемая упрямствомъ сопротивленія и слишкомъ длинными промежутками между побѣдами и пораженіями. Во всякомъ случаѣ она возобновилась уже не при прежнихъ условіяхъ; философія политики измѣнила свое направленіе и даже свою цѣль. Идея права лица кажется установленной въ теоріи; ея главныя выводы кажутся неоспоримыми; усилія сосредоточиваются на организаціи ея обезпеченія. Понятіе политической свободы разъясняется и разсматривается, какъ обезпеченіе гражданской свободы. Принципы не зависимы отъ ихъ практическаго примѣненія, поэтому изъ того, что они находятся или могутъ находиться въ пренебреженіи на практикѣ, нельзя еще выводить заключенія о ихъ тщетности; но это составляетъ достаточное основаніе къ стремленію укрѣпить уваженіе къ нимъ. Послѣ стремленія къ раскрытію цѣли, вполнѣ послѣдовательнымъ является стремленіе направленное на выясненіе средства. Отсюда понятно почему XVIII вѣкъ представляетъ изъ себя безпрерывную цѣпь изысканій и сочиненій, направленныхъ на выясненіе идеальной формы правленія, и между ними первое мѣсто по праву геніальности принадлежитъ «Духу Законовъ».

72. Тщетно было бы искать въ этомъ сочиненіи какой нибудь теоретической разработки вопроса объ основѣ права. Правда, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ своего сочиненія Монтескье провозглашаетъ существованіе міровой и вѣчной справедливости, предшествующей всякимъ человѣческимъ установленіямъ и законамъ существующей внѣ и превыше ихъ; онъ исходитъ изъ предположенія о ея существованіи и непрестанно ссылается на нее въ своихъ выводахъ и разсужденіяхъ, но ни разу онъ не дѣлаетъ попытки возвыситься къ ея первоисточнику для выясненія ея природы, ея характера и области ея примѣненія. Его геній, отличавшійся больше наблюдательностью, чѣмъ спекулятивнымъ мышленіемъ, не возносилъ его въ область научныхъ абстракцій; выдвигаемое имъ положеніе о первопричинѣ законовъ, изъ котораго вы-

текаетъ ихъ конечный идеалъ сводится къ совершенно формальному представленію.

Справедливость, по Духу Законовъ, не есть объективная сущность, но лишь отношеніе, «отношеніе сообразности». Въ этомъ заключается главная идея Монтескье, по отношенію которой онъ говоритъ: «Когда я открылъ свои принципы, все, что я искалъ и изучалъ, само пришло ко мнѣ». Эта мысль появляется уже въ Персидскихъ Письмахъ, гдѣ Узбекъ пишетъ Рэди: «Справедливость есть отношеніе сообразности, естественно существующее между двумя явленіями, отношеніе остающееся вѣчно тождественнымъ самому себѣ, кто бы ни былъ субъектъ, оцѣнивающій его, будь ли то Богъ, будь ли то ангелъ или, наконецъ, будь ли то человѣкъ». Эта идея получаетъ больше опредѣленности въ «Духѣ Законовъ» и становится его основнымъ принципомъ. Ею объясняются два знаменитыхъ опредѣленія законовъ, находящихся въ этомъ сочиненіи: «Законы суть отношенія здраваго смысла къ различнаго рода явленіямъ и отношеніе этихъ явленій между собой» или, въ болѣе общихъ выраженіяхъ, «необходимыя отношенія, вытекающія изъ природы вещей». Эта точка зрѣнія, въ общемъ, можетъ быть принята за неоспоримую истину; но Монтескье, провозглашая ее останавливается на этомъ, своего рода, промежуточномъ взглядѣ, основанномъ на произвольныхъ разсужденіяхъ, что и составляетъ причину того, что его представленіе о справедливости является по существу туманнымъ, это философскій постулатъ, лишенный какого бы то ни было опредѣленнаго вывода, развѣ только считать за таковой простое провозглашеніе факта существованія этого недоказаннаго постулата.

73. Дѣйствительно, всякое отношеніе предполагаетъ взаимность между двумя членами отношенія; отношеніе сообразности въ порядкѣ идей, предполагаетъ наличность двухъ идей, по отношеній одной изъ которыхъ могла бы измѣряться сообразность другой. Но, въ приведенныхъ опредѣленіяхъ, гдѣ та первичная идея, относительно которой устанавливалось бы отношеніе сообразности для справедливости? Уже до Монтескье, Гроцій искалъ законъ права въ сообразности или несообразности поступковъ; но добавлялъ: въ ихъ сообразности или ихъ несообразности съ инстинктомъ общительности и съ тѣми условіями, которыя предполагаютъ удовлетвореніе этого инстинкта. Наоборотъ, Духъ Законовъ нигдѣ не устанавливаетъ постояннаго мѣрила отношеній. Въ одномъ мѣстѣ выдвигаются соображенія полезности, въ другомъ дѣйствіе случайной и преходящей причины: характеръ почвы, пространство, занимаемой территоріи, количество народонаселенія, форма правленія, религія, нравы, всѣ предшествовавшія обстоятельства, словомъ всѣ внѣшнія вліянія, изъ которыхъ, на столько же, насколько и изъ основныхъ началъ природы вещей, вытекаетъ и объясняется относительность человѣческихъ законовъ.

Тщетно Монтескье заявляетъ: «Я нисколько не выводилъ своихъ принциповъ изъ своихъ предвзятыхъ взглядовъ, но вывелъ ихъ изъ природы вещей». Въ томъ видѣ, какъ онъ ее понимаетъ, эта «природа вещей», противуполагаемая обычно установленному смыслу этихъ словъ не имѣетъ ничего постояннаго; напротивъ того, она измѣнчива до безконечности, такъ какъ она есть ничто иное, какъ то, отчего вещи возникаютъ и то, чѣмъ они объясняются. Откуда слѣдуетъ, что, хотя идея самаго существованія отношенія справедливости абсолютна, но сама справедливость, низведенная лишь къ выраженію результата этого отношенія, становится неопредѣленно относительной и случайной; при этомъ способѣ пониманія ея неизбѣжно нужно прійти къ заключенію, что всѣ комбинаціи и измѣненія, вызванныя преходящими обстоятельствами суть выраженія непреложныхъ законовъ. Вотъ къ чему приводитъ «Духъ Законовъ», и, слѣдовательно, не безъ причины упрекали Монтескье въ томъ, что своимъ представленіемъ о все объясняющей справедливости онъ все оправдываетъ и что онъ своимъ методомъ мышленія приводитъ къ историческому фатализму.

Авторитетъ, который получилъ со времени своего появленія и которымъ пользуется до сего дня «Духъ Законовъ» не покоится ни на его основномъ принципѣ, ни на его методѣ, такъ какъ принципъ его пустъ и неустойчивъ, и методъ его есть сплошное лжеумствованіе; но онъ покоится на томъ, что въ сознаніи Монтескье составляло лишь второстепенную подробность: это, именно, на развитіи побочныхъ выводовъ, которые сопровождаютъ и въ, нѣкоторомъ родѣ, иллюстрируютъ разработку основного тезиса.

74. Законы, духъ которыхъ или скорѣе систему которыхъ онъ анализируетъ, не суть абсолютные законы, въ философскомъ смыслѣ этого слова, или естественное право, это человѣческіе законы, обладающіе характеромъ относительности или, иначе говоря, положительное право. Онъ начертываетъ то, что Жане остроумно называлъ ихъ «побочными причинами». Онъ ихъ разсматриваетъ по отношенію тѣхъ потребностей, которыя вызываютъ ихъ возникновеніе и по отношенію тѣхъ цѣлей, которыя законы преслѣдуютъ, ихъ отношенія къ нравамъ и національнымъ стремленіямъ и вызываемыя ими послѣдствія, анализируетъ также условія ихъ плодотворности въ зависимости отъ времени, мѣста и другихъ обстоятельствъ. «Въ этомъ заключается то самое», категорически говоритъ онъ, что имъ называется «Духомъ Законовъ». Слѣдовательно, книга, которой онъ далъ это заглавіе не есть философскій трактатъ, ни также трактатъ, относящійся къ области исторіи или права, но это трактатъ о законодательствѣ, принимая это слово въ смыслѣ техники законодательнаго творчества. Объектомъ его служитъ политика права, искусство законодательствовать. Монтескье съ умысломъ сталъ и намѣренно продолжалъ держаться этой промежуточной почвы, на которой принципы встрѣчаются

съ своимъ практическимъ примѣненіемъ, и гдѣ можно наблюдать ихъ взаимодѣйствіе. Черпая свои примѣры во всѣхъ извѣстныхъ законодательствахъ, онъ ищетъ причину и смыслъ законовъ или въ природѣ человѣка, или въ причинахъ мѣстныхъ или другихъ особенностяхъ; онъ указываетъ подъ какими вліяніями они возникаютъ, видоизмѣняются и исчезаютъ; и, изъ его изслѣдованія законовъ въ этомъ направленіи, безпрестанно вытекаютъ блестящіе выводы, глубокомысленные размышленія, выраженныя въ формѣ афоризмовъ, въ которыхъ резюмируются въ нѣсколькихъ словахъ длинныя разсужденія и мысли, добытыя кропотливымъ анализомъ, и которыя по отношенію къ каждому разсматриваемому вопросу являются, какъ бы самопроизвольными родниками здраваго смысла и разумной предусмотрительности. Такимъ образомъ, мало по малу, образуется подъ его перомъ совокупность идей, добытыхъ посредствомъ дедукцій изъ наблюденныхъ фактовъ, цѣлый организмъ доктринъ выведенныхъ на основаніи научнаго изслѣдованія потребностей человѣка и открытыхъ путемъ сравнительнаго изученія опыта различныхъ человѣческихъ обществъ, и если въ этомъ еще не заключается по существу, «разумъ человѣческій, поскольку онъ управляетъ всѣми людьми на землѣ», каковое опредѣленіе права дается въ «Духѣ Законовъ», то во всякомъ случаѣ, въ этомъ заключается его вѣрное эхо.

Можно ли послѣ этого ставить ему въ упрекъ, что въ этомъ богатѣйшемъ собраніи наблюденій надъ человѣческими обществами, составляющемъ образецъ мудрыхъ и свѣтлыхъ законодательныхъ велѣній встрѣчаются историческія ошибки, или то, что въ нихъ можно найти искусственныя сопоставленія или дедукціи доведенныя до чрезмѣрности. Но нельзя отрицать, и въ этомъ заключается главная причина славы Монтескье, что никто не вывелъ изъ своихъ наблюденій болѣе мудрыхъ и болѣе убѣдительныхъ положеній разумнаго правленія; никто и никогда, ни до, ни послѣ него, не далъ лучшаго освѣщенія отношенія, которое существуетъ между состояніемъ общественнаго развитія какого нибудь народа и тѣми законами, которые ему наиболѣе соотвѣтствуютъ, никто также лучше его не указалъ ту глубокую осторожность, которой долженъ руководиться законодатель по отношенію къ тѣмъ вліяніямъ, которыя управляютъ причинной сцѣпляемостью событій или, другими словами, тотъ духъ которымъ должны быть проникнуты законы. Въ этомъ отношеніи и вслѣдствіе этого «Духъ Законовъ» въ теченіи полутора вѣка оставался самой замѣчательной школой мудрой осмотрительности и наилучшимъ совѣтчикомъ цивилизованныхъ націй. Не было никакого преувеличенія, когда его назвали кодексомъ разума и свободы. Даже для самаго взыскательнаго философа, который сталъ бы разсматривать это сочиненіе съ точки зрѣнія выдержанности метода изслѣдованія, невольно возникаетъ вопросъ «не поучительнѣе-ли эта философія побочныхъ и второ-

степенныхъ причинъ, чѣмъ какая нибудь отвлеченная теорія права, оставляющая открытымъ вопросъ о томъ, какъ можетъ это право быть практически примѣнено при такихъ то и такихъ то обстоятельствахъ.

75. Если въ настоящее время пожелать разрѣшить вопросъ въ какой мѣрѣ Монтескье способствовалъ укрѣпленію и развитію идей, господствовавшихъ въ то время, когда онъ жилъ, то необходимо для отвѣта различать то, что составляло плодъ естественныхъ тенденцій его ума отъ того что составляло прямые выводы изъ принятаго имъ тезиса. Его тенденція состоитъ въ неизмѣнномъ воодушевленіи живѣйшимъ чувствомъ того, что неотъемлемо должно принадлежать человѣку, чувствомъ нравственной свободы, несомнѣнно составляющей одинъ и даже господствующій элементъ природы вещей; въ этомъ отношеніи онъ близко подходитъ къ Локку и англійской школѣ и отсюда вытекли тѣ великія и полезныя реформы, которыхъ онъ былъ провозвѣстникомъ. Его тезисъ сводится, въ окончательномъ своемъ выводѣ, къ тому узкому представленію о справедливости, которое онъ составилъ себѣ, къ сожалѣнію оно преградило предъ нимъ ту, прогресивно выработанную философами идею, что источникъ права лежитъ въ самомъ человѣкѣ, что основаніе его находится въ свободѣ нравственности и именно изъ ошибочности его представленія о справедливости вытекаютъ несовершенства его «Духа Законовъ». Весь Монтескье объясняется этимъ противуположеніемъ тенденцій его ума, тѣмъ требованіямъ, которыя ставила ему, принятая имъ система.

Онъ ничего не оставилъ недосказаннаго въ практически все еще не разрѣшенномъ вопросѣ о рабствѣ и о вытекающихъ изъ него выводахъ, онъ доказалъ съ убѣдительностью, не допускавшей послѣ того больше никакихъ возраженій, что это предполагаемое право, которое дѣлаетъ человѣка вещью другого человѣка несправедливо само по себѣ, что оно безполезно, какъ для господина, такъ и для раба, что оно гибельно для Государства, такъ какъ «свобода каждаго отдѣльнаго гражданина составляетъ часть свободы общественной»?

Не менѣе убѣдительны его доказательства, относящіяся къ вѣчному вопросу о свободѣ совѣсти, вновь возбужденному послѣ эдикта объ отмѣнѣ свободы вѣроисповѣданія; предостереженіе инквизиторамъ, которое онъ вставляетъ въ уста португальскаго еврея, напоминаетъ прекрасныя слова Бодэна, сказанныя имъ въ XVI вѣкѣ, но выражено это въ болѣе сжатой формѣ, а слѣдовательно, и съ большей силой.

Въ области уголовнаго права онъ былъ дѣйствительно новаторомъ и глашатаемъ новаго слова; онъ проложилъ путь Беккарію и Филенжіери, возставъ противъ инквизиціонныхъ мученій и варварства пытокъ, указавъ что они подрываютъ авторитетъ уголовнаго закона, вмѣсто того, чтобы служить ему и, что нужно ува-

жать самое право человѣческой личности, даже у тѣхъ, которые сами его нарушили.

Наконецъ, нѣтъ ничего равнаго по глубинѣ мысли и свѣтлости взгляда, тому тонкому анализу, который онъ дѣлаетъ относительно характера взаимности отношеній свободъ философской, гражданской, законной и политической.

76. Философская свобода состоитъ «въ управленіи воли». Она есть ничто иное, какъ свобода воли, или способность разума самоопредѣляться, подчиняясь лишь самому себѣ. Она индивидуальна и внутрення, человѣкъ обладаетъ ею самъ по себѣ и въ нормальномъ состояніи всегда зависитъ отъ него самого обладать ли ею и обладать ли въ полномъ размѣрѣ; она не составляетъ цѣли, такъ какъ она состоитъ, въ концѣ концовъ, въ способности выбора, она есть лишь средство достиженія истины и блага.

Гражданская свобода зависитъ не отъ одной только воли; она состоитъ изъ внѣшнихъ дѣйствій и слѣдовательно этимъ самымъ она входитъ въ область положительнаго права. Это способность выраженія своей воли въ содѣяніи или не дѣяніи. Она уже болѣе не индивидуальна и не внутрення, такъ какъ она касается и интересуетъ человѣка въ его отношеніяхъ къ ближнимъ; вслѣдствіе своего выраженія той миссіи, которую Государство несетъ въ дѣлѣ обезпеченія человѣческой личности, она становится цѣлью гражданскаго общества и объектомъ права; она состоитъ «въ возможности дѣлать то, что должно желать и не быть принужденнымъ дѣлать того, чего не слѣдуетъ желать». Выражаясь такимъ образомъ, Монтескье допускаетъ, вмѣстѣ съ Локкомъ, предшествіе существованія нравственности всякимъ человѣческимъ соглашеніямъ и придаетъ повелительный характеръ ея прецептамъ; но, такъ какъ человѣкъ долженъ быть единственнымъ судьей того, что ему повелѣваетъ нравственность, въ виду того, что онъ отвѣтствененъ и въ виду того, что безъ преднамѣренной и свободной воли не можетъ быть нравственности въ его поступкахъ, то гражданская свобода становится, въ концѣ концовъ, въ практическомъ своемъ выраженіи, правомъ каждаго пользоваться своими способностями, по собственному усмотрѣнію, въ отношеніи практическаго ихъ примѣненія и употреблять ихъ, по своему, въ поискахъ за истиной, благомъ, полезнымъ или пріятнымъ, подъ условіемъ уваженія способностей своего ближняго. И такъ какъ въ организованномъ обществѣ жертвы, требуемыя отъ естественной независимости во имя обезпеченія равенства свободъ, иначе говоря, во имя общественной безопасности, должны быть предначертаны законами, во избѣжаніе возможности произвола, то слѣдовательно, фактическая или законная свобода не можетъ быть чѣмъ-либо инымъ, какъ правомъ дѣлать закономъ дозволенное. Монтескье, въ этомъ отношеніи, воспроизводитъ точку зрѣнія уже ранѣе того, выраженную Пуффендорфомъ: «Надо уяснить разумомъ», говоритъ онъ, «въ чемъ за-

ключается независимость и въ чемъ свобода. Свобода есть право дѣлать то, что дозволено законами. И если бы гражданинъ могъ сдѣлать то, что законы запрещаютъ, онъ не былъ бы болѣе свободенъ, такъ какъ и другіе имѣли бы одинаковую съ нимъ возможность». До Пуффендорфа и Монтескье Цицеронъ выражаетъ ту же самую мысль: «Omnos legum servi sumus, ut liberi esse possimus. Философски свобода не имѣетъ другихъ границъ, какъ въ велѣніяхъ нравственности; въ гражданскомъ отношенік, т. е. въ общественномъ состояніи, она ограничивается тамъ, гдѣ она нарушала бы свободу ближняго; въ отношеніи закона, въ организованномъ обществѣ, она существуетъ лишь въ предѣлахъ предначертанныхъ закономъ.

77. Совершенно отлична политическая свобода: она отличается по своему происхожденію, по характеру и по объекту. Она состоитъ «въ томъ спокойствіи духа, которое происходитъ отъ увѣренности каждаго въ своей безопасности»; или скорѣе. «въ самой безопасности или въ томъ убѣжденіи. которое объ ней составилось». Страна свободна въ политическомъ значеніи, когда никто не злоупотребляетъ властью или, точнѣе, когда господствуетъ мнѣніе, что никто ею не злоупотребитъ, ни въ отношеніи гражданской свободы, путемъ запрещенія человѣку того, что онъ долженъ желать или принужденія къ содѣянію того, чего онъ не долженъ желать, ни въ отношеніи законной свободы, путемъ произвольнаго нарушенія закона.

Идеаломъ въ этомъ отношеніи было бы то положеніе, если бы человѣкъ былъ бы управляемъ лишь самимъ собою; но такъ какъ общественная жизнь, именно, и заключается въ существованіи принудительной власти, то возможнымъ становится лишь то, чтобы эта власть была такъ организована, чтобы при полномъ могуществѣ къ содѣянію блага, она была бы безсильна творить зло. Но «вѣчный опытъ доказываетъ, что всякій человѣкъ облеченный властью стремится ею злоупотребить и пользуется ею до тѣхъ поръ, пока не встрѣчаетъ границъ», слѣдовательно необходимо. «въ силу самихъ вещей, чтобы власть была бы сдерживаема властью». Этимъ объясняется то важное значеніе, которое нынѣ считается за преувеличеніе, но за таковое не было признаваемо въ XVIII вѣкѣ, которое Монтескье приписываетъ политической организаціи, теоріи формъ правленія и принципу раздѣленія властей, вскорѣ превратившемуся въ аксіому. Ставши на эту точку зрѣнія, онъ доказываетъ превосходство представительнаго образа правленія, въ которомъ нація принимаетъ участіе въ распоряженіи властью въ качествѣ гарантіи правъ и интересовъ своихъ членовъ отъ поглощенія ихъ Государствомъ, и онъ, въ особенности, отстаиваетъ самую совершенную, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самую прихотливую форму представительнаго образа правленія:—это парламенскій режимъ Англіи. Онъ не воображаетъ, чтобы правильное соотноше-

ніе властей было бы достовѣрной гарантіей противъ притѣсненія, такъ какъ, какъ бы ни была раздѣлена и организована власть, если тѣ, которые ею распоряжаются, находятся въ согласіи другъ съ другомъ, то весьма ясно, что они всегда будутъ имѣть возможность притѣснять другую часть страны. Власть сдерживается совершенствомъ учрежденій отъ своей естественной тенденціи къ всепоглащенію лишь въ ограниченномъ размѣрѣ: она дѣйствительно сдерживается лишь могуществомъ принциповъ и въ той степени, въ какой общественное мнѣніе имѣетъ силу заставить ихъ уважать. Поэтому Монтескье заключаетъ, что «политическая свобода существуетъ только при умѣренномъ образѣ правленія».

78. Различіе между правами гражданскими и правами политическими, которое вскорѣ переходитъ въ область фактовъ въ многочисленныхъ проявленіяхъ, выясняется отсюда, какъ естественное слѣдствіе, съ совершенной опредѣленностью: гражданскія права, пользованіе которыми образуетъ гражданскую свободу, состоятъ въ способностяхъ человѣка, въ немъ самомъ находящихся, которыми онъ обладаетъ на основаніи потребностей своей природы и стремленій своего существа: политическія права, пользованіе которыми образуетъ политическую свободу, состоятъ въ воздѣйствіи на правительство, гарантіями чего служатъ общественное мнѣніе и выборное начало, проявленныя въ участіи въ различныхъ формахъ распоряженія властью.

Ихъ значеніе, вытекающее изъ интереса обладанія ими, неодинаково, такъ какъ «не надо смѣшивать», говоритъ Монтескье, «право народа и свободы народа». Въ древности, вслѣдствіе существованія рабства, свобода была исключительно гражданской: ее смѣшивали съ участіемъ въ верховной власти, такъ какъ посредствомъ этого участія она получала свое внѣшнее проявленіе; въ наше время она носитъ исключительно частный характеръ: она состоитъ въ спокойномъ пользованіи личной независимостью подъ охраною законовъ. Отсюда вытекаетъ двоякій выводъ, который въ высшей степени точно отмѣчаетъ собою характеръ современной цивилизаціи и отдѣляетъ ее отъ цивилизаціи античной. Только одни гражданскія права представляютъ изъ себя благо по самому своему существу, только они одни устанавливаютъ истинныя права и являются, поэтому, цѣлью и цѣлью справедливою; они присущи человѣческой личности, въ качествѣ таковой, независимо отъ пола, возраста и способностей. Политическія права не имѣютъ никакой цѣнности сами по себѣ, они цѣнны, только какъ гарантіи, и также, какъ и правительство, къ участію въ дѣятельности котораго они привлекаютъ частныхъ лицъ, они не составляютъ изъ себя цѣли, но лишь средство: если ихъ почитаютъ за права, то во всякомъ случаѣ это права, обладающія особенной природой: это скорѣе обязанности, осуществляемыя въ интересахъ общей пользы, которыя, согласно требованіямъ разумности, должны быть поручаемы лишь

тѣмъ, которые могутъ выполнить ихъ сознательно, т. е. гражданамъ. Когда нравственность развивается по направленію прогресса, значеніе мнимыхъ правъ политическихъ идетъ на убыль: несомнѣннымъ же признакомъ уклоненія и возврата къ прошлому служитъ то положеніе, когда политическія права выдвигаются въ общественномъ мнѣніи на первый планъ и когда они проявляютъ тенденцію къ поглощенію гражданскихъ правъ.

79. По отношенію ко всѣмъ этимъ вопросамъ Монтескье достоинъ удивленія. Его идеи пробуждаютъ цѣлую гармоническую совокупность спасительныхъ размышленій: онѣ были плодотворны, такъ какъ онъ умѣлъ доказать ихъ съ такой убѣдительностью, что пріобщилъ къ своему новому міросозерцанію наиболѣе подавленныхъ духомъ и примирилъ съ необходимостью перемѣнъ тѣхъ, которые должны были отъ нихъ больше всего потерять.

Но съ другой стороны, сколько пробѣловъ непостоянства, противорѣчій даже заблужденій вышло изъ подъ его пера.

По отношенію основного вопроса о собственности, который вызываетъ за собою столько другихъ, онъ стоитъ гораздо ниже всѣхъ своихъ предшественниковъ, начиная съ XVI вѣка. Онъ, который во всемъ искалъ выясненія отношеній, какъ бы не замѣтилъ того отношенія, которое связуетъ собственность съ свободой: также, какъ и древніе мыслители, онъ видитъ въ ней лишь результатъ гражданскаго закона, лишь уступку со стороны Государства, что окончательно отнимаетъ у нея природу истиннаго права: онъ прибавляетъ только, что въ интересѣ самого Государства, обезпечить уваженіе къ ней.

Игнорируя то положеніе, что источникъ права находится въ самомъ человѣкѣ, въ его свободной волѣ, онъ не понялъ того, что казалось, тѣмъ не менѣе, со времени Локка неоспоримымъ, а именно, что власть нераздѣльна отъ существа человѣческой личности; вслѣдствіе этого онъ не сумѣлъ найти объясненія Государству и его установленіямъ. Будучи крайнимъ индивидуалистомъ по всѣмъ своимъ тенденціямъ, онъ сохраняетъ тѣмъ не менѣе предрасудокъ о государственной опекѣ: онъ вѣритъ въ ея законность и въ полезность законовъ, направленныхъ противъ роскоши; онъ допускаетъ государственное вмѣшательство въ перераспредѣленіи богатствъ и въ установленіи границъ состояніямъ частныхъ лицъ; ни болѣе ни менѣе, чѣмъ заурядный соціалистъ нашего времени онъ вмѣняетъ ему въ обязанность дать каждому гражданину «обезпеченность существованія, пищу, соотвѣтствующую одежду и родъ жизни не противорѣчащій интересамъ здоровья».

Наконецъ, въ силу несомнѣнной истины, что даже самые свободные умы подпадаютъ подъ дѣйствіе традицій, какъ только у нихъ нѣтъ яснаго принципа, защищающаго отъ нихъ, Монтескье, у котораго встрѣчается такое горячее осужденіе религіозной нетер-

пимости, когда онъ разсматриваетъ этотъ вопросъ принципіально, пишетъ въ другомъ мѣстѣ разсужденіе, которое читается и перечитывается по нѣскольку разъ, такъ какъ трудно повѣрить своимъ глазамъ: «Я не говорилъ, чтобы не слѣдовало наказывать ересь, я только говорилъ, что слѣдуетъ быть весьма осмотрительнымъ въ примѣненіи къ ней наказанія». Несомнѣнно, что законъ сообразности отношенія съ природою вещей, если и способствуетъ уясненію фактовъ, но не можетъ быть признанъ закономъ идеальной справедливости.

80. Не взирая на свои недостатки и свои пробѣлы, «Духъ Законовъ» является великимъ сочиненіемъ XVIII вѣка. Другія сочиненія болѣе заняли или вызвали болѣе страстное къ себѣ отношеніе современниковъ, но ни одно изъ нихъ не имѣло такого облагораживающаго значенія. Благодаря него, національныя стремленія, бывшія до того времени смутными, пріобрѣтаютъ свою формулу и всѣ члены этой формулы освѣщены и опредѣлены какъ въ отношеніи ихъ смысла, такъ и въ отношеніи ихъ важности: свобода гражданская, свобода вѣроисповѣданія, равенство передъ закономъ, свобода политическая, или, другими словами, обезпеченности личности и имущества, или право лица. Все уже давно носилось въ представленіяхъ: подъ перомъ Ментескье предчувствія превратились въ осмысленныя теоріи. Часъ воплощенія ихъ въ фактахъ не далекъ. Будь бы во Франціи того времени государственные люди достойные этого имени, старинная вражда между античной идеей права и идеей новаго времени могла бы завершиться разумной эволюціей.

Было уже сказано, что она закончилась погромомъ. Искусство управлять состоитъ въ освѣдомленности въ происшедшихъ въ общественномъ темпераментѣ страны измѣненіяхъ, въ знаніи идей и потребностей новыхъ поколѣній и въ умѣніи своевременно быть впереди событія, дабы ихъ направлять.

Но въ то время, какъ общественное мнѣніе повторяло и все настойчивѣе выражало свои требованія, Людовикъ XV позорными явленіями своего царствованія все больше способствовалъ умаленію уваженія къ королевской власти: Вольтеръ и Энциклопедисты сокрушили вліяніе традицій, которыя служили основаніемъ для стараго режима, зданіе разрушается какъ бы само собою, и традиціонное уваженіе, которое его поддерживало исчезаетъ. Около 1730 года улыбались, но все еще съ осторожностью, надъ злыми насмѣшками въ Персидскихъ Письмахъ: пятьдесятъ лѣтъ спустя открыто и публично рукоплещутъ дворяне, также какъ и третье сословіе, непочтительнымъ остротамъ лакея изъ комедіи Фигаро Бомарше. Знаменіе времени. Послѣ полемики, длившейся вѣками, вопросъ, своевременно неразрѣшенный спускается изъ высокой области философіи: отнынѣ онъ ставится и волнуетъ публичную

площадь: то что не смогли разрѣшить мыслители, теперь пытаются сдѣлать озлобленные и спятившіе съ ума. Достаточно было искры, чтобы зажечь пожаръ.

III. Конечная формула.

81. Людовикъ XVI, въ началѣ своего царствованія, казалось былъ одухстворенъ самыми возвышенными и свѣтлыми представленіями о нуждахъ своего времени и задачахъ своего царствованія. И, дѣйствительно, въ эти прекрасные первые годы его правленія все располагало къ вѣрѣ и оптимизму. Всѣ надѣялись на торжество справедливости для всѣхъ, на исчезновеніе безцѣльныхъ притѣсненій, на скорѣйшее уничтоженіе свѣтскаго феодализма и связаннаго съ нимъ нестерпимаго бремени, давившаго людей и собственность, надѣялись на прекращеніе злоупотребленій и на умиротвореніе накипѣвшей злобы; казалось наступаетъ заря новаго золотого вѣка, также какъ это казалось еще разъ, но уже въ послѣдній разъ, во время празднества Федераціи.

Увы, все это было мечтою лишь одного дня. Не достаточно одной добродѣтели, чтобы управлять въ трудныя времена; нужна рѣшимость и воля, даръ направленія силы событій, умѣніе пользоваться ею къ выполненію своихъ предначертаній, привычка къ подавленію чувствъ и къ слѣдованію голосу разума, часто нужна ловкость, а временами даже, до извѣстной степени, хитрость. Но несчастный король, честный и добрый, неустойчивый по отношенію окружавшихъ его вліяній, ничѣмъ этимъ не обладалъ. Къ тому же онъ совершенно не понялъ того новаго права, во имя котораго нація и отдѣльныя лица считали свою жизнь независимой отъ него. Вѣчно колеблющійся между своими личными чувствами и предрасудками своего происхожденія, безсильный стать на сторону партіи будущаго или примкнуть къ сторонникамъ старины, безсильный сдѣлать выборъ между Тюрго, этимъ великимъ умомъ, столь удивительно и глубоко схватывавшимъ идеи своего вѣка, и между возстановленнымъ Парламентомъ, который пользовался своей независимостью лишь для прикрытія злоупотребленій, онъ не сумѣлъ ни противодѣйствовать, ни уступать, а потому онъ насильно былъ увлеченъ потокомъ событій, пока не сталъ искупительной жертвой, не имъ совершенныхъ преступленій. Во время коронованія, когда возникъ вопросъ о присягѣ, Тюрго настаивалъ на опущеніи словъ, въ которыхъ король приносилъ клятву уничтожить еретиковъ, Морепа настаивалъ на ихъ сохраненіи. Людовикъ XVI, долго находившійся въ нерѣшительности кончилъ тѣмъ, что примкнулъ къ мнѣнію Морепа; потомъ въ самый послѣдній моментъ, во время произнесенія традиціонной формулы онъ смутился и говорятъ пролепеталъ какія то невнятныя слова. Таковою была вся исторія его царствованія. Послѣ па-

денія Тюрго жребій былъ брошенъ. Обиды воспламеняются послѣ новаго разочарованія: національную совѣсть столь долго оскорбляемую наконецъ взрываетъ, всякія надежды на мирныя реформы потеряны. Отвѣтственность въ этомъ лежитъ на Дворѣ, на Парламентѣ и на крупнѣйшихъ представителяхъ капитала. Тщетно Неккеръ старается провести нѣкоторые изъ проэктовъ своего предшественника, уже слишкомъ поздно; время реформъ миновало. драма Французской Революціи началась.

Вмѣшательство насилія въ разрѣшеніе задачъ человѣчества всегда сопровождается самыми ужасными послѣдствіями; на этотъ разъ оно было вызвано совокупностью всѣхъ наличныхъ условій: глубоко и справедливо оскорбленное чувство, слѣпое сопротивленіе властей къ осуществленію назрѣвшихъ задачъ и великая миссія новыхъ идей, долженствовавшая восторжествовать въ послѣдствіи.

82. 17 іюня 1789 года, депутаты третьяго сословія, собравшіеся въ генеральные штаты, въ отвѣтъ на домогательства привиллегированныхъ сословій по вопросу о провѣркѣ полномочій. объявили себя «Національнымъ Собраніемъ». Такимъ образомъ разрѣшился однимъ словомъ вопросъ объ основаніяхъ верховной власти, служившій предметомъ спора въ теченіи столѣтій, и совершилось оффиціальное перемѣщеніе верховныхъ правъ: нація сама устанавливаетъ свое самодовлѣющее значеніе.

20-го числа того же мѣсяца, во время знаменитаго засѣданія въ залѣ для игры въ мячъ, національное собраніе клянется не расходиться, «пока Конституція не будетъ установлена и учреждена на твердыхъ основаніяхъ». Этимъ предначертывалась съ перваго же часу та политическая, соціальная и философская миссія, которую предстояло выполнихь «Учредительному Собранію». Дѣйствительно, согласно съ идеями того времени, Конституція должна была преслѣдовать двоякую цѣль: освятить ггажданскую свободу путемъ установленія основныхъ правъ гражданина, иначе говоря. освятить право лица, обезпеченнаго отъ всякихъ посягательствъ. и кромѣ того, освятить политическую свободу путемъ учрежденія такого образа правленія, который, дѣйствительно, обезпечивалъ бы отъ произвола власти; и такъ какъ національное собраніе стрѣмилось не только установить Конституцію, но и «учредить ее на твердыхъ основаніяхъ». то оно вышло изъ предѣловъ простыхъ законодательныхъ работъ и углубилось въ выясненіи того живого духа, который долженъ былъ лечь въ ихъ основу, другими словами тѣхъ философскихъ принциповъ, которые надъ ними господствуютъ. Слово Конституція, принимаемое въ то время въ самомъ широкомъ своемъ смыслѣ, обнимало собою всѣ эти представленія: то есть, все необходимое, какъ выражались въ то время «къ перерожденію Государства».

83. Въ своемъ политическомъ творчествѣ національное собраніе потерпѣло крушеніе. Конституція 3—14 сентября 1791 го-

да, обманувъ ожиданія своихъ авторовъ, не могла не имѣть кратковременнаго и тревожнаго существованія. Отсюда не слѣдуетъ, чтобы всѣ ея положенія исчезли вмѣстѣ съ нею: далеко не такъ. отъ нея осталось то, что еще въ настоящее время образуетъ существенную основу учрежденій свободныхъ народовъ: во-первыхъ, понятіе современнаго государства, нормальная задача котораго обезпеченіе равенства свободъ путемъ заключенія ихъ въ границы, въ которыхъ они не могли бы другъ у друга что-либо захватывать: затѣмъ установленіе основныхъ началъ политической свободы: участіе страны въ управленіи чрезъ постоянное представительство, вотированіе государственныхъ налоговъ и т. д. Но учрежденный правительственный механизмъ не послужилъ съ пользою. Можно ли это исключительно отнести къ неудачѣ принятыхъ положеній? Не обусловливается ли она, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, обстоятельствами? Современная критика была въ этомъ отношеніи безпощадна къ дѣятелямъ Учредительнаго Собранія, обвиняя ихъ въ томъ, что они «работали надъ академическими утопіями». Тѣмъ не менѣе опытъ долженъ былъ бы внушать намъ нѣкоторую скромность, такъ какъ въ теченіи цѣлаго вѣка, мы работаемъ, послѣ многочисленныхъ опытовъ, и намъ нисколько не удалось достигнуть лучшихъ результатовъ: и наше безсиліе послѣ всего этого не можетъ быть отнесено на счетъ нашихъ отцовъ; народы, государственная жизнь которыхъ во время не получила соотвѣтствующихъ реформъ, обречены на испытаніе этого необходимаго рока; рано или поздно доведенные до рѣзкаго разрыва съ прошлымъ, они выброшены на собственное несчастіе изъ путей прогрессирующаго опыта на произволъ разсудочныхъ поисковъ.

Соціальная задача, напротивъ того, была скоро разрѣшена глубоко и прочно. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что изъ тѣхъ четырехъ тысячъ освободительныхъ декретовъ, выпущенныхъ великимъ собраніемъ, народилось новое общество. Населеніе, до того времени, было раздѣлено на соперничавшіе и враждовавшіе между собою классы. Учредительное Собраніе объединяетъ ихъ путемъ уничтоженія привиллегій, оно приготовляетъ миръ и смягченіе нравовъ установленіемъ равенства передъ закономъ; личность и имущество были подчинены безчисленнымъ притѣсненіямъ, парализовавшимъ проявленіе личной самодѣятельности и развитію богатства: личное и вещное крѣпостное состояніе уничтожается, родительская власть сводится къ праву защиты и опеки, феодальная собственность видоизмѣняется въ свободную собственность, однимъ словомъ провозглашается свобода лица и собственности, такъ что въ силѣ остаюся только личныя обязательства вытекающія изъ добровольныхъ договорныхъ отношеній, равно какъ по отношенію къ имуществамъ добровольно установленныя повинности, объясняемыя интересами недвижимой собственности: наконецъ, общество было управляемо силою или произволомъ, было оскорбля-

емо и унижаемо нетерпимостью: отнынѣ оно получаетъ порядокъ, основанный на благахъ законной справедливости, уваженія свободы совѣсти и права лица. Другими словами, всюду, какъ въ обществѣ, такъ и въ семьѣ, какъ въ отношенiи условій относящихся къ лицу, такъ и къ земельной собственности, Національное Собраніе замѣнило произволъ закономъ, привиллегіи равенствомъ, подчиненіе и зависимость свободою; такимъ образомъ оно приготовило широкое и полное развитіе способностей личности, что и составляетъ истинную цѣль гражданскаго общества и идеалъ справедливости. Развѣ это не измѣненіе всѣхъ условій существованія націи какъ бы по мановенію волшебнаго жезла? У народовъ память такъ коротка, что, по прошествіи самаго малаго промежутка времени, они уже не помнятъ откуда происходятъ всѣ тѣ блага, которыми они пользуются. Нерѣдко можно слышать, въ настоящее время, осужденіе Учредительнаго Собранія за тѣ событія, которыя за нимъ слѣдовали, и отрицаніе его благодѣяній за то, что оно не сумѣло избѣжать всѣхъ ошибокъ или всякаго увлеченія во время своей поразительной работы: одного слова достаточно сказать въ его оправданіе, чтобы вполнѣ опредѣлилась та мѣра признательности, которой мы ему обязаны: кто только изъ наиболѣе ожесточенныхъ его противниковъ согласился бы, хотя бы на мгновеніе, перенести малѣйшее изъ злоупотребленій стараго порядка, если можно было для него его воскресить и который всецѣло исчезъ благодаря Учредительному Собранію.

Наконецъ, философское творчество заключается въ «деклараціи правъ человѣка и гражданина», вотированной 2-го октября 1789 года по предложенію конститутской комиссіи [1]) и которая впослѣдствіи послѣ признанія ея королемъ, заняла мѣсто предисловія къ конституціи 1791 г.

---

[1]) Тьэръ и за нимъ большинство историковъ революціи приписываютъ первоначальную мысль объ деклараціи правъ Лафайэту, который самъ будто бы заимствовалъ ее у американцевъ (исторія французской революціи т. I. стр. 134). Это ошибка. Желаніе деклараціи правъ выражено въ очень большомъ числѣ докладныхъ записокъ (см парламентскіе архивы, отдѣлъ докладныхъ записокъ редактированный Ла Тастомъ Vis Droit des Citoyens. Ire serie t. 7. p. 266). Нѣкоторыя изъ иихъ. именно тѣ, которыя были поданы третьимъ сословіемъ города Парижа и особенно тѣ, которыя были поданы округомъ Немура заключаютъ въ себѣ проекты деклараціи, весьма мало отличающейся по своей редакціи отъ той, которая была окончательно принята. (См. т. 4, стр. 161 и т. 5, стр. 281). Правда, что Лафайэтъ былъ первый, который 11 іюля 1789 г. предложилъ нѣсколько различныхъ проектовъ редакцій, которые всѣ были последовательно переработаны въ Учредительномъ Собраніи (см. т. 8, стр. 221), но онъ это сдѣлалъ. какъ и самъ о томъ категорически заявляетъ, лишь во исполненіе того плана конституціи, которая была представлена три дня до этого Мунье, во время засѣданія 9-го іюля на имя конституціонной комиссіи. Мунье предлагалъ, чтобы «декларація правъ которыми человѣкъ долженъ пользоваться во всякомъ обществѣ» была поставлена во главѣ конституціи, въ качествѣ предисловія, «дабы обезпечить незыблемость правъ человѣка, раньше чѣмъ будутъ установлены права общества». (См. архивы т. 8, стр. 214 и 216).

Въ отношеніи современныхъ конституцій, содержащихъ подобныя же деклараціи, см. Daraste Les constitutions modernes t. 2, p. 435 et table Vis Droits generaux des citoyens.

84. Этотъ достопамятный актъ имѣлъ съ тѣхъ поръ нѣсколько подражаній; но самъ онъ въ 1789 году не имѣлъ себѣ прецедентовъ, по крайней мѣрѣ, такихъ, которые могли бы ему служить прообразами. Его часто сравнивали съ тѣми тремя актами, которые послужили основой конституціоннаго режима въ Англіи: съ Великой Хартіей XIII вѣка, которую знать заставила подписать короля Іоанна, съ февральскимъ Биллемъ правъ 1689 года, въ которомъ ознаменовались побѣды революціи 1688 года и наконецъ съ учредительнымъ актомъ 12 іюня 1701 года, вотированнымъ въ царствованіе Вильгельма III, «for better securing the Rights and Liberties of the Subjects» «для вящаго обезпеченія правъ и свободъ подданныхъ»; неоднократно также сравнивали ее съ дополнительными статьями и «продолженіями», изданными вслѣдъ за конституціей Соединенныхъ Штатовъ 17 сентября 1787 г., и которыя американскіе комментаторы обыкновенно группируютъ подъ названіемъ «Декларацій Правъ».

Аналогія съ тремя англійскими актами отъ 1205, 1689 и 1701 годовъ только кажущаяся; она имѣется въ словахъ, но не въ существѣ. Дѣйствительно, эти акты имѣютъ исключительно политическій характеръ; права, которыя они освящаютъ не принадлежатъ отдѣльнымъ лицамъ, но всей странѣ: это историческія и традиціонныя права націи, или точнѣе учрежденія ихъ выражающія, непризнанныя королями Іоанномъ и Яковомъ II-мъ и возстановленныя противъ нихъ въ качествѣ политической гарантіи. Поэтому Билль правъ былъ включенъ въ декларацію, которой Вильгельмъ III и Марія Оранская приглашались на тронъ, въ качествѣ условія ихъ вступленія: поэтому также учредительный актъ былъ включенъ въ декларацію, вручавшую тронъ Гоноверскому Дому. Англійская монархія никогда не являлась носительницею божественнаго права, она покоилась на идеѣ договора; уваженіе къ правамъ націи является такимъ образомъ условіемъ договора заключеннаго между страною, представленной парламентомъ и тѣмъ главою, котораго она сама себѣ избрала. Въ случаѣ не соблюденія договоръ нарушенъ; высшая гарантія общественной свободы, освѣщенная традиціей и тремя актами, поставлена, превыше клятвы короля, въ правѣ сопротивленія, каковое является конституціонной формой права возстанія. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего, за исключеніемъ нѣкоторой аналогіи въ словахъ, что походило бы на «Декларацію правъ человѣка».

85. Аналогія съ «Декларацiями» Соединенныхъ Штатовъ болѣе близка и тѣсна. Правда, ея съ «Продолженіями», представляющими поправки къ конституціи 1787 года такъ какъ, одинаково съ тремя англійскими актами, они также носятъ исключительно политическій и конституціонный характеръ. Прибавленныя впослѣдствіи въ формѣ приложеній къ Федеральной конституціи, они представляютъ выговоренныя условія присоединенія штатовъ

къ союзу, условія соглашенія на федеральный договоръ: объектомъ ихъ составляетъ ограниченіе относительныхъ преимуществъ федеральной власти и союзнаго законодательства Штатовъ. Такимъ образомъ характеръ ихъ очень спеціальный, въ нѣкоторомъ родѣ мѣстный: права, которыя они ограждаютъ не относятся въ прямомъ смыслѣ ни къ отдѣльнымъ лицамъ, ни къ цѣлой націи, это права отдѣльныхъ штатовъ, автономія которыхъ обезпечивается по отношенію къ конгрессу. Но сходство становится полнымъ при сравненіи съ «Декларацiей Независимости», вотированной въ іюлѣ 1776 г. конгрессомъ Филадельфіи: въ особенности сходство велико съ «Декларацiями Правъ», включенныхъ въ конституціи отдѣльныхъ Штатовъ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ изъ нихъ. Въ этомъ случаѣ тутъ уже не простая аналогія, а полное тождество; освященныя ими права, суть именно права отдѣльныхъ лицъ: одинаковыя идеи, одинаковая формулировка, временами совершенно тѣ же выраженія, которыя встрѣчаются во французской деклараціи.

Не любопытно-ли это, что англосаксонскій геній, столь гордящійся своимъ практическимъ здравымъ смысломъ и французскій геній, которому часто ставятъ въ упрекъ излишнюю склонность къ отвлеченію такъ встрѣтились въ одинаковомъ представленіи объ основаніи гражданскаго общества въ своемъ стремленіи къ абсолютному, къ естественному праву, къ идеалу?

86. Дѣйствительно, такимъ является преобладающій характеръ деклараціи 1791 года. Она не только имѣла объектомъ возстановленіе и укрѣпленіе гарантій націи противъ злоупотребленія власти; мысль ея поднимается въ болѣе высокія сферы: она утверждаетъ философскій тезисъ, который направляетъ и освѣщаетъ всѣ установленія, а именно, утверждаетъ существованіе свободной воли по существу. Она провозглашаетъ, что человѣкъ, съ отвлеченной и міровой точки зрѣнія, въ качествѣ таковаго, обладаетъ прерогативами, которыя предшествуютъ всякимъ человѣческимъ соглашеніямъ и законамъ и которыя выше ихъ; этимъ принципъ права устанавливается въ самомъ человѣкѣ: декларація воздвигаетъ эти прерогативы въ истинныя права, поставленныя превыше всякой власти: это равносильно установленію основанія верховной власти въ самой личности и, черезъ нее, въ націи; наконецъ, она признаетъ въ этихъ правахъ конечную цѣль всякихъ политическихъ установленій: этимъ понятіе права лица воздвигается въ принципъ общаго права.

Въ теченіи вѣковъ, тріединый вопросъ о принципѣ права, основаніи верховной власти и цѣли гражданскихъ обществъ волновалъ мысль и исторію. Національное собраніе разрѣшаетъ его своимъ авторитетнымъ словомъ. Монархія, на перекоръ совершившейся работы мысли, и къ которой на собственное несчастіе она оставалась глухой, продолжала поглощать человѣка во всей его полнотѣ, дѣлая изъ него подданнаго, также какъ античное госу-

дарство дѣлало изъ него гражданина, или теократія правовѣрнаго; декларація окончательно противополагаетъ человѣка подданному и утверждаетъ уваженіе къ тѣмъ правамъ человѣка, которыми онъ обладаетъ по самой природѣ своей. Это та самая идея, которая была брошена міру христіанствомъ восемьнадцать вѣковъ до этого; это идея Бодэна, Гроція, Монтескье и Локка; историческое прошлое раскрываетъ съ поразительной ясностью глубину ея смысла и степень проникновенія въ сознаніе.

87. Нѣсколько лѣтъ спустя, Кантъ приходитъ къ тѣмъ же заключеніямъ, хотя, правда, иначе выведеннымъ и включеннымъ въ цѣлую систему міропониманія, но совершенно тождественнымъ по существу. Метафизика права появилась въ 1796 году. Если освободить идею отъ искусственной формулировки, присущей Кенигсбергскому философу и отъ исключительно ему свойственнаго языка, она сведется къ представленію о самоцѣльности человѣка, къ принципу автономіи воли. «Человѣкъ», говоритъ Кантъ, «существуетъ, какъ носящій самъ въ себѣ цѣль, а не только какъ средство для произвольнаго пользованія той или другой волѣ», слѣдовательно, онъ обладаетъ самостоятельной цѣнностью, онъ хозяинъ своей мысли и своихъ поступковъ, разъ онъ можетъ самопроизвольно создать самъ себѣ свое направленіе; отсюда слѣдуетъ, что онъ имѣетъ право на уваженіе того способа употребленія своей свободной воли, который онъ избралъ». Но принципъ права въ деклараціи нисколько отъ этого не отличается; это составляетъ все, что есть абсолютнаго въ его ученіи, все остальное носитъ печать случайности и относится къ безконечно подвижной области политики. «Эта теорія человѣка, признаваемаго за цѣль собственнаго существа», говоритъ по этому поводу Жанс, «т. е. имѣющаго абсолютную цѣнность, является одной изъ самыхъ великихъ идей кантовскаго ученія о нравственности. Можно пожалѣть, что она намѣренно выставлена только въ «Основахъ Метафизики нравственности», что она едва появляется еще разъ въ «Критикѣ практическаго разума» и что нѣтъ ни малѣйшаго намека на нее въ Ученіи о Правѣ. Между тѣмъ именно въ этомъ заключается истинный принципъ права; въ этомъ принципѣ лежитъ оправданіе и весь внутренній смыслъ всей философіи XVIII вѣка.

Для многихъ Декларація была лишь простымъ явленіемъ, выраженіемъ борьбы, предпринятой между дворомъ и націей; «она будетъ лишь календарной прописью одного года», говорилъ Мирабо. Для тѣхъ кто больше углубляется во внутреннюю связь событій, ея важность и значеніе совсѣмъ иныя: она является формулой издавна предвидѣнной, изъ глубины временъ, совершавшейся эволюціи, развязкой драмы разыгравшейся съ XVI вѣка. Она была ничѣмъ другимъ, какъ революціей; по правдѣ сказать, она выражаетъ собою всю совокупность Революціи: рычагъ, на которомъ

покоилась вся организація общества, ею переставленъ на новое мѣсто.

88. Никто въ этомъ отношеніи не могъ ошибаться и не ошибался. Въ рапортѣ содержащемъ сводъ докладныхъ записокъ по вопросу о Конституціи, представленномъ въ засѣданіе 27 іюля 1789 года, Станиславъ де Клермонъ-Тоннеръ подтверждаетъ это самымъ категорическимъ образомъ. «Наши довѣрители», говорится въ рапортѣ, «всѣ согласны по одному пункту: они желаютъ перерожденія Государства. Но одни ждали его въ простомъ устраненіи злоупотребленій и пересозданіи Государственнаго устройства, существовавшаго въ теченіи четырнадцати вѣковъ, и которое по ихъ мнѣнію могло бы еще ожидать, если исправить въ немъ всѣ искаженія, которыя ему нанесли время и многочисленныя противуположенія личнаго интереса интересу общественному, другіе считали, существующій общественный строй настолько попорченнымъ, что требовали новой Конституціи и дали намъ всѣ необходимыя полномочія для созданія и обоснованія его на твердыхъ принципахъ и на правильномъ раздѣленіи властей для вящаго благоденствія французской Имперіи». Разсматривая затѣмъ въ чемъ оба направленія различаются и въ чемъ выражена разница, предлагаемыхъ ими проэктовъ, докладъ сводитъ ихъ къ одному общему положенію: «Тѣ которые желали новой Конституціи», говоритъ онъ, «полагали, что первая глава Конституціи должна была бы содержать декларацію правъ человѣка, тѣхъ неписанныхъ правъ, ради обезпеченія которыхъ установилось общество», и затѣмъ дальше слѣдуетъ: «Просьба объ этой деклараціи правъ человѣка, столь часто не признаваемыхъ, составляетъ, такъ сказать, единственное различіе между докладными записками, въ которыхъ выражено желаніе новой Конституціи и тѣми докладными записками, которыя выражали желаніе о реформѣ наличнаго строя, который они разсматривали въ качествѣ существующей Конституціи.

Слѣдовательно, несомнѣнно, что съ этого времени начинается новый порядокъ, основанный на новой идеѣ. Чтобы въ этомъ окончательно убѣдиться пусть на самомъ дѣлѣ прочтутъ послѣдовательно представленные многочисленные проэкты: проэктъ Лафайэта, Мунье, Тарже, Туре, Буаландри даже проэктъ Сервана, хотя этотъ послѣдній, въ противуположность остальнымъ, которые были воодушевлены идеями Монтескье, былъ исключительно обоснованъ на общественномъ договорѣ; пусть въ особенности обратятъ вниманіе на проэктъ Сіэса и на ту удивительно изложенную мотивировку, которая ему предшествуетъ, это глава достойная пера Монтескье, именно, та глава, которая недостаетъ его «Духу Законовъ», блестящая философская система идеи права лица, снабженная высшими и убѣдительнѣйшими доказательствами законности этого права и того воздѣйствія, которое оно должно имѣть на положительное право; наконецъ, послѣ прочтенія всѣхъ проэктовъ

пусть прочтутъ тѣ дебаты, которыя предшествовали голосованію. Даже тѣ, которые, подобно Малуэ, оспаривали пользу категорически выраженной деклараціи, провозглашали желательность «чтобы права человѣка и гражданина были непрестанно въ виду у всѣхъ, такъ какъ они составляютъ путеводную звѣзду и должны быть конечной цѣлью законодателя».

89. Разногласія относились лишь къ вопросу о методѣ. Противники Деклараціи приводили противъ нея лишь одно возраженіе: они опасались, чтобы своимъ распространеніемъ иллюзіи о правахъ, безъ указанія ихъ границъ, она не ввела бы въ заблужденіе неразумныхъ и не стала бы для буйныхъ предлогомъ къ стремленію къ праву на мятежъ. «Обратите серьезное вниманіе», говорилъ осторожный Малуэ, «что не существуетъ ни одного изъ естественныхъ правъ, которое не было бы существенно видоизмѣнено положительнымъ правомъ. Но если вы выставите принципы и соотвѣствующія исключенія, то только тогда получится законъ: но какой смыслъ въ томъ, что, не указавъ ни на какія ограниченія, вы раскроете людямъ во всей полнотѣ такія права, которыми они могутъ пользоваться, лишь въ справедливыхъ границахъ? Зачѣмъ начинать съ возведенія ихъ на высокую гору и съ указанія имъ безграничнаго Царства, разъ имъ надлежитъ снова спуститься и сталкиваться на каждомъ шагу съ ограниченіями»?

Возраженіе это не содержитъ въ себѣ ничего серьезнаго. Нужно ли повторить старое и избитое со временъ схоластики различіе между тезисомъ и гипотезою. Тезисъ,—это принципъ во всей своей полнотѣ на которомъ обосновано какое нибудь ученіе: это абсолютная истина или благо само въ себѣ; гипотеза,—эта уступка, требуемая началами природы, предполагаемая либо въ области разсужденій, либо въ области практическаго поведенія: это относительная истина или наименьшее зло. Если право, въ качествѣ тезиса, совпадаетъ съ идеальной свободой, т. е. безграничной, то положительное право, являясь въ качествѣ его гипотезы практическимъ его примѣненіемъ, допускаетъ лишь ограниченную свободу и ограниченную двояко: уваженіемъ должнымъ праву ближняго и общественнымъ потребностямъ, признаннымъ закономъ. Это не только есть мысль, добытая опытомъ, но и разумомъ. Разъ всѣ люди обладаютъ равнымъ правомъ, вытекающимъ изъ одного и того же источника, то тотъ кто посягаетъ на право другихъ, тѣмъ самымъ нарушаетъ границы своего собственнаго права: слѣдовательно, гражданская свобода останавливается тамъ, гдѣ она встрѣчается съ свободою другихъ. Такъ какъ человѣкъ носитъ конечную цѣль своего существованія въ самомъ себѣ, то онъ обладаетъ существованіемъ во всей его полнотѣ; но общественная нравственность говоритъ ему: «Поступай въ своихъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ такъ, чтобы пользованіе твоею свободой могло быть согласовано съ свободою другихъ, согласно общему закону

свободы»; человѣкъ есть субъектъ права и право есть «всеобщее и взаимное принужденіе, посредствомъ котораго свобода каждаго можетъ быть согласованной съ свободой другихъ на основаніи общаго принципа свободы». Принужденіе, употребленное для обезпеченія взаимности при столкновеніи правъ, само согласно съ свободой: слѣдовательно оно справедливо.

Если таковы принципы, то нужно ли было воздерживаться отъ ихъ провозглашенія въ угоду дуракамъ и наглымъ буянамъ? «Злоупотребленія понятіемъ права, которыя совершаютъ революціонныя секты», говоритъ весьма основательно Жане, «не вытекаютъ сами по себѣ изъ этого понятія, но изъ забвенія этими сектами начала взаимности».

90. Слѣдовательно, важно ли то, что этотъ актъ по своей формѣ ниже своего содержанія, что онъ страдаетъ недостатками и въ общей своей совокупности, что слогъ его болѣе чѣмъ въ одномъ мѣстѣ высокопаренъ и напыщенъ, а временами, если угодно, даже ребяческій? Его статьи не важны сами по себѣ, т. е. въ качествѣ точно установленныхъ практическихъ положеній: его значеніе лежитъ совсѣмъ въ другомъ, оно происходитъ отъ того дѣйствія, которое онъ имѣетъ на сознаніе: онъ представляетъ собою побѣду идеи и это та самая причина, вслѣдствіе которой, не взирая на свои доказанныя недостатки, какъ по существу, такъ и по формѣ, онъ стяжалъ себѣ достопамятное мѣсто въ исторіи. Актъ этотъ отошелъ въ прошлое, но идея его остается незыблемой, и идея эта резюмируется въ томъ, что называютъ принципами 89 года.

Можно даже по справедливости ему поставить въ упрекъ не одну только бѣдность его содержанія: такъ какъ онъ несомнѣнно страдаетъ тѣмъ важнымъ недостаткомъ, что онъ находится въ противорѣчіи съ той самой идеей, которая служитъ ему источникомъ. Дѣйствительно, философская доктрина можетъ быть только результатомъ свободнаго обсужденія: истину нельзя предписывать указомъ, ее можно доказывать или проповѣдывать: Государство нарушаетъ свободную эволюцію, изъ которой вытекаетъ весь прогрессъ и злоупотребляетъ своей властью, разъ оно вторгается силою своего авторитета въ область сознанія. Это несомнѣнно: этому учитъ разумъ и это же подтверждаетъ опытъ; и, по справедливости, ничего нельзя возразить Малуэ и Деландину противъ ихъ словъ: «Мы не пришли сюда съ цѣлью устанавливать принципы, которые должны всѣмъ быть извѣстны, но лишь для провозглашенія выводовъ изъ нихъ... Будемъ же беречь ихъ для насъ самихъ, занятыхъ законодательной работой и дадимъ народу лишь ихъ выводы, т. е. самые законы..: поспѣшимъ-те же возстановить народу его права и обезпечимте ему пользованіе ими болѣе твердое чѣмъ наши разсужденія». Все это несомнѣнно точно и безусловно правильно съ точки зрѣнія чистыхъ принциповъ. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Со времени паденія Тюрго революція уже

началась. Окончательная неудача протестовъ противъ злоупотребленій власти стараго режима была доказана. и поэтому ничего также нельзя возразить противъ слѣдующихъ сужденій Матію де Монмаранси, Барнава и Графа де Ентрэга: Для возведенія зданія, необходимо установить основаніе: нельзя приступать къ выводамъ не установивши принциповъ; раньше чѣмъ выбрать средства и открыть себѣ путь необходимо выяснить себѣ цѣль. Необходимость Декларацiи правъ доказывается съ очевидностью: эта Декларація практически полезна въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ она устанавливаетъ духъ законодательства, дабы онъ не могъ мѣняться въ будущемъ: во вторыхъ она ведетъ мысль при осуществленіи этого законозательства, такъ какъ всѣ случаи не могутъ быть сначала предвидѣны... Необходимо составить Декларацію правъ, чтобы остановить произволъ деспотизма: и если бы наши предки оставили намъ это великое твореніе мы не были бы заняты надъ выработкой его для нашихъ внуковъ».

91. Къ какому бы лагерю не примкнуть въ этомъ спорѣ, который такъ страстно обсуждался нашими отцами все же Декларація правъ въ области идей есть капитальнѣйшее твореніе Учредительнаго Собранія. Перемѣстивъ точку опоры рычага общественнаго строя съ того мѣста, гдѣ онъ былъ установленъ абсолютной монархіей, она обозначаетъ собою конецъ порядка, основаннаго на произволѣ или силѣ и нарожденіе новаго порядка, основаннаго на идеяхъ свободы и равенства.

Пусть поклонники стараго порядка преслѣдуютъ ее своими проклятіями или насмѣшками [1]): пусть современный Позитивизмъ отрицаетъ ея значеніе [2]): пусть даже разочарованные ученые видятъ въ ней лишь «матафизическое пустословіе» [3]): пусть также государственные люди, склонные слишкомъ часто ставить соображенія расчета и требованія политики выше справедливости, считаютъ ее лишь «общимъ мѣстомъ» [4]). Вопреки мнѣнію непримп-

---

[1]) Сколько разъ приводили они ироническую выходку Жозефа де Местра? «Въ мірѣ не существуетъ людей», говоритъ онъ. «Я видѣлъ въ моей жизни Французовъ, Итальянцевъ, Русскихъ, я даже знаю, благодаря Монтескье, что можно быть Персіаниномъ; но что касается человѣка, то я объявляю, что мнѣ въ моей жизни таковаго не приходилось встрѣчать и если онъ существуетъ, то это во всякомъ случаѣ безъ моего вѣдома». (Разсужденія о Франціи гл. VI). Что такое человѣкъ? Дѣйствительно, странный вопросъ въ устахъ одного изъ убѣжденнѣйшихъ поборниковъ Религіи, освободившей человѣческую совѣсть отъ поглощенія ее античнымъ правомъ. См. также Френцель Revolution стр. 19.

[2]) Курсель - Seneu -il. Вступленіе къ изученію науки права, стр. 212;- infra. Гл. III, § 5.

[3]) Тэнъ—Revoluiion. Т. I, стр. 162, 174 и слѣдующая.

[4]) Такое отношеніе къ ней встрѣчаемъ у Тіера. «Впрочемъ», говоритъ онъ, обсуждая представленные проэкты и тѣ дебаты, которые ими были вызваны, въ этомъ было лишь одно зло, что нѣсколько засѣданій были непроизводительно потеряны на формулировку общаго мѣста изъ области философіи». (Исторія Революціи Т. I, стр. 135). Правда, что знаменитый историкъ имѣетъ лишь весьма смутное представленіе о философскомъ значеніи слова право. «Что такое право»? добавляетъ онъ. «Это то, что присуще людямъ въ качествѣ» долж-

римыхъ, отступниковъ, насмѣшниковъ или политиканствующихъ, идея свободы, разсматриваемая въ качествѣ принципа права, остается, тѣмъ не менѣе, національной и истинно французской традиціей, чистой традиціей 89 года. Тѣ кто ее отвергаютъ, отрицаютъ или забываютъ, незамѣтно для себя уподобляются тѣмъ дѣтямъ о которыхъ говорилъ Ла-Брюеръ, что «они, будучи вскормлены и выхолены хорошимъ молокомъ, принимаются бить своихъ кормилицъ».

Свѣтъ возсіялъ и возсіялъ во всей своей полнотѣ. Въ началѣ инстиктивныя и смутныя идеи мало по малу выяснились; смыслъ словъ употребляемыхъ для ихъ выраженія, отнынѣ освобожденъ отъ всякихъ двусмысленностей.

Право, это автономія человѣческаго лица, это присущая его природѣ способность черпать въ самомъ себѣ направленіе своей мысли и своихъ поступковъ: неприкосновенность лица, свобода въ его многоразличныхъ проявленіяхъ, наконецъ, это—собственность, которая есть лишь вѣнецъ свободы лица.

Справедливость это уваженіе правъ для всѣхъ равныхъ; требованія ея одинаково обязательны какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для Государства и для закона; каковъ бы ни былъ интересъ личный или общественный онъ не можетъ искать своего удовлетворенія внѣ ея. Гроцій первый далъ ея формулу и вывелъ, вытекающія изъ нея, слѣдствія; современная философія ничего новаго въ этомъ отношеніи не прибавила: «Уваженіе правъ другого лица называется справедливостью», говоритъ Кузенъ; «всякое нарушеніе права есть несправедливость».

Государство, это собирательная сила, охраняющая свободу развитія способностей каждаго и стоящая на стражѣ того, чтобы никто не присваивалъ бы себѣ права другого лица. Въ античномъ обществѣ его признавали могущимъ и долженствующимъ все сдѣлать для блага людей: оно должно было заботиться даже о душахъ; въ современномъ обществѣ этотъ взглядъ окончательно опровергнутъ: лицо въ качествѣ таковаго ни откуда ничего не должно ожидать кромѣ какъ отъ собственныхъ усилій. Фредерикъ Бастія, въ одномъ изъ наиболѣе блестящихъ своихъ памфлетовъ, удивительно резюмируетъ основную идею Деклараціи: «Право общества», говоритъ онъ, имѣетъ свой принципъ, разумность своего существованія и свою законность въ правѣ лица: общественная сила не можетъ имѣть иной разумной цѣли и иной миссіи кромѣ тѣхъ, которыя составляютъ таковыя для отдѣльныхъ силъ, мѣсто которыхъ она заняла... И такъ какъ каждое отдѣльное лицо имѣетъ

наго. Но, все благо, которое можетъ имъ быть оказано, должно имъ быть оказано; слѣдовательно, всякая разумная правительственная мѣра есть право». Если таковымъ былъ бы смыслъ этого слова, то Декларація не была бы общимъ мѣстомъ она просто была бы безсмыслицею и одной изъ самыхъ «опасныхъ безсмыслицъ».

право прибѣгать къ силѣ только въ случаяхъ законной защиты, то и общественная сила, являющаяся лишь собраніемъ силъ отдѣльныхъ лицъ, не можетъ имѣть никакого другого разумнаго примѣненія, какъ только для этой цѣли».

Наконецъ, законъ, это то, находящееся въ рукахъ государства, оружіе, которымъ онъ устраиваетъ общественный порядокъ. Бастія прибавляетъ: «Онъ исключительно есть установленіе права лица, предсуществующаго законной защитѣ»; содержаніе его составляетъ осуществленіе согласованія и равновѣсія свободъ: онъ есть «справедливая граница, требуемая при внѣшнемъ проявленіи человѣческой свободы въ силу сосуществованія людей».

92. Въ чемъ же заключается эта справедливая граница и гдѣ точное мѣсто ея нахожденія? Этотъ вопросъ больше уже не касается принциповъ; онъ зависитъ отъ искусства составленія законовъ и слѣдовательно, обреченъ быть предметомъ вѣчныхъ споровъ.

Единственный общій выводъ, вытекающій изъ теоріи, слѣдующій: разъ только право каждаго лица ограничено соотвѣтствующей обязанностью уважать такое же право другихъ лицъ, то границу свободы составляетъ та черта, за которой начался-бы захватъ свободы другого лица. Единственной истинной гарантіей къ исполненію этого можетъ быть указана слѣдующая: разъ источникъ верховной власти лежитъ въ націи, то эта граница не можетъ быть установлена никѣмъ другимъ, кромѣ какъ закономъ, который, будучи выраженіемъ общественной мысли есть единственный цѣнитель степени тѣхъ жертвъ, которыхъ требуетъ общественная польза. Статья вторая деклараціи выражаетъ совокупность этихъ идей весьма точно: «Свобода состоитъ въ правѣ дѣлать все, что не вредитъ другимъ. Такимъ образомъ пользованіе естественными правами каждаго человѣка имѣетъ границы лишь въ необходимомъ обезпеченіи другимъ членамъ общества пользованія тѣми же самыми правами. Границы эти могутъ быть установлены только закономъ».

Нѣтъ возможности дать никакого другого болѣе точнаго опредѣленія. Внѣ этихъ границъ, начинается мѣсто оцѣнки людей; это задача политики, которая есть опытное искусство, но не спекулятивная наука: область ея составляетъ болѣе или менѣе тщательное изслѣдованіе происходящихъ эволюцій въ соображеніи и съ, могущими возникнуть, опасностями и съ, въ нѣкоторомъ родѣ, случайностями.

93. Вслѣдствіе этого, вкоренившаяся въ нравахъ справедливость, сила общественнаго мнѣнія и умѣренность законодателя составляютъ въ практической жизни тѣ необходимыя условія свободы, безъ которыхъ она но могла бы существовать. Сколь бы эта точка зрѣнія не казалась заурядной, но это тѣмъ не менѣе не умаляетъ ея значенія; счастливо то общество, въ которомъ аксіомы здраваго смысла внѣдрились въ глубину общественнаго сознанія.

Всякій законъ самъ по себѣ представляетъ зло; такъ какъ онъ не можетъ имѣть иного объекта, кромѣ установленія порядка пользованія правами, а установленіе порядка пользованія какимъ нибудь правомъ неизбѣжно ведетъ къ его ограниченію. Но, съ другой стороны, всякій законъ обезпечивающій право, охраняющій его отъ нарушенія, предотвращающій, грозящія ему опасности, представляетъ изъ себя благо, такъ какъ онъ этимъ отвѣчаетъ своему справедливому назначенію. Такимъ образомъ если законъ зло, то онъ зло необходимое. Сказать про какой-нибудь законъ. что онъ противенъ свободѣ, не значитъ еще возбуждать противъ него особенной непріязни,—это просто равносильно утвержденію, что это законъ; утвержденіе, что онъ плохъ, только по этой причинѣ, не болѣе какъ софизмъ, это равносильно смѣшенію гражданской свободы съ независимостью, которая фактически ей прямо противуположна. Лучшіе, даже самые великіе умы, временами впадали въ это заблужденіе. Адамъ Смитъ, говоря о двухъ законахъ, которыхъ онъ не одобрялъ, высказалъ: «Эти два закона суть нарушеніе гражданской свободы, слѣдовательно они плохи». Бентамъ весьма справедливо замѣчаетъ по этому поводу: по этимъ соображеніямъ слѣдовало бы уничтожить всѣ законы. Достоинство закона должно быть взвѣшиваемо и оцѣниваемо другимъ образомъ: мѣриломъ его должна служить степень его способствованія, примѣнительно къ даннымъ обстоятельствамъ, торжеству уваженія къ какому нибудь праву.

Тамъ, гдѣ нравы сами по себѣ проникнуты уваженіемъ къ праву ближняго, гдѣ вліянія общественнаго мнѣнія достаточно для направленія склонностей въ русло, устанавливаемое закономъ, и для удержанія людей отъ правонарушеній, гдѣ слѣдовательно справедливость существуетъ самопроизвольно, тамъ общественное принужденіе можетъ быть доведено до своего миниммума: законъ тамъ простъ и свобода велика; тамъ же гдѣ царствуетъ духъ мятежа и нетерпимости, гдѣ движеніе общественной жизни идетъ не естественнымъ порядкомъ, тамъ общественное принужденіе въ силу необходимости пускаетъ болѣе глубокіе корни: законъ становится сложнѣе и свобода уменьшается. Руссо разсказываетъ, что въ его время можно было прочесть на фронтонѣ тюрьмы въ Генуѣ и на кандалахъ каторжниковъ слово «libertas»; и онъ прибавляетъ: «Примѣненіе этого девиза умѣстно и справедливо; дѣйствительно, только одни преступники во всѣхъ государствахъ мѣшаютъ гражданамъ быть свободными. Въ странѣ гдѣ всѣ эти люди были бы въ ссылкѣ, всѣ пользовались бы совершеннѣйшей свободой». Правдивыя слова достойныя законодателя. Ла Брюэръ говоритъ въ качествѣ глубокаго моралиста, хотя и въ шуточной формѣ: «Законодатели.... какое наступило бы для васъ крушеніе, если бы мы всѣ могли другъ другу дать слово стать разумными».

Свобода это порядокъ здоровыхъ обществъ: деспотизмъ есть роковой удѣлъ, вырождающихся обществъ. Именно вслѣдствіе этого историческаго закона распущенность всегда приводитъ къ цезаризму; во всѣ времена мудрые становились жертвами недомыслія безумцевъ.

§ 2. Общественный договоръ.

94. Представители двухъ направленій одновременно выступили на сцену въ 1789 году; одно изъ нихъ, воспитанное на «Духѣ Законовъ», образовало большинство въ Учредительномъ Собраніи, другое, воспитанное на «Общественномъ Договорѣ», получило преобладаніе въ законодательномъ собраніи и окончательное господство въ Конвентѣ.

Оба выросшія на общественномъ сознаніи необходимости реформъ въ государствѣ, они различались во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ: въ своемъ ученіи, въ своихъ стремленіяхъ и даже по своему темпераменту. Монтескье былъ свѣтомъ и разумомъ революціи; Ж. Ж. Руссо былъ ея страстью и пламенемъ, а вмѣстѣ съ этимъ и злымъ ея геніемъ. Съ того дня какъ «Общественный Договоръ» получилъ перевѣсъ въ своемъ вліяніи надъ «Духомъ Законовъ» онъ посѣялъ смуту въ идеяхъ и въ политикѣ; въ идеяхъ—тѣмъ, что онъ снова выдвинулъ ретроградный принципъ преобладанія общественнаго права или, иначе говоря, принципъ поглощенія личности государствомъ; въ политикѣ—тѣмъ, что онъ склонилъ революцію въ сторону абсолютной демократіи, предоставивъ ее тѣмъ самымъ во власть анархическимъ инстинктамъ, которые бродятъ во всякомъ обществѣ испытывающемъ кризисъ, и наконецъ предоставилъ ее во власть горсти мечтателей и бѣшеныхъ фанатиковъ.

95. Руссо былъ какъ бы судьбою предназначенъ къ тому злополучному апостольскому служенію, которое онъ выполнилъ. Будучи обидчивымъ отъ рожденія, благодаря тѣмъ испытаніямъ, которыя ему пришлось перенести въ своей жизни, онъ превратился въ мизантропа. Судя о существующемъ обществѣ, лишь по тѣмъ несправедливостямъ, которыя онъ можетъ ему поставить въ упрекъ за себя лично, онъ видитъ въ немъ только одни злоупотребленія и распутство; онъ не видитъ ничего въ немъ достойнаго сохраненія. Война цивилизаціи во всѣхъ возможныхъ формахъ становится какъ бы его призваніемъ; онъ нападаетъ на науки и искусства во имя нравственности, на воспитаніе во имя природы, на собственность и общественную іерархію во имя равенства. Всѣ его стремленія направлены въ сторону прошедшаго, къ обществамъ уже исчезнувшимъ. Въ цѣляхъ отысканія золотого вѣка, онъ углубляется въ тѣ времена, когда человѣкъ еще не былъ развращенъ цивилизаціей, когда еще не были выдуманы «проклятыя слова мой и твой», когда люди жили въ естественномъ состояніи;

для отысканія политическаго идеала, онъ возвращается къ античному государству и восторгается мечтами Платона.

Когда способность критическаго мышленія развивается до такихъ предѣловъ, что поглащаетъ собою всѣ остальныя способности человѣка, то онъ быстро впадаетъ въ утопическія мечтанія; такъ какъ неустанно вызываемая болѣзненная возбужденность парализуетъ здравый смыслъ. Если бы Руссо ограничился бы тѣмъ, что считалъ бы все плохимъ, онъ былъ бы только простой мизантропъ; но на ряду съ склонностью къ огульному осужденію всей вселенной, онъ соединяетъ въ себѣ безграничную вѣру въ совершенствованіе человѣка. На мѣсто существующаго и имъ осужденнаго онъ знаетъ, что слѣдуетъ поставить, но останавливается не на лучшемъ, а на совершенномъ. Въ этомъ смыслѣ чувство дѣйствительности у него ускользаетъ и онъ впадаетъ въ химеру. Никогда еще сердце человѣка не казалось и не было въ дѣйствительности столь глубоко подавлено судьбою несчастныхъ; никто не испытывалъ сильнѣе его жажды справедливости и не вѣрилъ такъ пламенно въ абсолютное благо и въ возможность его осуществленія. Въ этомъ его величіе и въ этомъ же корень его заблужденій: «Вслѣдствіе устремленія его взора прямо на солнце, его зрѣніе было болѣе чѣмъ разъ поражено ослѣпленіемъ». У него было чувство добра и справедливости, возникавшее въ немъ, при случайныхъ полетахъ мысли, но онъ не былъ знакомъ съ ихъ теоріей, которая усваивается только какъ плодъ размышленій; этимъ все въ немъ объясняется, его жизнь, его поступки, его идеи, все это было тревожно и мучительно, неуровновѣшенно и противорѣчиво.

96. Нигдѣ не выступаетъ съ такой яркостью противорѣчіе между цѣлями и предлагаемой системой для ихъ достиженія, какъ въ общественномъ договорѣ. Во имя идеала свободы Руссо выковываетъ самое совершеннѣйшее изъ орудій угнетенія, которое когда-либо было извѣстно.

По вопросу о существованіи естественныхъ правъ человѣка онъ не уклоняется отъ общихъ ученій XVIII вѣка; источникъ ихъ онъ видитъ въ свободѣ воли, онъ утверждаетъ ихъ предсуществованіе гражданскому обществу и ихъ неотчуждаемость. «Отказъ отъ своей свободы» говоритъ онъ, равносиленъ отказу отъ своего человѣческаго достоинства, отъ правъ на свободу, даже отъ своего долга. Не можетъ быть никакого возмездія по отношенію къ тому, кто отъ всего отказался. Такое самоотреченіе несовмѣстимо съ природою человѣка; отрицаніе полной свободы его воли, равносильно упраздненію всякой нравственности въ его поступкахъ».

По вопросу о цѣляхъ гражданскаго общества, въ одномъ отношеніи, его ученіе вполнѣ согласно съ существовавшими въ его время, наиболѣе распространенными ученіями, за то, въ другихъ отношеніяхъ оно сильно отъ нихъ разнится. Хотя взаимная гаран-

тія правъ лицъ и составляетъ цѣль политическихъ установленій, но во всякомъ случаѣ это не единственная цѣль; даже, очень можетъ быть, она составляетъ второстепенную цѣль, просто первоначальную. «Если по человѣчески взглянуть на вещи, за невозможностью освѣтить ихъ съ естественной точки зрѣнія, то законы справедливости окажутся тщетными между людьми, они только способствуютъ благоденствію злодѣя и несчастію праведника, такъ, какъ этотъ послѣдній соблюдаетъ ихъ по отношенію ко всѣмъ, безъ того, чтобы кто нибудь соблюдалъ ихъ по отношенію къ нему. Слѣдовательно, необходимы такія учрежденія и законы, которые могли бы согласовать права съ обязанностями и привели къ торжеству справедливости». Цѣль гражданскаго общества состоитъ, такимъ образомъ, въ томъ, «чтобы отыскать такую форму общенія, которая защитила бы и оградила всей совокупностью общественной силы лицо и имущество каждаго члена общенія, и, посредствомъ которой, каждый, возсоединяясь со всѣми, повиновался бы, тѣмъ не менѣе, только самому себѣ и оставался бы такимъ же свободнымъ какъ и раньше». До сихъ поръ, за исключеніемъ формы, это повтореніе положеній Локка и Монтескье. Но въ этой идеѣ Руссо пристегиваетъ вторую, являющуюся ничѣмъ инымъ, какъ идеей Платона и всего античнаго міра; общество, кромѣ выполненія функціи отрицательной силы, охраняющей свободу развитія лица, должно имѣть конечною цѣлью счастье человѣка и осуществленіе его стремленій. «Въ чемъ заключается», спрашиваетъ онъ, «цѣль политическаго общенія?» И онъ же отвѣчаетъ: «Это сохраненіе и благоденствіе своихъ членовъ». Впослѣдствіи конституція 24 іюня 1793 года, дочь Общественнаго Договора, точное и полное воплощеніе его ученія, совершенно видоизмѣняетъ формулу 1789 и 1791 годовъ. Правда, въ ней содержится, что «правительство устанавливается въ цѣляхъ обезпеченія человѣку пользованія своими естественными и неписанными правами», но за то, кромѣ этого и впереди этого, написано, что «Цѣль общества есть общее благо». Роковая формула. Она не только противорѣчитъ всей традиціи либеральной школы, она кромѣ того въ высшей степени опасна. Дѣйствительно, если установить въ качествѣ принципа, что цѣлью общества есть общее благо, то отсюда одинъ шагъ къ умозаключенію, что всякій принадлежащій къ обществу имѣетъ право требовать, чтобы его пріобщили къ пользованію этимъ благомъ. Это тотъ же самый принципъ какъ и у соціализма, это современная форма права общества и, вмѣстѣ съ этимъ, наиболѣе ретроградная изъ формулъ.

97. Въ чемъ мысль Руссо является дѣйствительно оригинальной и отличной отъ всѣхъ другихъ, это въ вопросѣ о верховной власти. Вслѣдъ за писателями полемизировавшими по этому поводу въ XVI вѣкѣ, согласно съ Гоббезомъ и Локкомъ, онъ устанавливаетъ ее не въ самой власти, которая обладала бы ею по

собственному праву, но въ самомъ обществѣ, «въ отдѣльныхъ его членахъ изъ котораго оно состоитъ», другими словами, въ самомъ народѣ. Люди рождаются независимы и свободны: это естественное состоянiе; политическая власть возникаетъ при переходѣ къ общественному строю изъ свободнаго соглашенiя—общественнаго договора; но она принадлежитъ лишь тѣмъ, которые уполномочиваются управлять установленiями общества: слѣдовательно верховная власть пребываетъ въ самомъ народѣ.

Суаресъ и Гоббезъ, разсматривая эту верховную власть, какъ отчуждаемую по своему существу и въ качествѣ фактически отчужденной установленiемъ гражданскаго общества, выводили отсюда всемогущество политической власти, т. е. государства. Готманъ, Лангетъ и Локкъ, считая ее, напротивъ того, не отчуждаемой по существу, признавали за государствомъ лишь ограниченную миссiю, и именно ограниченную цѣлью гражданскаго общества, которая заключается въ защитѣ человѣка и его правъ. Руссо въ этомъ спорѣ становится въ особое положенiе. Онъ объявляетъ верховную власть неотчуждаемой, такъ какъ она есть ничто иное «какъ распоряженiе общей волей», и «хотя власть можетъ быть передана, но воля нѣтъ»; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ допускаетъ, что общественный договоръ требуетъ и ведетъ за собою «полное отчужденiе всѣхъ правъ всякаго, примкнувшаго къ нему, въ пользу общины». Это является полной неожиданностью, чтобы, во имя самой неотчуждаемости верховныхъ правъ, ученiе требовало бы полной отчуждаемости всѣхъ правъ со стороны обладателей верховныхъ правъ, «дабы каждое лицо не имѣло бы воли, въ качествѣ человѣка, противуположной и несовпадающей съ общею волею, которою онъ обладаетъ въ качествѣ гражданина;.... дабы его частный интересъ не находился въ противорѣчiи съ интересомъ общимъ;.... дабы освободить его отъ всякой личной зависимости». Безъ этого Общественный Договоръ былъ бы лишь «пустымъ звукомъ».

Хотя процессы дедукцiи и объектъ изслѣдованiя отличаются отъ таковыхъ у Суареса и Гоббеза, но по крайней мѣрѣ, по выводамъ это тѣ же положенiя, къ которымъ приходятъ они. Только въ одномъ отношенiи точка зрѣнiя Общественнаго Договора становится дѣйствительно оригинальной, это, въ то время какъ Суаресъ и Гоббезъ считали за отчужденiе фактъ передачи власти въ руки монарха и выводили отсюда абсолютизмъ королевской власти, Руссо разсматриваетъ отчужденiе, какъ соглашенiе, состоявшееся въ интересѣ общества, и онъ выводитъ отсюда, во имя свободы и интереса всѣхъ, всемогущество «Общей Воли». Верховная власть есть только распоряженiе этой Волей; она все можетъ, такъ какъ она неотчуждаема и нераздѣльна; слѣдовательно всякое право зависитъ отъ нея. «Также какъ природа даетъ каждому человѣку абсолютную власть надъ всѣми своими членами, также точно Об-

щественный Договоръ даетъ политическому тѣлу абсолютную власть надъ всѣми своими членами; и это та самая власть, которая будучи направляема Общей Волей, носитъ названіе верховной власти (Souveraineté)».

98. Пусть тотъ, кто можетъ, объяснитъ тайну неотчуждаемой верховной власти, полное отчужденіе которой есть неукоснительное требованіе Общественнаго Договора. «Таково есть условіе», говоритъ Руссо, «устройства и работы политической машины». Духъ утопіи не знаетъ никакихъ препятствій.

Право, понимаемое въ этомъ смыслѣ болѣе уже не составляетъ логическую идею, но представляетъ изъ себя идею силы. Общественный Договоръ отдаетъ въ распоряженіе Общей Воли человѣка во всей его совокупности, его совѣсть, его имущество, его жизнь.

Его совѣсть, такъ какъ признаніе догмата и культа, установленныхъ верховной властью, составляетъ долгъ гражданина. «Существуетъ чисто гражданскій символъ вѣры, установленіе догматовъ котораго зависитъ отъ верховной власти, онъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ догматамъ религіи, но существуетъ, какъ чувство общительности, безъ котораго невозможно быть ни хорошимъ гражданиномъ, ни вѣрноподданнымъ. Не имѣя возможности заставить кого бы то ни было вѣрить въ него, верховная власть можетъ изгнать изъ государства всякаго, кто ему не вѣритъ. Она можетъ изгнать его не въ качествѣ нечестиваго, а въ качествѣ необладающаго чувствомъ общительности, какъ неспособнаго искренно полюбить законы, справедливость и подчинить свою жизнь требованіямъ своего долга. Если кто нибудь, послѣ публичнаго признанія этихъ догматовъ ведетъ себя такъ, какъ будто имъ не вѣритъ, пусть онъ будетъ наказанъ смертью; онъ совершилъ величайшее изъ преступленій, онъ солгалъ передъ закономъ».

Его имущество, такъ какъ собственность существуетъ только какъ дозволенная верховной властью, которая можетъ, когда захочетъ ее уничтожить. «Государство по отношенію къ своимъ членамъ, по Общественному Договору, есть господинъ всѣхъ ихъ имуществъ, которыя служатъ въ государствѣ основой всякихъ правъ».

Наконецъ, его жизнь: «Если общая Воля говоритъ лицу: «Тебѣ необходимо умереть», онъ долженъ умереть, такъ какъ только подъ этимъ условіемъ подчиненія онъ дожилъ до этого времени въ безопасности и такъ какъ его жизнь уже болѣе не составляетъ простого блага природы, но также условный даръ государства».

Все это требуется Общественнымъ Договоромъ. Нѣтъ свободы безъ равенства и нѣтъ равенства безъ всеобщаго подчиненія: если бы оставались какія нибудь права у частныхъ лицъ, то за отсутствіемъ общаго высшаго посредника, который могъ бы ихъ разграничить при столкновеніи ихъ съ публичными правами, каждый, будучи въ нѣкоторомъ родѣ собственнымъ судьею, вскорѣ

предъявилъ бы притязанія на признаніе своего права ко всѣмъ, и снова возникло бы естественное состояніе и общеніе съ необходимостью превратилось бы въ тираническое или тщетное.

99. Такимъ образомъ человѣкъ оставляетъ естественное состояніе и вступаетъ въ политическое общество для того только, чтобы его права были ему лучше обезпечены; но въ результатѣ оказывается, что онъ ими полностью пожертвовалъ и окончательно ихъ утерялъ. Дѣйствительно, невольно возникаетъ вопросъ: былъ ли Руссо, дѣйствительно, искрененъ, или же онъ просто издѣвался? Онъ былъ искрененъ, совершенно также, какъ онъ былъ искрененъ, въ своемъ восхищеніи Макіавелемъ, когда онъ говорилъ, что мнѣніе этого послѣдняго о монархической власти «достойно республиканца», совершенно не подозрѣвая, какое освѣщеніе придаетъ всему его ученію столь странное утвержденіе. Въ этомъ сынѣ Женевы жилъ частью духъ Кальвина. Его химера замѣняетъ ему его совѣсть, а логика восполняетъ все прочее. Разнорѣчіе въ законахъ ему хорошо было извѣстно; онъ ясно его видитъ и указываетъ на него, но указываетъ только для того, чтобы сдѣлать видъ, что считаетъ его лишь кажущимся: «Внимательные читатели», добавляетъ онъ, «прошу васъ не торопитесь обвинять меня въ противорѣчіи. Я не могъ избѣжать его въ терминологіи, вслѣдствіе бѣдности языка; но погодите».

100. Дѣйствительно Общая Воля Общественнаго Договора, въ томъ видѣ, въ какомъ ее понимаетъ Руссо, въ смыслѣ той верховной власти, участвуя въ которой лицо окончательно отказывается отъ своей воли, не переставая быть свободнымъ, не соотвѣтствуетъ тому названію, которое онъ употребляетъ для ея выраженія; это сущность, познаваемая въ чистомъ разумѣ. Въ ней нѣтъ ничего человѣческаго: «Она всегда постоянна, неизмѣнна и чиста.... не взирая на противорѣчіе во мнѣніяхъ людей»; она не можетъ заблуждаться. Она непреложно правдива и имѣетъ постоянное влеченіе къ общественной пользѣ. Это не есть воля большинства даже и не собирательная воля всѣхъ: несомнѣнно есть разница между волею всѣхъ и общею волею; тогда какъ эта касается только общаго интереса, та относится къ частному интересу и составляетъ только сумму частныхъ воль. Что же это такое въ такомъ случаѣ? Это воля отдѣленная отъ субъекта, независящая отъ частныхъ волей, обезличенная и очищенная. «Ее обобщаетъ не столько количество голосовъ, сколько тотъ общій интересъ, которымъ они объединены.... въ ней заключается таинственное соединеніе интереса съ справедливостью». Для того, чтобы ее познать, надлежало бы обладать такимъ разумомъ, который видѣлъ бы всѣ людскія страсти и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ бы свободенъ отъ малѣйшей изъ нихъ, который не имѣлъ бы никакого отношенія къ нашей природѣ и вмѣстѣ съ этимъ зналъ бы ее насквозь, счастье котораго было бы независимо отъ насъ и который вмѣстѣ съ тѣмъ

желалъ бы способствовать осуществленію нашего счастія..... Для этого надлежало бы быть Богами».

О. Если общая воля столь высока и познается по этимъ признакамъ, то все объясняется. Подъ новымъ названіемъ она есть одна изъ формъ вѣчнаго объективнаго идеализма; это неписанное право Сократа, здравый разсудокъ Цицерона, разумъ вещей пресуществующихъ въ Богѣ св. Ѳомы, вѣчный разумъ Монтескье и царство конечныхъ цѣлей Канта; это, другими словами, чистѣйшая сущность, конечная цѣль человѣчества, и признаніе при этомъ что человѣкъ долженъ въ ней раствориться и исчезнуть въ ней. Подчинить ее чему либо «равносильно замѣнѣ въ ея руководительствѣ справедливости инстиктомъ... что обозначаетъ ничто иное какъ то что его насильно заставляютъ быть свободнымъ».

Но понимая общую Волю въ этомъ смыслѣ, Руссо забылъ только одно: онъ не указалъ тѣхъ способовъ, которыми можно было бы ее открыть. Поэтому въ порядкѣ идей она остается простой мечтой, а въ порядкѣ практическихъ явленій рычагомъ безъ точки опоры, формулой, подъ сѣнью которой могутъ укрыться всѣ субъективныя представленія объ этой идеѣ.

101. Но въ чемъ обнаруживается, что утопистъ, окончательно обманутъ собственной химерой, такъ это въ томъ, что Руссо, рѣзко переходя отъ абстрактнаго къ конкрентому, приходитъ къ заключенію, что Общая Воля, отдѣленная отъ субъекта, не можетъ заблуждаться, что это Воля разсматриваемая въ своемъ содержаніи непогрѣшима, что это Общая Воля, разсматривая въ своей внутренней сущности всегда чиста, непреложна и пряма, что политическая власть, которая ее передаетъ, «будучи посредникомъ между ней и подданными въ ихъ постоянныхъ взаимоотношеніяхъ» непогрѣшима и неизбѣжно ведетъ къ общей пользѣ. Вотъ подлинное его утвержденіе: «Верховное правительство, будучи образовано изъ отдѣльныхъ лицъ, которыя его составляютъ, не имѣетъ и не можетъ имѣть интереса имъ противуположнаго, слѣдовательно, верховная власть не имѣетъ никакой надобности въ ругательствахъ по отношенію къ подданнымъ, такъ какъ недопустимо, чтобы тѣло возымѣло намѣреніе вредить своимъ членамъ... Носитель верховной власти, однимъ уже фактомъ своего существованія являетъ доказательство, что онъ всегда есть именно то, чѣмъ онъ и долженъ быть». Можно счесть себя во снѣ, когда сталкиваешься съ такимъ презрѣніемъ къ фактамъ. Развѣ не софизмъ предположеніе у тѣла наличноети качествъ присущихъ идеѣ? По, можно-ли послѣ этого еще говорить: «таково есть условіе образующее устройство и работу политической машины»?

Выводъ отсюда столь же простъ, сколь и логиченъ; не отдѣляя верховныхъ правъ отъ закона, которымъ они выражены, носителя верховной власти отъ политическаго тѣла, которое онъ представляетъ, въ концѣ концовъ Общественный Договоръ пре-

даетъ человѣка, его совѣсть, его имущество и его жизнь во власть политическаго тѣла и закона, слѣдовательно большинству демократической партіи. Отсюда вытекаетъ совершенно матеріалистическій взглядъ на право: справедливо то, что желаетъ большинство. Философія политики сводится къ слѣдующей формулѣ: «Также какъ природа даетъ каждому человѣку неограниченную власть надъ своими членами, также и Общественный Договоръ даетъ политическому тѣлу неограниченную власть надъ своими членами».

Секретъ таинственнаго всеисцѣляющаго ученія открытъ: это гимнъ свободѣ, завершающійся отрицаніемъ правъ лица. Такъ это и осуществилось въ конституціи 24 іюня 1793 года, составляющей идеалъ абсолютной демократіи. Она воспроизводитъ, она даже подчеркиваетъ декларацію правъ; но для защиты ихъ, она не организуетъ никакихъ гарантій, посредствомъ которыхъ власть умѣряла бы самое себя и которыя одни только дѣлаютъ изъ свободы живую дѣйствительность. Да, и къ чему они? Развѣ учитель не писалъ: «Носитель верховной власти самымъ фактомъ своего существованія, доказываетъ, что онъ всегда есть именно то, чѣмъ онъ и долженъ быть?».

102. Съ чистой совѣстью можно ли признать за общей волей значеніе принципа, если она такъ умалена, послѣ того какъ была такъ высоко вознесена? Она уже больше не можетъ быть руководящей идеей, въ наилучшемъ случаѣ она можетъ служить поясненіемъ такой идеи; надъ ней находится та конечная цѣль, которой она вдохновляется, она достойна вниманія только въ отношеніи своего опредѣленія.

Въ качествѣ политической системы она только представляетъ выраженіе правъ общества въ самомъ ихъ крайнемъ и грубомъ проявленіи она не организуетъ и не устанавливаетъ порядка дѣйствія верховной власти, она только ее устанавливаетъ; она выводитъ верховную власть изъ народа, не ставя ей ни границъ, ни контроля, также какъ теократія создала неограниченную власть церкви, какъ теорія божескаго права создала всемогущество королевской власти. Однако, что отвратительно въ насиліи, такъ это само насиліе, а не то орудіе, которымъ оно пользуется. Какое значеніе имѣетъ, будетъ ли орудіемъ насилія и притѣсненія Людовикъ XIV или эта верховная власть, состоящая изъ воли всѣхъ, олицетворяющаяся въ каждомъ, которая не можетъ, ни погрѣшать, ни быть исправленной?

Ученіе это очевидно покоится на двусмысленности одинаково опасной въ томъ или другомъ изъ ея значеній. Если общая воля безлична и идеальна, то она имѣетъ лишь значеніе гипотезы, но ни одна гипотеза, сколь бы она ни была блестяща не можетъ притязать на управленіе міромъ; если, напротивъ того, въ цѣляхъ превращенія ея въ реальную сущность, ее воплотить въ политическое тѣло, то она приводитъ къ неограниченной власти закона,

къ всемогуществу большинства и, наконецъ, къ праву сильнаго во всякой данной эпохѣ.

103. Широковѣщательныя и громкія слова имѣютъ способность завораживать и увлекать за собою толпу вѣроятно потому, что они больше обращаются къ инстикту, чѣмъ къ разуму. Руссо воспламенилъ общество конца XVIII вѣка тѣмъ зломъ, которое онъ ему нанесъ, и этимъ самымъ онъ его развратилъ. «Духъ Законовъ» имѣлъ своихъ восторженныхъ почитателей, «Общественный Договоръ» же сдѣлался предметомъ культа; онъ имѣлъ своихъ правовѣрныхъ, своихъ фанатиковъ, своихъ инквизиторовъ, даже своихъ палачей.

Своими воспоминаніями о Греціи и Римѣ, которыми онъ наполненъ, онъ подходилъ подъ средній вкусъ общества того времени, склоннаго къ порицанію правительства, къ излишней чувствительности и къ легковѣрію; оно пришло въ восторгъ отъ нравовъ, учрежденій и обычаевъ античныхъ республикъ, не подозрѣвая того, что оно стремится вспять по отношенію къ тому направленію, которое преслѣдовалось человѣчествомъ уже въ теченіи вѣковъ. Отвлеченныя представленія объ Общей Волѣ, составляющія истинную нить этого сочиненія, льстили своевластнымъ инстинктамъ, всегда готовымъ проснуться какъ въ молодыхъ, такъ и въ старыхъ демократіяхъ; они превратились въ програму наиболѣе безпокойной и наиболѣе честолюбивой части третьяго сословія, а позднѣе они становятся девизомъ и оружіемъ побѣды якобинцевъ. Наконецъ, категоричность выводовъ о правахъ народа на верховную власть возбуждало стремленіе и надежду, у бывшихъ, наканунѣ, угнетенными, превратиться въ свою очередь въ угнетателей; они открыли собою эру насилій. Такимъ образомъ все объединилось въ общемъ сочетаніи, идеи, событія и страсти, и все это случилось подъ вліяніемъ безпримѣрной славы, доставшейся книгѣ, вышедшей изъ кельи «Отшельника».

Если общественный договоръ способствовалъ созданію революціи, то онъ въ еще большей мѣрѣ способствовалъ сведенію ее съ надлежащаго пути. До тѣхъ поръ, пока просуществовало Учредительное Собраніе, она была другомъ порядка, закономѣрности и власти, по крайней мѣрѣ въ офиціальныхъ своихъ сферахъ; со времени же возникновенія законодательнаго собранія, по отношенію къ которому члены предыдущаго собранія совершили непростительную ошибку добровольнаго устраненія себя отъ его работъ, демократическое движеніе стало непреодолимымъ. «Революція кончена» сказалъ Барнавъ въ одной изъ своихъ послѣднихъ рѣчей въ Учредительномъ Собраніи; «если она сдѣлаетъ еще одинъ шагъ по направленію свободы, она посягнетъ на тронъ, а по направленію равенства,—посягнетъ на собственность». Но шагъ этотъ перешли; и вотъ, другъ за другомъ, потекли событія съ головокружительной

быстротой, пока не завершились террором. Пусть же прослѣдятъ образъ мыслей главныхъ дѣйствующихъ лицъ этой драмы.

Кромѣ тѣхъ, которые работали безъ шума, боролись и жертвовали собою, и которымъ принадлежитъ честь великихъ пріобрѣтеній осуществленныхъ въ теченіи кровавыхъ годовъ революціи, чѣмъ проявили себя тѣ политическія дѣятели, которые занимали сцену событій, направляли и привели общественную мысль къ заблужденію? Одни изъ нихъ были фанатики, мечтатели, граничащіе съ умопомѣшанными; другіе были изверги, искавшіе удовлетворенія своей жажды злобы и своекорыстія; большинство изъ нихъ было охвачено идеей, плохо выношенной, но, тѣмъ не менѣе, крѣпко засѣвшей въ сознаніе; одни искренно, а другіе лицемѣрно, но всѣ они были горячіе поклонники Общей Воли, которую они же создавали подъ предлогомъ быть ея истолкователями, всѣ они взываютъ къ верховнымъ правамъ народа, не замѣчая того, что они самозванно захватили ихъ въ свои руки. «Общественный Договоръ» становится руководствомъ торрористическихъ дѣйствій революціонеровъ, также какъ въ XV вѣкѣ «Монархъ» служилъ руководствомъ безпощадной тираніи. Конвентъ заканчивается тѣмъ, что декретируетъ обоготвореніе идей Руссо [1])

104. Окончательное воплощеніе этого ученія мы видимъ въ Робеспьерѣ, «Общественный Договоръ создаетъ человѣка», как говоритъ Ланфрэ. По отношенію къ фанатику проповѣднику, онъ играетъ роль ближайшаго секретаря.

Посмотрите на эту безцвѣтную фигуру, съ подслѣповатыми глазами, съ сжатыми и холодными губами, на эту бездарную надутую личность, съ узкимъ умомъ, съ языкомъ, способнымъ только къ догматическимъ и пустымъ изреченіямъ: это хранитель култа, его ясновидецъ. Онъ вычиталъ у своего учителя: если вы желаете, чтобы Общая Воля осуществилась, сдѣлайте такъ, чтобы

---

[1]) По вопросу о вліяніи Руссо во время законодательнаго собранія и Конвента см. Lanfrey essay sur la revolution française 1858; Ebgard Qunet la revolution 1865. Жанъ категорически отрицаетъ, чтобы Руссо былъ повиненъ въ излишествахъ второй половины революціи. «Противъ этого утвержденія», говоритъ онъ «я могу сдѣлать только одно возраженіе, но которое мнѣ представляется рѣшительнымъ. Революціонное правительство, бывшее далеко отъ того, чтобы представлять изъ себя воплощеніе ученія о верховныхъ правахъ народа, было во всякомъ случаѣ воплощеніемъ нарушенія этихъ правъ. Оно возникло изъ возстанія противъ національнаго собранія; оно было народной олигархіей, узурпаціей снизу, угнетательной диктатурой, разукрасившейся именемъ народнаго спасенія. Его принципомъ, въ дѣйствительности, было ничто иное, какъ макіавелическій принципъ о назначеніи государства, переданный въ руки политическихъ страстей» (Op. cit. t, 2 p. 459). Пусть будетъ такъ. Но только, до возникновенія организованныхъ верховныхъ правъ народа и выше ихъ Руссо провозгласилъ общую безличную волю; онъ дѣлалъ изъ нея выводы, такъ какъ она въ концѣ концовъ ничто иное, хотя и подъ другимъ названіемъ, какъ назначеніе государства, отрицаніе правъ лица и провозглашеніе непогрѣшимости неограниченной власти народа; именно отсюда родились, то подъ вліяніемъ фанатическихъ мечтателей, то подъ вліяніемъ своекорыстныхъ ловкачей, всѣ анархическія идеи, живущія теперь впродолженіи цѣлаго вѣка.

всѣ частныя воли отъ ней зависѣли и, такъ какъ истина только и заключается въ совмѣстительствѣ частной воли съ общей, то предоставьте царствовать истинѣ;... кто откажется отъ подчиненія долженъ быть къ тому принужденъ общественнымъ тѣломъ». Онъ прочелъ у Макіавели, у оракула республиканцевъ, согласно мнѣнія его учителя: «Кто желаетъ осуществить республику въ странѣ, гдѣ существуетъ родовая знать, можетъ этого достигнуть не иначе, какъ всю ее истребивши». Наконецъ учитель напомнилъ ему и слова Монтескье: «Примѣръ, наиболѣе свободныхъ. изъ существующихъ на землѣ, народовъ меня заставляетъ думать, что бываютъ случаи, когда необходимо допустить на мгновеніе насиліе надъ свободой, также какъ прятали статую боговъ». Изъ всего этого онъ составилъ себѣ смутный идеалъ, который его тѣмъ болѣе запутываетъ, чѣмъ очертанія становятся неопредѣленнѣе. Онъ есть носитель тайны Общей Воли; его обращенія всѣ начинаются во имя добродѣтели, продолжаются во имя счастія человѣчества и оканчиваются во имя высшаго Существа; предвзятая идея получила свое воплощеніе: уничтожить дворянъ, отдѣлаться отъ враговъ, узурпировать верховную власть и установить терроръ, дабы осуществить свободу посредствомъ равенства. Цѣль, къ которой онъ сремится закрываетъ отъ него, совершаемыя имъ изувѣрства; гильотина въ его глазахъ есть орудіе національнаго очищенія; онъ рѣшается убивать до тѣхъ поръ, пока не будутъ уничтожены всѣ отступники, или пока самъ не будетъ въ свою очередь убитъ. Это Торквемада. Ужасающій примѣръ того безумія, котораго можетъ достигнуть ограниченный умъ при привитіи ему туманной идеи. Объяснить этого человѣка можно только этимъ, въ противномъ же случаѣ, онъ совсѣмъ необъяснимъ.

105. Можно-ли отсюда выводить заключеніе, что общая Воля, понимаемая съ общечеловѣческой точки зрѣнія, т. е. въ смыслѣ воли большинства не имѣетъ своего мѣста въ задачѣ права? Конечно нѣтъ, это мѣсто широко, но оно точно очерчено.

Господствующее мнѣніе должно по справедливости имѣть преобладаніе, когда рѣчь идетъ о составленіи новаго закона, о выборѣ наиболѣе подходящей комбинаціи къ осуществленію торжества права. Дѣйствительно, искусство законодательства разрѣшается вопросами практической примѣнимости; а въ вопросахъ практической примѣнимости, въ виду того, что никто не можетъ притязать на монополію ясновидѣнія, большинство, въ случаяхъ разногласія, должно считаться правымъ. Но нужно два условія, для того, чтобы можно было признать преобладаніе за мнѣніемъ большинства: во первыхъ нужно, чтобы рѣчь шла о рѣшеніи такого вопроса, въ которомъ для общественнаго порядка господство равенства являлось бы неизбѣжной необходимостью, такъ какъ безъ этого условія законъ безцѣльно вторгался бы въ область свободы; во вторыхъ, нужно, чтобы принятое правило не посягало на право лица сверхъ

той мѣры, которая вызвана необходимостью уваженія права другого лица, такъ какъ миссія закона есть нахожденіе на стражѣ того, чтобы никто не узурпировалъ ничьихъ правъ и онъ не можетъ, не измѣнивъ своей миссіи дѣлать то, чему онъ предназначенъ препятствовать.

Такимъ образомъ есть нѣчто, находящееся надъ Общей Волей, и это нѣчто именно и есть право. Что касается до посредствующихъ выводовъ, изъ него вытекающихъ; то общественное мнѣніе въ этомъ отношеніи, въ случаяхъ сомнѣнія, можетъ быть истолкователемъ и регуляторомъ; но право выше его. Руссо можно возразить словами Боссюэта: «Нѣтъ права противъ права»; или словами Мирабо: «Мнѣніе, хотя бы и принадлежащее большинству, не имѣетъ права на господство. Это тираническое слово, которое должно быть исключено изъ нашего законодательства; такъ какъ, если вы его подставите въ одномъ случаѣ, вы получите возможность подставлять его во всѣхъ случаяхъ: такимъ образомъ, вы получите господствующую вѣру, господствующее міровоззрѣніе, господствующее ученіе. Ничего не должно господствовать, кромѣ справедливости; господствующимъ должно быть только право лица и все прочее должно ему быть подчинено».

106. Вопреки своей отвлеченной внѣшности и своихъ дидактическихъ пріемовъ, «Общественный Договоръ», въ дѣйствительности, есть лишь протестъ противъ стараго режима, такъ какъ озлобленія въ немъ несравненно больше, чѣмъ мечтательности. Вотъ по этой то послѣдней причинѣ, становится понятнымъ, то вліяніе, которое онъ получилъ, выйдя въ свѣтъ четырнадцатью годами послѣ «Духа Законовъ». Въ качествѣ политической системы уже давно пора перестать объ немъ говорить серьезно. Тѣмъ не менѣе, не взирая на то, что прошло послѣ его появленія больше вѣка, вліяніе его все еще живо; его ученіе проникло XIX вѣкъ до глубины костей; то, что остается въ силѣ, изъ нѣкогда имъ внушенной, религіи, составляетъ и по днесь величайшую изъ опасностей настоящаго времени.

Французскому генію, прославленному своимъ здравымъ смысломъ и свѣтлостью, Руссо, снѣдаемый меланхоліей, сообщилъ ядъ вѣчнаго безпокойства и вкусъ къ утопическимъ вожделѣніямъ. Своимъ положеніемъ, что человѣкъ, рожденный отъ природы добрымъ, становится злымъ чрезъ посредство цивилизаціи и своимъ ученіемъ о счастіи, въ качествѣ конечной цѣли общества, онъ былъ предтечей Мабли, Морели и Бабефа, онъ же былъ отцомъ современнаго соціализма, котораго гложетъ мечта путемъ законодательнаго вмѣшательства реформировать общество, воззрѣнія и нравы. Наконецъ, вслѣдствіе своихъ разсужденій объ Общей Волѣ и верховныхъ правахъ и власти народа, онъ остается пророкомъ подвижной и своевластной демократіи, составляющей бичъ XIX вѣка, всегда готовой подчиниться, а при случаѣ и всецѣло предаться

въ руки того, который лицемѣрно соглашается съ ея антипатіями или выказываетъ готовность служить ея злопамятству.

Во имя принциповъ, также какъ и во имя опыта, во имя традицій національнаго духа, также какъ и во имя будущности свободныхъ идей Общественный Договоръ долженъ быть строго осужденъ; едва ли искренность усилій возвыситься къ идеалу справедливости, и несравнимыя литературныя красоты этого сочиненія могутъ искупить Руссо его заблужденіе, настолько оно было чудовищно злополучно по своимъ послѣдствіямъ.

§ 3. Утилитарная школа.

107. Если повѣрить на слово современнымъ представителямъ Утилитарной школы, то эта школа стара, какъ міръ. Она была ученіемъ мудрецовъ всѣхъ временъ; она вправѣ считать въ рядахъ своихъ приверженцевъ величайшія имена; по словамъ Стюарта Милля, Сократъ отстаивалъ именно, ее «противъ популярной морали софистовъ».

Но нѣтъ-ли тутъ обманчиваго увлеченія духомъ систематизаціи? Несомнѣнно, человѣкъ имѣлъ представленіе о понятіяхъ пользы и интереса во всѣ времена, также какъ онъ обладалъ болѣе непосредственными ощущеніями пріятнаго и болѣзненнаго, и онъ отвелъ имъ мѣсто въ своихъ справедливыхъ занятіяхъ. Сократъ въ своемъ Протагорасѣ признаетъ, что наслажденіе есть благо, а боль—зло, такъ какъ природа влечетъ человѣка къ поискамъ за счастіемъ; онъ признаетъ, что необходимо считать за добро, благое и прекрасное, то, что полезно, и что дѣйствовать въ согласіи съ здравымъ смысломъ значитъ дѣйствовать съ пользой; онъ даже говоритъ въ Горгіасѣ, что справедливость потому давлѣетъ надъ всѣми остальными добродѣтелями, что она самая прекрасная изъ нихъ, такъ какъ она доставляетъ наибольшее наслажденіе или наибольшую полезность или совокупность того и другого». Не касаясь здѣсь вопроса, составляютъ ли данныя слова наиболѣе мудраго изъ людей выраженіе его собственнаго взгляда, или употреблены они были въ этомъ мѣстѣ для наиболѣе выпуклаго обнаруженія мысли противника въ цѣляхъ опроверженія ея ею же самой, что составляетъ столь обычный пріемъ у Сократа, во всякомъ случаѣ достовѣрно, что въ вопросѣ о нравственности онъ удѣляетъ мѣсто идеѣ пользы. Цицеронъ удѣляетъ ей еще больше мѣста въ области права. Полезность кажется ему постоянной и конечной цѣлью всѣхъ законовъ: «Omnes leges ad commodum rei publicae referre opportet» одинъ изъ писателей древности, Дозидей, совершенно также какъ и экономисты нашихъ дней, утверждаетъ, что благое и справедливое находятся въ полномъ согласіи съ полезнымъ: «Quod bonum et justum est omnium utilitati convenit».

Слѣдовательно, несомнѣнно, что во всѣ времена идеѣ пользы было удѣлено извѣстное мѣсто въ представленіяхъ о нравственности и о правѣ. Но было бы странной логической и фактической ошибкой видѣть въ этихъ выдержкахъ, къ которымъ можно было бы присовокупить много и другихъ подобныхъ, провозглашеніе цѣлой системы; они содержатъ лишь точку зрѣнія, относительное понятіе, первоначальную мыслъ.

108. Дѣйствительно, польза, если ее разсматривать въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово обычно употребляется, и если проанализировать ту идею, которую она выражаетъ, то она не можетъ быть признаваема ни принципомъ, ни цѣлью; она есть лишь отношеніе, выраженіе согласованности съ чѣмъ-нибудь. Быть полезнымъ значитъ служить чему-нибудь, значитъ быть примѣнимымъ для назначенной цѣли. Такимъ образомъ полезность не есть самостоятельное качество, а отношеніе сообразности; это возможность какимъ нибудь образомъ способствовать какому нибудь результату; это не есть, самостоятельно существующая сущность, или конечная цѣль; она сама предполагаетъ какую-нибудь предсуществующую цѣль по отношенію, къ которой ее оцѣниваютъ, или какую-нибудь высшую конечную цѣль, по отношенію къ которой ее измѣряютъ. Другими словами, она не составляетъ блага самого по себѣ; она состоитъ лишь изъ отношенія или согласованія съ какимъ нибудь первичнымъ представленіемъ о благѣ. Если Сократъ отмѣчаетъ полезность справедливости, то это именно въ томъ смыслѣ, что она способствуетъ величайшему изъ благъ,—добродѣтели, и что она отвѣчаетъ цѣли жизни, которая есть счастіе, осуществленное посредствомъ разума. Когда Цицеронъ говоритъ, что интересъ есть объектъ и цѣль человѣческихъ законовъ, онъ нисколько подъ этимъ не подразумѣваетъ, что онъ есть принципъ, изъ котораго вытекаютъ законы. Тѣмъ, что Дозидей указываетъ на согласованіе справедливаго съ полезнымъ, онъ только констатируетъ міровую гармонію вещей, можетъ быть, даже, не предвѣщаетъ ли онъ совѣтъ практической морали; также точно какъ говоритъ Монтень: «Хотя бы я слѣдовалъ по прямой дорогѣ только въ силу ея прямизны, но я долженъ былъ бы также поступить, если бы убѣдился по опыту, что это вообще самое выгодное направленіе». Ничего нельзя лучше сказать. Но польза, которая происходитъ отъ слѣдованія прямой дорогой не есть то, отчего происходитъ самая прямизна дороги; также точно, несомнѣнно, что истина и благо независимы отъ той пользы, которая происходитъ отъ ихъ проникновенія въ сознаніе людей.

109. Все это въ одинаковой мѣрѣ относится и къ интересу: онъ также есть лишь относительное понятіе. По своей сущности, идетъ ли рѣчь о личномъ или коллективномъ интересѣ, интересъ есть то что признается важнымъ, подходящимъ; субъективно, по отношенію къ человѣку или государству, интересъ есть чувство;

чувство того что нужно, что подходяще. Но что же такое нужно, и что можно признать за подходящее? Одни эти слова недостаточны для освѣщенія самой идеи, ими выраженной. Когда Мотэнь и и Ларошфуко говорятъ, одинъ съ ироніей, другой съ озлобленіемъ, что интересъ есть обычный двигатель поступковъ, то что же представляетъ изъ себя интересъ, какъ не чувство, болѣе или менѣе смутное, скорѣе инстинктивное, того что признается за имѣющее довлѣющее значеніе? То, представленіе, которое вызывается ихъ мыслями, не соотвѣтствуетъ ни благу, ни справедливости, скорѣе это противуположное: это не то, что подходитъ дѣйствительно и поистинѣ, это—просвѣщенный или слѣпой эгоизмъ. Какъ можетъ это быть принципо́мъ, т. е. абсолютной идеей, если представленія объ немъ измѣнчивы до безконечности въ зависимости отъ людей или обстоятельствъ?

Паскаль отмѣчаетъ это однимъ удивительно оригинальнымъ и мѣткимъ штрихомъ. Онъ признаетъ за интересомъ долю вліянія на человѣческія сужденія; это основаніе его знаменитаго краткаго обзора о состязательномъ началѣ, это видъ разсчета на выигрышъ или проигрышъ посредствомъ котораго онъ Паскаль доказываетъ существованіе Бога, вслѣдствіе, присущаго человѣку, интереса вѣрить въ его существованіе. Онъ допускаетъ, что человѣкъ рождается для счастья, лишь бы онъ хорошо его распозналъ, и что онъ справедливо его преслѣдуетъ, когда онъ правильно его понимаетъ. «Воля», говоритъ онъ, «никогда не имѣетъ никакого другого объекта, кромѣ интереса. Это двигатель всѣхъ поступковъ всѣхъ людей». Вотъ истинное объясненіе понятія интереса, чувства инстинктивнаго, скорѣе личнаго, чѣмъ общаго, иногда сознательнаго, часто ошибочнаго, а подчасъ и фальшиваго чувства того, что подходитъ, а не того, что должно подходить въ дѣйствительности. Монтескье, именно, такъ его и понимаетъ, когда говоритъ, что «интересъ есть величайшій монархъ на землѣ». Слѣдуетъ ли отсюда, что его нужно признавать за принципъ, за первичную идею, за разумную цѣль всякаго личнаго или коллективнаго стремленія? Ни въ какомъ случаѣ. Интересъ, также какъ и польза представляетъ изъ себя лишь идею отношенія; это выраженіе желанія, которое предполагаетъ предуставленную и искомую цѣль, и цѣнность котораго только и существуетъ вслѣдствіе существованія этой цѣли. Можно допустить, что наслажденіе есть благо, можно признавать обычное совпаденіе справедливаго съ полезнымъ, можно рекомендовать практическое примѣненіе добра, въ качествѣ вѣрнѣйшаго средства къ достиженію счастія, безъ провозглашенія тождества нравственности съ интересомъ, справедливости съ пользою и тѣмъ болѣе нельзя прійти къ заключенію, составляющему аксіому утилитаризма, что благо и справедливость суть не что иное какъ польза. Все это очевидно; иначе пришлось бы признать Аристиппа за вѣрнѣйшаго ученика Сократа или Паскаля за предтечу Бэнтама.

110. Такимъ образомъ, когда воздвигаютъ пользу или интересъ въ принципъ или критерій нравственности или справедливости, то останавливаются на недостаточно разобранномъ понятіи, которое не способно ничего освѣтить. Забываютъ о первичной и конечной идеѣ и видятъ лишь посредствующую и второстепенную идею; это неизбѣжно ведетъ къ искаженію первоначальнаго и единственно философскаго значенія словъ и замѣны его чисто империческимъ представленіемъ о пользѣ и интересѣ. Интересъ личный или собирательный, это—благосостояніе, не благо, но, именно, благосостояніе: выгода, наслажденіе, въ различныхъ своихъ формахъ, или точнѣе тотъ инстинктъ, который ихъ подсказываетъ и заставляетъ стремиться къ нимъ; польза, личная или собирательная, это сила, которой обладаютъ вещи, поступки и установленія, согласно убѣжденія людей, доставлять удовлетвореніе или наслажденіе, устранять лишенія, неудобства или страданія, способствовать росту благосостоянія и физическому, умственному и нравственному совершенствованію человѣка.

Таковъ, въ дѣйствительности, смыслъ который утилитаризмъ придалъ этимъ словамъ при своемъ возникновеніи. Слѣдовательно, чтобы о томъ не говорилъ Стюартъ Милль, но ученіе это примыкаетъ не къ Сократу, а къ софистамъ, которые проповѣдывали нравственность наслажденія; или, такъ какъ у него есть и болѣе отдаленные и знатные предки, то оно скорѣе происходитъ по прямой нисходящей отъ школы, созданной геніемъ Эпикура. Польза или высшее благо, это постоянное наслажденіе, понимая подъ этимъ сердечныя, умственныя и чувственныя наслажденія. Она есть законъ для отдѣльныхъ лицъ и, слѣдовательно, принципъ нравственности; стремленія лица должны клониться къ ея достиженію; она же есть законъ государства и слѣдовательно, принципъ права; стремленіе общества должно клониться къ ея обезпеченію Горацій говоритъ, въ качествѣ истиннаго приверженца этой школы, что польза есть или неукоснительно должна быть источникомъ справедливости:

Atque utilitas prope mater est aequi.

111. Еремія Бэнтамъ есть глава этой школы въ новѣйшее время. Онъ прямо происходитъ отъ Гоббеза и Гельвеція; эти установили первыя философскія посылки, онъ же, съ свободой и логикой доходящими до дерзости, разобралъ ихъ практическое примѣненіе въ различныхъ отрасляхъ положительнаго права.

Первыя посылки принадлежатъ школѣ сенсуалистовъ. Благосостояніе есть цѣль человѣка; оно есть и должно быть единственнымъ стимуломъ дѣятельности. Все чѣмъ оно достигается или осуществляется законно. Каждый для себя, а государство во имя всѣхъ, должны стремиться преслѣдовать осуществленіе наибольшаго счастія посредствомъ удовлетворенія, постоянно растущихъ, потребностей человѣческой природы.

Бэнтамъ исходитъ изъ этой формулы. Но оригинальность его не въ принципѣ его ученія, хотя онъ заявляетъ о его новизнѣ съ убѣжденной наивностью; она заключается въ тѣхъ заключеніяхъ, которыя онъ изъ него дѣлаетъ, и которыя онъ выводитъ, не допуская тѣни сомнѣній, а потому и безъ всякой осторожности въ отношеніи ихъ примѣнимости. То, что составляло у его предшественниковъ лишь точку зрѣнія ему оставалось разработать въ систему. «Природа», говоритъ онъ, «отдала человѣка во власть наслажденія и боли; принципъ пользы подчиняетъ все этимъ двумъ двигателямъ». Этотъ принципъ устанавливаетъ основаніе нравственности, которая есть лишь приведенный въ утонченный порядокъ эгоизмъ: поступки не имѣютъ цѣны сами по себѣ, но исключительно по своимъ послѣдствіямъ, «добродѣтель есть благо лишь по вытекающимъ изъ нея послѣдствіямъ, порокъ есть зло лишь по тѣмъ страданіямъ, которыя за нимъ слѣдуютъ»; онъ устанавливаетъ основаніе права, которое есть принудительное согласованіе вожделѣній: «право представляетъ только идеи избытка, наслажденія и обезпеченности». Идея пользы слѣдовательно обнимаетъ собою все; она есть единственная точка опоры при оцѣнкѣ поступковъ, установленій и мнѣній, единственный авторитетъ, могущій разрѣшить эти человѣческія задачи. Разсужденіе изъ области нравственности или законодательства, которое не можетъ быть истолковано двумя простыми словами, наслажденіе и страданіе, есть разсужденіе темное и софистическое, изъ котораго ничего нельзя вывести.

Для того, чтобы придать слову польза болѣе точное значеніе и выяснить идею полезности и все что въ ней содержится Бэнтамъ выправляетъ «каталогъ» наслажденій и страданій; онъ описываетъ необходимые способы для «оцѣнки», поступковъ по отношенію къ выгодамъ и неудобствамъ, благамъ и злу, которые изъ нихъ вытекаютъ, дабы можно было видѣть въ чью сторону склоняется стрѣлка вѣсовъ. Законодательство, снабженное этими «инструментами» становится также какъ и нравственность «ариѳметической задачей; справедливое и несправедливое, добро и зло опредѣляются чрезъ посредство сложенія и вычитанія вычисленіемъ выгодъ и убытковъ».

112. Какимъ могъ быть и какимъ сталъ съ точки зрѣнія нравственности результатъ этого ученія? Изслѣдованіемъ этого вопроса я здѣсь не буду заниматься. Но во всякомъ случаѣ, нельзя признать за способствованіе къ подъему человѣка снабженіе его для руководства такой формулой, которая, хотя бы и вопреки мысли учителя, можетъ прикрыть подъ своей сѣнью всякія низкія побужденія учениковъ будутъ ли они искреннія или нѣтъ. Карлейль, цензоръ своего вѣка, какъ его прозвали, не питаетъ нѣжныхъ чувствъ къ своему соотечественнику; вотъ какъ онъ объ немъ судитъ, не взирая на то, что онъ англичанинъ: Бэнтамов-

ская польза, добродѣтель въ силу выгоды или потери, низводитъ этотъ Божескій міръ къ мрачной и грубой паровой машинѣ, безграничную и небесную душу человѣческую къ нѣкотораго рода сѣннымъ вѣсамъ, для взвѣшиванія на нихъ кромѣ сѣна и угля, наслажденій и страданій, если вы у меня спросите, кто изъ двухъ Бэнтамъ или Магометъ создаетъ самое несчастное и самое фальшивое мнѣніе о назначеніи человѣка и о его судьбѣ въ этомъ мірѣ, я отвѣчу: конечно не Магометъ».

Въ отношеніи задачи права утилитаризмъ есть одна изъ формъ общественнаго права; онъ жертвуетъ лицомъ собирательному интересу, также какъ Руссо общей волѣ. Выводъ логиченъ и этимъ самымъ онъ силенъ. Подчиненному закону пользы и предоставленному при этомъ подчиненіи въ распоряженіе произвола тѣхъ инстинктовъ, которыми онъ обусловливается, человѣку не возбраняется воображать себѣ, что онъ свободенъ; такъ какъ, если мнѣнія и поступки человѣка опредѣляются и должны опредѣляться исключительно интересомъ, то и онъ въ концѣ концовъ понимаетъ его по своему и ищетъ его согласно собственному вкусу: trahit sua quemque voluptas. Но нельзя изъ интереса сдѣлать принципа, не очистивши его отъ разнообразія субъективнаго его пониманія, не извлекши изъ интересовъ частныхъ лицъ общаго собирательнаго интереса, который сталъ бы конечной цѣлью гражданскаго общества, цѣлью государства, двигателемъ всѣхъ законодательныхъ актовъ верховной власти. Слѣдовательно что же сталось съ правомъ лица? Оно насильственно исчезло. Общій интересъ становится его высшимъ руководителемъ; государство, составляющее орудіе этого интереса, имѣетъ назначеніе и обладаетъ властью подчинить то, что неправильно съ этого времени именуется правовымъ соглашеніемъ большинства.

113. Это то заключеніе, къ кототому приходитъ Гоббсъ защитникъ абсолютизма королевской власти: «То къ чему человѣкъ стремится въ гражданскомъ обществѣ, это достиженіе собственнаго интереса, слѣдовательно мѣрою правъ каждаго должна быть общая польза». Это же составляетъ отправную точку ученія Бентама, хотя, вопреки Гоббсу, онъ является сторонникомъ народовластія; идея о существованіи правъ предсуществующихъ человѣческой природѣ и принадлежащихъ лицу, въ качествѣ такого, по его мнѣнію, принадлежитъ къ разряду софистическихъ и анархическихъ представленій.

Въ этомъ отношеніи настойчивость его утвержденій граничитъ съ грубостью. «Истинное право есть созданіе истиннаго закона.... Когда ссылаются на то, что законъ не долженъ противорѣчить праву, то придаютъ слову право высшее значеніе, чѣмъ закону, признаютъ существованіе права посягающаго на законъ, и при случаѣ опрокидывающаго и приводящаго законъ въ ничто. Въ этомъ беззаконномъ смыслѣ, слово право есть величайшій врагъ

разума и самый страшный разрушитель правительства». Слѣдовательно нѣтъ ли какого нибудь права, существующаго независимо отъ человѣческихъ соглашеній? Нѣтъ: «Я могу стоять или сидѣть, взойти или выйти, ѣсть или не ѣсть» и т. д. Законъ по отношенію ко всему этому молчитъ. Тѣмъ не менѣе право, которое я осуществляю въ этомъ отношеніи вытекаетъ изъ закона, такъ какъ онъ возводитъ въ преступленіе всякое насиліе, посредствомъ котораго кто нибудь хотѣлъ бы мнѣ воспрепятствовать исполнить, то что мнѣ нравится. Пусть прочтутъ самого Бэнтама, если хотятъ убѣдиться до какихъ предѣловъ доводитъ онъ свою логику въ своемъ любопытномъ изслѣдованіи вопросовъ рабства, свободы совѣсти и недвижимой собственности; онъ допускаетъ случаи такихъ рѣшеній, во имя коллективнаго интереса, которые доходятъ до полнаго отрицанія самыхъ элементарныхъ правъ. Нѣтъ правъ, нѣтъ обязательствъ, нѣтъ собственности внѣ закона, даже сама женская невинность существуетъ только потому, что законъ ее допускаетъ и не поражаетъ ее.

Во истину Босюэтъ былъ болѣе либераленъ. Слѣдуетъ ли послѣ этого удивляться тому презрѣнію и тѣмъ насмѣшкамъ, которыми первосвященникъ утилитаризма осыпаетъ Монтескье, декларацію правъ человѣка и всю французскую либеральную школу?

114. Такимъ образомъ польза по Бэнтаму приводитъ къ тому-же результату, какъ и общая воля по Общественному Договору: къ отрицанію правъ лица. Даже едва ли есть разница и въ самой постановкѣ вопроса; такъ какъ, если, согласно Руссо, общая воля непогрѣшима, то это происходитъ отъ того, что «она всегда пряма и неизмѣнно стремится къ общей пользѣ». Дѣйствительно, оба представленія сливаются воедино; это двѣ философскія сущности, двѣ отвлеченныя идеи и тѣмъ болѣе опасныя та и другая, что обѣ онѣ смутныя и могутъ собою прикрыть всѣ субъективныя объ нихъ представленія и разрѣшить всѣ намѣренія осуществленія здраваго смысла. Если хотятъ отыскать разницу между ними, то она сводится къ слѣдующему: Бэнтамовская «польза» есть ничто иное какъ общая воля, но не въ представленіяхъ философа идеалиста и утописта, но въ пониманіи наиболѣе практическаго изъ народовъ земного шара, это общая воля приспособленная къ характеру положительнаго англійскаго генія.

И на самомъ дѣлѣ, таже эпоха, которая обоготворила Руссо не могла не провозгласить своего восхищенія предъ утилитаризмомъ: 26 августа 1792 года законодательное собраніе, не за долго до уступки своего мѣста Конвенту, по предложенію Гуадэ постановило поднести Бэнтаму званіе французскаго гражданина, «принимая во вниманіе, что всѣ люди, которые своими сочиненіями или личною храбростью послужили дѣлу свободы и приготовили освобожденіе народовъ, не могутъ считаться иностранцами тою націей, которая получила свободу чрезъ собственный геній и чрезъ

собственную храбрость». Во истину, исторія подчасъ представляетъ необъяснимыя ироніи.

115. Блестящіе ученики Бэнтама, Стюартъ Милль, Гротъ, Зуммеръ, Мэнъ, Гербертъ, Спэнсеръ съ тѣхъ поръ очистили и облагородили школу своего учителя. Въ то время какъ онъ видѣлъ въ идеѣ «пользы» количество и сумму наслажденій, они ввели въ ея оцѣнку новые элементы: качество, достоинство и нравственность наслажденія. Узкой и вульгарной идеѣ личнаго интереса, признаваемаго за единственный факторъ общаго интереса они противопоставили понятіе о высшемъ общественномъ благѣ, идеальнаго порядка, который является въ качествѣ конечной гармоніи интересовъ человѣчества. Польза, говоритъ Стюартъ Милль, есть «всегда единственное высшее рѣшеніе всѣхъ вопросовъ нравственности и законодательства», но, тотчасъ же добавляетъ онъ, «это должна быть польза, въ самомъ возвышенномъ смыслѣ этого слова, польза, основанная на всѣхъ постоянныхъ интересахъ человѣка, въ качествѣ прогрессирующаго существа».

Въ такомъ случаѣ, категорически отрицаемыя Бэнтамомъ, идеи справедливости и права, снова возникаютъ. Ничего нѣтъ любопытнѣе въ этомъ отношеніи, какъ та глава «Утилитаризма» Милля, въ которой, разсматривая основы этой системы, онъ анализируетъ и разбираетъ съ большой тонкостью отношенія справедливости къ пользѣ; ничего не можетъ полнѣе согласоваться съ традиціями либеральной школы, какъ развиваемое имъ различіе между совершенными обязанностями, составляющими предметъ правосудія, и которыя поэтому входятъ въ область закона, такъ какъ они соотвѣтствуютъ праву другого лица, и обязанностями несовершенными, составляющими предметъ добродѣтели, и которыя поэтому принадлежатъ къ области нравственности, такъ какъ они не соотвѣтствуютъ никакому праву другого лица. Развѣ это не равносильно одобренію и признанію права лица? Гербертъ Спэнсеръ идетъ еще дальше; вопреки Бэнтаму и слишкомъ ревностнымъ изъ его учениковъ, онъ утверждаетъ, что лицо обладаетъ «естественными правами» въ противуположность общинѣ, что собственность предшествуетъ всякимъ законамъ и не зависитъ отъ нихъ и положеніе этому противуположное онъ называетъ «великимъ политическимъ предразсудкомъ» своихъ соотечественниковъ.

Тутъ глубокая перемѣна. Ею объясняется, какимъ образомъ передовые бойцы утилитарной школы въ настоящее время являются въ Англіи представителями самаго передового либерализма. Никто не доказалъ съ такою убѣдительностью, какъ Стюартъ Милль, что истина лучше всего выясняется при свободномъ состязаніи умственныхъ способностей, общая польза при свободномъ состязаніи интересовъ, вѣчно совершенствующаяся общая воля при свободномъ состязаніи частныхъ воль, и что, слѣдовательно, принудительная власть общества должна быть сведена къ предѣламъ

строгой необходимости, т. е. къ своему минимуму; въ одной изъ своихъ лучшихъ книгъ онъ говоритъ: «Единственная причина, которая оправдываетъ для людей, личное или коллективное вмѣшательство въ свободу дѣйствія другого имъ подобнаго лица, есть самозащита; единственный законный поводъ по которому общество можетъ употребить силу противъ одного изъ своихъ членовъ есть воспрепятствованіе ему вредить другимъ членамъ.... только та часть дѣйствій лица, которая имѣетъ отношеніе къ другимъ лицамъ, можетъ быть предметомъ суда общества; все же то, что составляетъ его личный интересъ, его независимость, присуще ему въ качествѣ абсолютнаго права». Гербертъ Спэнсеръ не менѣе ясенъ; признавши существованіе естественныхъ правъ, онъ выводитъ отсюда заключеніе, что «подчиненіе меньшинства большинству справедливо постольку, поскольку оно не вызываетъ другихъ ограниченій собственности и свободы, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они вызваны необходимостью вящей защиты этой свободы и этой собственности; въ то же время всякое ограниченіе за этими предѣлами несправедливо; дѣйствительно, оно вызвало бы посягательство на право лица въ мѣрѣ превосходящей необходимость ихъ защиты, что повело бы за собою насиліе надъ принципомъ жизни, который именно и требуется защитить».

116. Представленный въ этомъ видѣ, идеалъ утилитарной школы до такой степени близко подходитъ къ идеалу справедливости покоющемуся на идеѣ свободы, что обѣ школы сливаются воедино. Можно видѣть, что выводы Стюарта Милля и Герберта Спэнсера даже самыя формулы деклараціи правъ человѣка.

Тѣмъ не менѣе утилитаризмъ остается связаннымъ можно даже сказать спаяннымъ съ своимъ основнымъ принципомъ. Даже когда онъ приближается къ либерализму по своимъ выводамъ, онъ глубоко отъ него отличается по своему духу; при первомъ же случаѣ, обнаруживается глубокое разногласіе въ ихъ тенденціяхъ. Дѣйствительно всѣ англійскіе публицисты въ одномъ отношеніи до сихъ поръ остаются приверженцами Бэнтама, именно въ томъ, что всѣ они разсматриваютъ свободу не какъ принципъ или цѣль, а исключительно, какъ средство или орудіе. Хотя они ее превозносятъ и отводятъ ей широкое мѣсто, но это не ради ее самой, это, исключительно, потому, что они считаютъ ее полезной какъ занимающую возвышенное положеніе въ іерархіи интересовъ; отсюда получается слѣдствіемъ то, что ее подчиняютъ какъ въ теоріи такъ и на практикѣ случайнымъ соображеніямъ пользы. Въ такомъ случаѣ получается весьма длинная дистанція отъ принципа деклараціи правъ. Различіе между двумя системами полностью обнаруживается изъ того любопытнаго и характернаго опредѣленія права лица, которое дѣлаетъ Стюартъ Милль. Онъ видитъ въ немъ лишь такое право, дарованіе котораго въ интересахъ самого общества. Послѣ того, какъ онъ его, такимъ образомъ, опредѣлилъ,

онъ добавляетъ: «И если у меня спросятъ, съ какой стати будетъ вамъ общество его обезпечивать, то у меня не найдется болѣе вѣскаго довода чѣмъ то соображеніе, что это дѣлается для общей пользы». Старый духъ утилитарной школы, тотъ самый, который вдохновлялъ Бэнтама, возстаетъ здѣсь во всей своей полнотѣ и со всѣми своими требованіями; въ самомъ дѣлѣ, если допустить, что право есть уступка, дѣлаемая обществомъ въ собственномъ интересѣ, то какую гарантію можетъ имѣть лицо противъ государства? Что станется съ нимъ въ тотъ день, когда будетъ признано верховной властью, являющейся орудіемъ общаго интереса, что уничтоженіе какого нибудь права, хотя-бы даже и самого основновного, полезно для этого интереса, что это уничтоженіе по обстоятельствамъ даннаго момента именно и есть довлѣющій интересъ. Бэнтамъ не испытывалъ ни малѣйшихъ сомнѣній въ отношеніи этихъ вопросовъ, такъ какъ онъ признавалъ идею права за анархическое представленіе. Не больше испытывалъ ихъ и Стюартъ Милль: «Справедливость есть слово, обозначающее извѣстныя нравственныя потребности, которыя, принятыя въ своей совокупности, занимаютъ болѣе высокую ступень въ лѣстницѣ общественныхъ полезностей и обладаютъ болѣе высокой степенью обязательности, чѣмъ всѣ остальныя потребности нравственности. Тѣмъ не менѣе въ отдѣльныхъ случаяхъ, другія общественныя обязанности могутъ стать столь важными, что имъ должно быть отдано предпочтеніе предъ всѣми общими соображеніями нравственности».

Въ концѣ концовъ, развѣ это не равносильно утвержденію, что справедливость должна уступать свое мѣсто, когда того требуетъ интересъ? Со времени Бэнтама Англія, какъ бы пропитана этой мыслію. Ея философы ее проповѣдуютъ; ея государственные люди безъ зазрѣнія совѣсти примѣняютъ ее на практикѣ въ общественной жизни; частныя лица неукоснительно ею руководствуются въ борьбѣ за существованіе въ своей частной жизни. Какое освѣщеніе для характера и политики страны. Почти единственный Гербертъ Спэнсеръ протестуетъ противъ «великаго суевѣрія», но чѣмъ болѣе онъ протестуетъ, тѣмъ болѣе онъ впадаетъ въ расколъ и становится отступникомъ, такъ какъ этимъ самымъ онъ разстается съ теоріей утилитаризма, который признается священнымъ завѣтомъ. Онъ отъ него отступаетъ, если не полностью, то, по крайней мѣрѣ, говоритъ онъ, «отъ того его вида, въ которомъ оно обыкновенно принимается», такъ какъ, въ томъ видѣ, въ какомъ оно обыкновенно принято оно не истинно?» Несомнѣнно это признаніе стоитъ запомнить. «Находящіяся нынѣ въ обращеніи утилитарныя воззрѣнія», продолжаетъ онъ, «также какъ и нынѣшняя практика государственныхъ дѣятелей обнаруживаютъ, что естественныя отношенія обусловливаются недостаткомъ совѣстливости. Ни хорошія, ни плохія явленія не могутъ быть случайны они суть необходимыя слѣдствія природы вещей, основныхъ фактовъ; и дѣло

науки вывести законы жизни и условія существованія, какой родъ дѣйствій обусловливаетъ производство блага, и какое производство зла.... Также и польза, не по эмперической оцѣнкѣ, а при раціоналистическомъ опредѣленіи этого понятія, требуетъ охраны правъ лица и, слѣдовательно, запрещаетъ все, что можетъ этому противорѣчить».

При развитіи этого ученія до такихъ предѣловъ можно быть утилитаристомъ только по названію, такъ сказать по принадлежности къ англійской націи; высказывающій такія воззрѣнія на самомъ дѣлѣ раціоналистъ или весьма близокъ отъ того, чтобы превратиться въ таковаго и во всякомъ случаѣ онъ безконечно далекъ отъ Бэнтама. «Необходимыя слѣдствія природы вещей», «естественные законы человѣческой природы», «права лица».... не есть ли это все мысли Монтескье?

117. Жофруа въ своемъ «курсѣ естественнаго права» отказывается считать Бэнтама въ числѣ философовъ; онъ просто причисляетъ его къ законовѣдамъ. Законовѣды же, въ свою очередь, считаютъ, что его неправильно причисляютъ къ теоретикамъ естественнаго права и признаютъ его мѣсто среди экономистовъ. И, дѣйствительно, въ политической экономіи идея пользы получаетъ свою истинную роль и сферу своего законнаго проявленія.

Науки нравственнаго порядка всѣ имѣютъ общую цѣль, заключающуюся въ выясненіи законовъ человѣческой природы и въ выясненіи посредствомъ нихъ истинныхъ интересовъ общества. Но каждая изъ нихъ разсматриваетъ отдѣльный родъ явленій и онѣ должны оставаться отличны другъ отъ друга, не взирая на свое сходство подъ рискомъ потерять свою обособленность, свое самостоятельное назначеніе; только изъ комбинаціи добытыхъ ими въ отдѣльности истинъ можетъ возникнуть хорошая организація общественнаго порядка. Но политическая экономія имѣетъ свою спеціальную задачу: изученіе потребностей человѣка и наилучшихъ способовъ ихъ удовлетворенія. Если она есть любимая наука XIX вѣка, то это потому, что величайшей заботой настоящаго времени является участь слабыхъ и несчастныхъ, и что задача предстоящая разрѣшенію подъ названіемъ соціальнаго вопроса состоитъ въ обезпеченіи жизненныхъ условій и въ построеніи ихъ на болѣе справедливыхъ началахъ. Такъ какъ благосостояніе каждаго отдѣльнаго человѣка зависитъ отъ планомѣрности развитія общаго благосостоянія, то наука эта естественно должна была сосредоточиться на изслѣдованіи условій, наиболѣе благопріятствующихъ прогрессу человѣческой дѣятельности. Такимъ образомъ эта наука возникла изъ потребности времени; она руководитъ всѣми злободневными вопросами, въ настоящее время нѣтъ ни одной законодательной задачи, которая не несла бы на себѣ экономической окраски, такъ какъ всякое хорошее законодательство является самымъ могущественнымъ пособникомъ развитію богатствъ. Идетъ ли

рѣчь о расширеніи правъ государства, или объ организаціи собственности, или объ упорядоченіи договорныхъ отношеній или часто даже о самыхъ условіяхъ личности, тотчасъ же возникаетъ вопросъ, либо по отношенію къ производству, либо по отношенію распредѣленія богатствъ, либо по отношенію выгоды пользованія ими, благопріятны ли или вредны имъ данныя установленія? Отсюда слѣдуетъ, что законы политической экономіи обозначили собою цѣль, по направленію которой должны стремиться законы человѣческіе, которая служитъ болѣе опредѣленной, чѣмъ въ былыя времена, путеводной нитью въ законодательномъ творчествѣ, отсюда вытекаетъ, что эти законы устанавливаютъ новую точку зрѣнія на право, съ которой оно должно быть разсматриваемо [1])

118. Вытекаетъ ли отсюда, что право сливается съ политической экономіей или зависитъ отъ нея? Вопросъ этотъ поставленъ и служитъ предметомъ обсужденія. Нѣкогда Платонъ, во имя добродѣтели почитаемой имъ за конечную цѣль государства, желалъ, чтобы управленіе довѣрено было мудрецамъ; экономисты нашихъ дней провозглашаютъ свои притязанія на него во имя идеи пользы, имъ принадлежащей и, по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ нихъ, принадлежащей имъ исключительно. Притязанія эти достигаютъ такихъ предѣловъ, что право нашихъ дней должно защищать свою независимость противъ политической экономіи, также точно какъ оно должно было ее завоевывать въ XIII вѣкѣ у теологіи [2]) Такъ, напр., Курсель-Сенейль, выставляетъ пожеланіе учрежденія такого «высшаго судилища», составленнаго изъ экономистовъ, которое имѣло бы своимъ назначеніемъ и обладало бы властью заставить уважать принципы своей науки «составителями законовъ» [3]). Необдуманное желаніе, свидѣтельствующее о тенденціяхъ въ высшей степени назависимаго и односторонняго духа. Есть цѣлая сторона жизни, ускользающая отъ взоровъ экономистовъ: это сторона пси-

---

[1] Одинъ извѣстный и тонкій публицистъ, Бутми, въ одной статьѣ, надѣлавшей достаточно шуму, отрицаетъ пользу взаимности изслѣдованія политической экономіи и права. «Отношенія права», говоритъ онъ, «къ политической экономіи весьма узки, спеціальны, почти безплодны сами по себѣ и мало плодотворны по отношенію остальныхъ наукъ.... Взамѣнъ того малаго, что политическая экономія даетъ гражданскому праву, она ничего или почти ничего не получаетъ отъ него». (Journal L'Universitete, N du 25 sentembre 1889).

[2]) Въ томъ, что касается права, продолжительный опытъ публичнаго преподаванія и тѣхъ пріемовъ, которыми оно пользуется дозволяетъ мнѣ положительно утверждать, что это мнѣніе во всѣхъ отношеніяхъ неправильно. Введеніе политической экономіи на юридическіе факультеты, напротивъ того, возымѣло самыя благотворныя послѣдствія: оно расширило горизонты; менѣе чѣмъ въ двадцать лѣтъ, духъ политической экономіи вліяніемъ своего соприкосновенія, проникъ все преподаваніе и освѣтилъ критику. Можно ли отрицать, что новыя воззрѣнія и новыя точки зрѣнія, прежде остававшіяся втунѣ, подъ этимъ плодотворнымъ вліяніемъ обогатили и оживили всѣ отрасли юридическаго преподаванія?

[3]) Preparation à l'ètude du droit стр. 246. – Можно прочесть въ политико-экономическомъ словарѣ Гильомэна, который можетъ быть разсматриваемъ какъ уставъ экономическаго правовѣрія. Единственный Бэнтамъ указалъ вѣрный путь, по которому нравственныя и политическія науки могутъ двигаться впе-

хологическая. Они не задаются цѣлью выясненія мотивовъ, опредѣляющихъ человѣческія дѣйствія; интересъ,—вотъ единственный объектъ ихъ изслѣдованій, средства его обезпеченія составляютъ ихъ единственную цѣль. Привыкнувъ смотрѣть на вещи подъ этимъ угломъ зрѣнія, они естественно склонны не признавать другихъ точекъ зрѣнія; и поэтому, будучи уполномочены составить «высшее судилище», согласно желанію Курсель-Сенейля, не рѣшились-ли бы они забыть, что порядокъ зависитъ не только отъ развитія богатствъ и гармоніи интересовъ, но также и отъ уваженія къ правамъ и отъ нормальнаго отношенія къ свободамъ, что съ необходимостью вызываетъ подчиненіе человѣческой дѣятельности понятію справедливости? Нѣтъ, нельзя исключительно соображеніями интереса разрѣшить тѣ вопросы, которые касаются того, что составляетъ самую основу жизни; и, слѣдовательно политическая экономія не есть единственная госпожа въ мірѣ. Не она разъяснила понятіе права лица, принципа и основанія естественнаго права; не она также, въ потокѣ времени, занималась изслѣдованіемъ условій, при которыхъ, согласно формулѣ Канта, свобода каждаго совмѣстима съ свободою всѣхъ; она игнорируетъ ту высшую область, состоящую изъ идей, чувствъ и традицій, которыя вростаютъ, внѣдряются въ публичное право народовъ, наконецъ, хотя она и констатируетъ благодѣтельность человѣческой свободы, но она не говоритъ при какихъ условіяхъ эта свобода, имѣющая также свои законы, которые не могутъ быть безнаказанно обойдены, возможна. Тщетно доказывали, что полезное почти всегда, или, если угодно, даже и всегда, совпадаетъ съ справедливымъ. Тутъ есть несомнѣнное соотношеніе и, конечно, весьма разительное; но изъ того, что политическая экономія укрѣпила значеніе нравственности, доказавъ пользу выставленныхъ нравственностью великихъ принциповъ, нельзя еще выводить заключеніе, что она поглощаетъ нравственность; и изъ того, что она укрѣпила значеніе естественнаго права, обнаруживъ, что ея собственныя воззрѣнія въ большинствѣ случаевъ совпадаютъ съ прецептами справедливости нельзя еще выводить заключеніе, что естественное право есть из-

---

редъ, и если народамъ Европы удастся, когда нибудь внести свѣтъ въ хаосъ своихъ законодательствъ, видоизмѣнить ихъ по направленію къ ихъ истиннымъ интересамъ, то это произойдетъ не иначе, какъ путемъ слѣдованія принципамъ Бэнтама. Мы знаемъ, что этотъ принципъ былъ забытъ и поруганъ во Франціи, школою мнимыхъ философовъ, которымъ до сихъ поръ удавалось навязывать и выдавать туманныя мечтанія своего воображенія за необходимыя условія развитія чувствъ; но мы не думаемъ, чтобы образованная часть нашего населенія, еще долго поддавалась обману этого шарлатанства; принципъ пользы; въ томъ видѣ, какъ онъ былъ выставленъ Бэнтамомъ и его свѣтлыми учениками, со времени своего появленія сталъ неоспоримъ для всѣхъ, обладающихъ яснымъ умомъ и стремящихся уразумѣть тѣ положенія, существованіе которыхъ они допускаютъ. См. Бэнтамъ t. I p. 158. Авторъ этой статьи преисполненный такта, чувства мѣры и изысканности, какъ видно, не счелъ возможнымъ подписаться.

ветшалая мысль, уже вышедшая изъ моды. Польза, благо и справедливость согласуются, граничатъ другъ съ другомъ, но онѣ не сливаются. Польза сама по себѣ не вызываетъ никакого философскаго понятія; хотя искусство составленія законовъ, законодательная тактика состоятъ ея данниками, но принципы и цѣль, къ которой надлежитъ стремиться, находятся внѣ ея и надъ ней: интересъ не можетъ и не долженъ искать своего удовлетворенія иначе, какъ въ границахъ права.

Тѣмъ, которые отрицаютъ то, что они иронически называютъ концепіями философіи права, и не допускаютъ другихъ задачъ, кромѣ тѣхъ, которыя укладываются въ области пользы, часто говорятъ: «берегитесь, чтобы своимъ признаніемъ свободы лица, собственности, свободы труда, торговли и ассоціацій, лишь простыми вопросами пользы, вы не предоставили эти права на волю законодателя, столь склоннаго, въ особенности въ демократіяхъ, стать высшимъ судьей общественной пользы». Событія болѣе чѣмъ оправдали эти опасенія. Кризисъ, который въ настоящее время испытываетъ политическая экономія, пораженія нанесенныя ея предполагаемымъ интересамъ, почитавшимся уже окончательно установленными, а на самомъ дѣлѣ оказавшимися преходящими или просто кажущимися интересами, не свидѣтельствуютъ ли они объ опасности превозношенія пользы надъ правдой?

§ 4.—Историческая школа.

119. Уже много разъ было замѣчено, что германская раса склонна къ мистицизму и фатализму. Она обладаетъ въ высшей степени склонностью и, какъ бы, потребностью подчиниться власти, которая направляла бы ея волю и даже внушала бы ей страхъ и насильственно влекла бы за собой. Въ этомъ кроется причина, почему въ области философіи она склоняется и постоянно возвращается къ пантеизму; отъ этого также происходитъ, что въ области политики предметъ ея культа составляетъ сила: въ гражданской жизни она подчиняется до обезличенія Herrschaft'у, понятію одновременно выражающему силу авторитета и силу власти, и происходитъ это отъ врожденной у ней тенденціи къ обезличенію лица предъ представленіемъ объ идеѣ самодовлѣющей и независимой отъ человѣка эволюціи. Міръ движется по своему пути самъ по себѣ и совершенно самостоятельно, безъ необходимости ему въ этомъ споспѣшествовать и безъ возможности его остановить въ этомъ движеніи; жизненныя потребности развиваются согласно законамъ, вытекающимъ изъ ихъ естества. Въ этомъ заключается основа всей метафизики по ту сторону Рейна, хотя и обладающей различными оттѣнками въ формахъ своего выраженія. Въ этомъ вмѣстѣ съ тѣмъ, заключается источникъ всѣхъ научныхъ доктринъ

юридическихъ и политическихъ; порядокъ, во всякомъ случаѣ разсматривается какъ сообразность съ міровой эволюціей.

Поэтому, если Кантъ и будилъ въ человѣкѣ чувство личнаго достоинства и чувство присущаго ему права, то это происходило вслѣдствіе того, что онъ былъ солидаренъ съ французской философіей XVIII вѣка и не признавалъ основныхъ тенденцій генія своей страны. И это тѣмъ болѣе, что до него Германія оставалась совершенно чуждой тому движенію, которое въ Англіи и Франціи послѣ Локка и Монтескье выясняло и укрѣпило на незыблемой твердынѣ идею гражданской и политической свободы. Лейбницъ, въ XVII вѣкѣ, въ своей обширной системѣ міровой гармоніи, отождествилъ справедливость съ благомъ, выдвинулъ въ качествѣ принципа права, Богомъ установленный, нравственный порядокъ и свелъ назначеніе закона къ совершенствованію человѣка и общества, согласно божескаго порядка; въ смыслѣ ученія это чистой воды платонизмъ. Вольфъ, въ XVIII вѣкѣ, преслѣдуя практическое примѣненіе ученія Лейбница въ порядкѣ гражданскихъ и политическихъ отношеній, не пошелъ далѣе представленія о просвѣщенномъ и разумномъ деспотизмѣ, въ томъ видѣ въ какомъ это понималъ Фридрихъ II; это было ученіе чистѣйшаго абсолютизма. Система Канта, появившись въ средѣ общественной мысли, приготовленной въ этомъ направленіи, превозглашавшая автономію воли, видѣвшая въ самомъ человѣкѣ конечную его цѣль, далеко не отвѣчая запросамъ Германской мысли, была ей прямо противуположна; она представляла изъ себя лишь случайную вылазку въ области идеализма. Исчезъ великій философъ и германская философія снова, въ нѣкоторомъ родѣ, свернула съ даннаго ей направленія; она рѣзко возвратилась на путь натурализма, то развивая, то тормозя его идею, но оставаясь неизмѣнно къ ней прикованной, пока не привела въ своемъ конечномъ выводѣ къ фатализму.

120. Въ видѣ реакціи противъ Канта и его системы возникла Историческая Школа. Она появилась въ началѣ XIX вѣка, въ то время, когда счастье начало измѣнять французскому оружію, появилась, въ качествѣ внѣшняго проявленія и пробужденія германскаго духа, въ качествѣ національнаго протеста противъ чужеземной идеи, нашедшей себѣ откликъ въ ученіи Кенигсберскаго философа. Споръ, по совершенно частному поводу и касавшійся совершенно случайнаго и временнаго интереса, послужилъ причиной ея возникновенія: это былъ споръ по вопросу о кодификаціи. Тибо, въ гораздо большей степени занятый вопросами практической необходимости, чѣмъ отвлеченнаго мышленія, издалъ въ 1816 году свою книгу о необходимости общаго Гражданскаго Уложенія для Германіи по примѣру Французскаго Уложенія; Савиньи, во имя національныхъ обычаевъ и неприкосновенности ихъ историческаго развитія, отвѣтилъ своимъ знаменитымъ сочиненіемъ: «О призваніи нашего времени къ законодательству и изученію

юридическихъ наукъ», сочиненіе это стало манифестомъ всей школы. Тибо возразилъ. Въ цѣляхъ развитія и защиты своихъ идей Савиньи основалъ вмѣстѣ съ Эйхгорномъ и Гешеномъ журналъ Zeitschrift für geschichtliche Rechtwissenschaft; съ этого времени школа окончательно утвердилась въ своемъ направленіи и усвоила свое названіе Исторической Школы.

Ея принципъ это идея пантеизма въ примѣненіи къ праву. Установленія и законы не суть разумныя и свободныя произведенія человѣческой воли, но суть продукты времени и, слѣдовательно, результатъ исторіи; они рождаются изъ инстинктивныхъ тенденцій національнаго хорактера и развиваются подъ вліяніемъ дѣйствія скрытыхъ силъ, также точно, какъ языкъ и нравы; ихъ не создаютъ они сами растутъ. Поэтому обычай есть самая совершенная форма права, единственно разумная, такъ какъ только она самопроизвольна; обычай есть право самодовлѣющее, живая идея, постоянно и безконечно прогрессирующая. Напротивъ того, вмѣшательство законодателя въ дѣло законодательной кодификаціи носитъ въ себѣ начало принужденія, такъ какъ оно неминуемо препятствуетъ естественной эволюціи; сверхъ того оно порождаетъ для науки состояніе застоя, затрудняющее прогрессъ, такъ какъ оно ограничиваетъ научное изслѣдованіе предѣлами текстовъ. Къ этому Савиньи добавляетъ: «Дѣйствительно, кодексы закрѣпляютъ законодательство въ томъ состояніи, въ которомъ оно находилось въ моментъ кодификаціи; они дѣлаютъ его неподвижнымъ и лишаютъ его тѣхъ послѣдовательныхъ и необходимыхъ улучшеній, которыя естественно несетъ съ собою историческій и научный прогрессъ». Такимъ образомъ, чѣмъ ограниченнѣе воздѣйствіе законодателя на право, тѣмъ больше мѣста остается для такого воздѣйствія обычаю, тѣмъ больше обезпеченъ и уважается прогрессъ, такъ какъ «сущность развивается согласно законамъ своего естества»; ростъ общественнаго самосознанія во всякой странѣ, именно, и измѣряется размѣрами той сферы, которая предоставлена дѣйствію обычая и степенью вліянія обычая въ этой сферѣ.

Не только законъ, являющійся мѣстнымъ и преходящимъ внѣшнимъ проявленіемъ права, происходитъ отъ традиціи и времени, но также и принципъ, изъ котораго вытекаютъ законы или, иначе говоря, самый принципъ права. Въ противоположность Канту, который ищетъ его и находитъ его въ человѣкѣ, Историческая Школа признаетъ за нимъ совершенно объективное существованіе, какъ нѣчто реально существующее, живущее совершенно независимо отъ какой бы то ни было воли личной или коллективной; она ставитъ его внѣ и надъ явленіями, въ дѣйствіи, предсуществующемъ всякому ихъ развитію, внѣ и надъ человѣкомъ, въ національной совѣсти и признаетъ его такимъ, какимъ онъ этою совѣстью традиціонно понимается: это постоянная сила. обнаруживающаяся и развивающаяся въ собирательномъ творчествѣ смѣ-

няющихся поколѣній, это «внутренній и закономѣрный продуктъ исторіи», какъ выразился Іерингъ пятьдесятъ лѣтъ спустя.

121. Насколько основныя положенія, выдвинутыя этимъ споромъ, кажутся въ настоящее время, всего полвѣка спустя, далекими, устарѣлыми и неубѣдительными. Съ теченіемъ времени одинъ по одному они всѣ утратили свое значеніе. Отъ великаго спора ничего не осталось. Исторической Школѣ, столь блестящей при своемъ возникновеніи, столь сильной своей ученностью и столь плодотворной своими прекрасными научными изслѣдованіями, суждено было, по крайней мѣрѣ въ ея первоначальной формѣ, имѣть лишь блестящую вспышку, лишенную дальнѣйшаго развитія.

Можно сказать, что вопросъ кодификаціи разрѣшенъ; онъ даже разрѣшенъ въ Германіи, вопреки Савиньи. Съ одной стороны доказано что кодификація, разумно понимаемая, т. е. свободная отъ опаснаго заблужденія, желать все предвидѣть и все регулировать, ограниченная формулировкой общихъ положеній, изъ которыхъ вытекаютъ практическія приложенія, словомъ, такая кадификація, которая примѣнена была въ новѣйшее время, представляетъ собою благодѣяніе; писанныя и точно установленныя правила устраняютъ возможность произвола, они даютъ возможность интересамъ развиваться въ большой безопасности, они отвѣчаютъ несомнѣнной потребности свободныхъ народовъ; незыблемости и гласности права. Съ другой стороны также признано, что далеко отъ того, чтобы служить помѣхой научному прогрессу, кодификація создаетъ ему, напротивъ того, лучшія условія. Дѣйствительно, законодательное творчество никогда не завершится, или точнѣе оно непрерывно возобновляется; никакой законъ не остановитъ его развитія. Судьбѣ человѣчества свойственно чтобы все въ ней состояло изъ движенія, превратностей и раздѣленія. Каждый день прогрессъ идей, практическія потребности, побужденія личныхъ интересовъ порождаютъ новыя непредвидѣнныя точки зрѣнія, комбинаціи наканунѣ еще не извѣстныя, изъ которыхъ вытекаютъ новыя теоріи; такъ что, когда достигнутые результаты получили свою научную обработку и опредѣленіе, зиждительная работа снова тотчасъ начинается для тѣхъ новыхъ сторонъ, которыя эволюція повелѣваетъ выдвинуть впередъ. И такимъ образомъ кодификація, устанавливая простымъ, яснымъ и краткимъ языкомъ тѣ идеи справедливость и полезность которыхъ общепризнана, предоставляя свободному обсужденію вопросы, еще неразрѣшенные, далеко отъ того, чтобы убивать науку какъ то предполагалъ Савиньи, напротивъ того приготовляетъ болѣе благопріятныя условія для ея развитія, обезпечивая одновременно въ справедливой мѣрѣ устойчивость и прогрессъ.

122. Въ другомъ отношеніи школа Савиньи имѣла болѣе прямое и продолжительное вліяніе. Больше чѣмъ до того времени, она выдвинула всю внутреннюю цѣнность и важность историческихъ

началъ для искусной кодификаціи; и этимъ самымъ она возбудила здоровую реакцію противъ злоупотребленія духомъ философствованія, противъ столь распространенной въ концѣ XVIII вѣка тенденціи считать, что можно по произволу перекраивать и передѣлывать человѣческія общества, не сообразуясь съ закономъ исторической послѣдовательности. Что же касается до необходимости принимать въ соображеніе случайности и особенности даннаго времени, то въ этомъ нѣтъ ничего оригинальнаго принадлежащаго Савиньи или его ученикамъ. Кто на самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ невѣждъ, когда либо сомнѣвался въ томъ, что предшествующая исторія и традиціи народа вліяютъ на его установленія и на ихъ развитіе? Кто же на самомъ дѣлѣ кромѣ сумасшедшихъ или утопистовъ не клеймилъ глупостью отрицаніе прошедшаго, отъ котораго мы произошли?

«Духъ Законовъ» представляетъ изъ себя ничто иное какъ пространное изложеніе тѣхъ идей, которыя Историческая Школа вызвала въ качествѣ своихъ принциповъ: «Законы», говоритъ Монтескье, «должны быть именно присущи данному народу, для котораго они составлены, такъ какъ является большой случайностью, чтобы законы одной націи подходили для другой, нужно чтобы они находились въ соотношеніи съ характеромъ и принципомъ правленія... Они должны соотвѣтствовать природѣ страны холодному, горячему или умѣренному климату, качеству земли, ея положенію, ея величинѣ, роду жизни народовъ, землепашцевъ, охотниковъ или пастуховъ; они должны соотвѣтствовать степени допустимой строемъ данной страны свободы, религіи жителей, ихъ склонностямъ, ихъ богатствамъ, ихъ количеству, ихъ торговлѣ, ихъ правамъ, ихъ обычаямъ. Наконецъ, они обладаютъ взаимными отношеніями между собою, обладаютъ таковыми къ источникамъ своего возникновенія, къ цѣлямъ законодателя, къ тому порядку вещей для урегулированія котораго они установлены. Надлежитъ ихъ разсмотрѣть со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія. Это и составляетъ предметъ моего изслѣдованія въ этомъ сочиненіи. Я разсмотрю всѣ эти отношенія: они образуютъ въ своей совокупности то, что называется «Духомъ Законовъ». Порталисъ, въ предварительномъ вступленіи къ Гражданскому Кодексу былъ лишь эхомъ этихъ идей, когда онъ значительно до появленія Савиньи писалъ: «Кодексы народовъ творятся временемъ, точнѣе сказать ихъ никто не творитъ».

123. Единственная сторона дѣйствительно оригинальная у Исторической Школы и характеризующая ея систему это, помимо услуги оказанной искусству кодификаціи, тотъ уголъ зрѣнія, который она приняла по отношенію къ философскому принципу права. Но въ этомъ отношеніи неудача этой Школы была полная и она тотчасъ потеряла свой авторитетъ. Дѣйствительно, что это за сверхчувственный и предуставленный законъ, который предсуществуетъ всякому развитію явленій и который познается націо-

нальною совѣстью, который предначертываетъ человѣку пути, по которымъ онъ движется и по которымъ онъ долженъ двигаться? Школа не раскрыла своей тайны; также не раскрылъ ее никто другой. Такимъ образомъ оказалось, что школа воздвигала свое зданіе въ пустомъ пространствѣ; ея точка отправленія обрекала ее на безсиліе. Пусть у нея не спрашиваютъ, какія ея принципы въ отношеніи великихъ вопросовъ возбужденныхъ уже въ теченіи вѣковъ: ея система, именно, и заключается въ томъ, чтобы таковыхъ не имѣть и предоставить все творческой силѣ времени; пусть у нея также не спрашиваютъ свободенъ ли человѣкъ и обладаетъ ли онъ естественными правами: лицо, взятое въ отдѣльности такъ мало значитъ предъ общимъ порядкомъ, который, единственный, имѣетъ довлѣющее значеніе въ глазахъ Государства, стража или представителя этого порядка; наконецъ, пусть также не спрашиваютъ у ней, какова та, руководящая идея, которая направляетъ законодателя: устремивъ свои взоры въ прошлое, она ничего не можетъ отвѣтить человѣку, котораго мучаетъ пытливость познанія цѣли, къ которой ему надлежитъ стремиться. Тѣмъ не менѣе, одна изъ несомнѣнныхъ истинъ, одновременно провозглашенныхъ опытной наукой и психологіей, есть та, что человѣкъ не можетъ существовать безъ идеала, сколь бы онъ не былъ отдаленъ, хотя бы даже совсѣмъ не достижимъ. Онъ ему нуженъ какъ кормчій, это достовѣрно; онъ ему нуженъ исключительно для жизни, такъ какъ жить значитъ желать и дѣйствовать. Отказать ему во всякомъ вліяніи на собственную судьбу, сдѣлать изъ него игрушку закона Эволюціи, который ему чуждъ, такъ какъ онъ выходитъ изъ предѣловъ его пониманія, это равносильно лишенію человѣка того, что составляетъ всю его силу: это лишеніе его чувства отвѣтственности; это уничтоженіе въ немъ источника всякой радости: стремленія и удовольствія ощущенія жизни, которое имъ порождается; наконецъ, это равносильно отрицанію самаго властнаго изъ законовъ его природы, такъ какъ, вопреки препятствій, преграждающихъ и стѣсняющихъ его стремленія, человѣкъ чувствуетъ въ себѣ очагъ дѣятельности жизни, неустанный позывъ къ лучшему и потребность также какъ и желаніе его достигнуть.

Вотъ почему, еще до наступленія 1820 года, едва прошло нѣсколько лѣтъ послѣ знаменитаго спора о кодификаціи, Историческая Школа, подвергнувшись многочисленнымъ со всѣхъ сторонъ нападкамъ, начала исчезать или, по крайней мѣрѣ, видоизмѣняться. Гегель и его ученики, въ особенности Гансъ, упрекали ее въ индиферентизмѣ къ философіи; они ее обвиняли въ томъ, что она, признавая въ правѣ лишь цѣпь фактовъ и обычаевъ, смѣшиваетъ его съ закономъ, изгоняетъ всякіе принципы и цѣли правъ, наконецъ, въ томъ, что она не придавала никакого значенія вопросу о человѣческой свободѣ и тѣмъ самымъ уничтожала волю, источникъ всякаго прогресса. Произнесенный съ этого времени приго-

воръ остался безъ возраженій; ученіе Савиньи и его учениковъ, романтиковъ, какъ ихъ прозвалъ Блунчли, съ этого времени окончательно осуждено германской наукой. Вотъ какъ объ немъ высказывается Іерингъ: «Будучи неправильно въ теоріи, но безопасно, оно содержитъ въ себѣ въ качествѣ политическаго ученія, одну изъ самыхъ отвратительныхъ ересей, какую только можно себѣ представить, такъ какъ относительно области, въ которой человѣку надлежитъ дѣйствовать, дѣйствовать съ полнымъ и яснымъ сознаніемъ цѣли, и съ приложеніемъ всѣхъ своихъ силъ, она его обольщаетъ, заставляя его думать, что вещи складываются сами собою, что ничего не можетъ быть правильнѣе, какъ, сложивши руки, выжидать съ полной довѣрчивостью то, что, мало по малу, постепенно, выясняется воображаемымъ первоисточникомъ права— національной совѣстью».

124. Правда, что и гегелліанская философія также носитъ на на себѣ, главнымъ образомъ, историческое направленіе. Тѣмъ не менѣе она отличается отъ Савиньи и его школы въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ, вмѣсто того, чтобы быть мѣстной и искать принципъ права въ инстинктахъ національнаго характера, она въ нѣкоторомъ родѣ обобщается и ищетъ принципъ въ необходимомъ развитіи Міровогo Духа; кромѣ того, безсознательному творчеству времени она противуполагаетъ подлинное право человѣчества на самоустановленіе, на саморазвитіе; самодовлѣюще развивающемуся, подъ вліяніемъ національныхъ инстинктовъ, обычаю, она противуполагаетъ живое чувство стремленія къ осуществленію опредѣленной конечной миссіи. Другими словами, философія права сливается и отождествляется съ филсософіей исторіи.

Право, освобожденное отъ своихъ преходящихъ формъ, или, иначе говоря, разсматриваемое въ противуположеніи къ закону, есть Міровой Духъ, который, развиваясь движется впередъ въ потокѣ времени. Формула его вырабатывается міровой исторіей, и она есть ничто иное какъ формула абсолютнаго духа, все болѣе и болѣе проникающагося самосознаніемъ; онъ воплощается въ Государствѣ или, точнѣе, въ послѣдовательной смѣнѣ Государствъ, которыя представляютъ изъ себя какъ бы вѣхи, отмѣчающія участки дороги. Каждый народъ воплощаетъ идею, представляющую исключительно его духъ; каждый отдѣльный духъ соотвѣтствуетъ отдѣльной эпохѣ въ развитіи Міровогo Духа, послѣдовательно представляемаго разными націями. Этотъ Міровой Духъ въ прошломъ былъ послѣдовательно представляемъ міромъ восточнымъ, міромъ греческимъ и міромъ латинскимъ; въ настоящее время онъ представленъ германскимъ міромъ, въ которомъ духъ познавшій себя въ полной мѣрѣ осуществляетъ абсолютную истину. Но, въ то время, когда тотъ или другой народъ является высшимъ представителемъ эволюціи, остальные народы утрачиваютъ свое значеніе; такимъ образомъ конечная судьба предначертанная роду человѣ-

ческому есть полное поглощеніе германской гегемоніей. Право новаго и будущаго міра есть германское право.

Повидимому авгуры нашего времени серьезны; въ противуположность своимъ римскимъ собратьямъ, какъ о томъ повѣтствуетъ старикъ Катонъ, они сами надъ собою не смѣются. Кантю (Cantu) приводитъ это поразительное мѣсто изъ сочиненій Гегеля, не указавъ источника: «Міръ развивается въ четыре эпохи; послѣдней величайшей будетъ эпоха германская. Тогда одинъ народъ будетъ представлять духъ; преисполненный чести и богатства, онъ будетъ господствовать надъ остальными націями непреодолимымъ могуществомъ своего духа; предъ его лицомъ ни одинъ другой народъ не сохранитъ никакого права», вся философія исторіи Гегеля вмѣщается въ этихъ строкахъ. Метафизикъ тутъ выступаетъ съ отвлеченіями, принимаемыми имъ за реальности, что составляетъ обычный его пріемъ, и не заботится объ указаніи источника, откуда они проистекаютъ, или который придаетъ имъ авторитетъ; затѣмъ онъ развиваетъ свои дедукціи какъ бы въ сновидѣніи, въ которомъ все находилось бы въ логической связи; въ концѣ концовъ онъ приходитъ къ своеобразному міропониманію, покоющемуся на гипотезѣ конечнаго и предначертаннаго судьбой первенства германской расы.

Несомнѣнно, остается невыясненнымъ, въ чемъ же заключается та идея, которую представляетъ эта четвертая міровая эпоха, послѣдняя и окончательная выразительница права. Но Гегелевская система, именно благодаря тому, что она представляетъ изъ себя космологію, не даетъ на это отвѣта; или по крайней мѣрѣ, она касается этого лишь въ апокалиптическихъ выраженіяхъ. Будущее раскроетъ тайныя тьмы, такъ какъ исполнится всякое назначеніе; fata volentem ducunt, nolentem trahunt.

125. Чѣмъ становится право лица съ точки зрѣнія этой мечтательной метафизики? Для него болѣе не остается мѣста; оно исчезаетъ. Въ первой своей фазѣ Историческая Школа имъ пренебрегала, видя въ немъ лишь простое явленіе подобное всѣмъ прочимъ, простой фактъ; въ второй своей фазѣ она окончательно его отрицаетъ и не могла избѣжать этого отрицанія. Дѣйствительно, конечная цѣль природы, по Гегелю, не человѣкъ, но вѣчное предопредѣленіе, слѣпая и всемогущая сила; также точно, какъ отдѣльные народы существуютъ лишь только для того, чтобы представлять ту или другую эпоху человѣчества, эволюція Мірового Духа, также точно и отдѣльныя лица существуютъ и имѣютъ значеніе лишь въ качествѣ орудій выполненія задачи предначертанной Государству или точнѣе, послѣдовательной смѣнѣ Государствъ. «Но, какая можетъ быть свобода», какъ то замѣчаетъ Аренсъ въ своей глубокой критикѣ гегеліанства, «у существъ, которыя представляютъ изъ себя лишь орудія мірового духа, которыя не суть дѣйствительныя личности, но лишь фазы развитія

абсолюта, моменты, въ которыхъ осуществляется личность Бога въ предѣлахъ эволюціи». Если, при этихъ условіяхъ, человѣческая свобода не исчезаетъ, то она остается не больше, какъ видимость, такъ какъ, теоретически, она осуществляется только въ предопредѣленіи и фактически только въ Государствѣ. Вотъ окончательное заключеніе Гегеля: «Человѣкъ несомнѣнно носитъ свою конечную цѣль въ самомъ себѣ, и долженъ быть почитаемъ за таковаго; но въ качествѣ лица человѣкъ можетъ быть почитаемъ только со стороны себѣ подобнаго же лица, но отнюдь не со стороны Государства, такъ какъ Государство или нація составляетъ его сущность». Сведеніе на нѣтъ значенія лица въ конечныхъ цѣляхъ человѣчества и необходимое фактическое его поглощеніе Государствомъ, врядъ ли можетъ быть выражено болѣе опредѣленно; разъ человѣкъ есть простое орудіе, то единственное право, которымъ онъ можетъ обладать, есть право чувствовать себя сдерживаемымъ и руководимымъ по пути, по которому совершается вѣчное предопредѣленіе.

126. Система такимъ образомъ получаетъ полную ясность. Теорія Государства, по Гегелю, является двойникомъ теоріи природы. Пантеизмъ въ области философіи привелъ въ своемъ конечномъ выводѣ къ пантеизму въ области политики. Государство, это воля абсолютнаго духа, «земное осуществленіе Божественнаго»; оно существуетъ само въ себѣ и само по себѣ, но не какъ результатъ дѣйствія воли человѣка; въ немъ осуществляется Божественный разумъ, и поэтому оно должно быть почитаемо какъ Божество; монархъ его олицетворяетъ, а потому и его авторитетъ имѣетъ самодавлеющее независимое существованіе; лицо обладаетъ достоинствомъ и правами лишь чрезъ него и отъ него. Слѣдовательно, германизмѣ представляя изъ себя четвертую и окончательно завершающую эпоху міра, есть абсолютизмъ Государства, являющагося «Субстанціей», (сущностью) человѣка, эта вѣра въ силу, какъ средство осуществленія вѣчнаго предопредѣленія; наконецъ, право, или, иначе говоря, духъ, въ полной мѣрѣ самого себя познавшій, родъ мистическаго абсолюта, есть сама сила «Это ученіе», говоритъ Аренсъ, «есть предверіе къ положенію, что сила довлѣетъ надъ правомъ, положеніе, проповѣдуемому, главнымъ образомъ, тѣмъ государствомъ, откуда философія Гегеля распространилась по всей Германіи».

Если отбросить діалектическое построеніе и разсматривать только конечный выводъ, то гегеліанство встрѣчается съ общественнымъ договоромъ. Въ такомъ сопоставленіи нѣтъ ни натяжки, ни искусственности; самъ Гегель его дѣлаетъ, а именно, онъ связываетъ свое ученіе съ ученіемъ Руссо. Воля мірового духа, замѣняетъ собою общую волю, вотъ и все; конечные выводы тѣ же самые, оба ученія приводятъ къ представленію о Государствѣ, сумма правъ и обязанностей котораго имѣетъ свои предѣлы въ

собственномъ своемъ могуществѣ. «Совершенно языческое представленіе», какъ то справедливо замѣчаетъ Аренсъ. «Дѣйствительно», далѣе продолжаетъ онъ, «совершенно также, какъ въ древности, Государство является носителемъ абсолютной власти; оно все собою поглощаетъ, оно имѣетъ право направлять нравственность, искусства, религію, науки, лицо обладаетъ правами лишь въ немъ и черезъ него». Гегель не отступаетъ ни предъ какими выводами изъ принятаго имъ принципа; хотя онъ допускаетъ представительство страны наряду съ правительствомъ, но при существенномъ ограниченіи: подъ условіемъ, устраняющимъ всякую возможность столкновенія, чтобы правительству всегда и во всемъ принадлежало послѣднее слово.

127. Идея права, представленная въ такомъ видѣ освобождается ли отъ тѣхъ упрековъ критики, которые были направлены противъ представленія о ней Исторической Школы при самомъ ея возникновеніи? Несомнѣнно, нѣтъ; такъ какъ вѣчное предопредѣленіе, осуществляемое въ эволюціяхъ міровой духа по отношенію человѣка, въ качествѣ лица есть ничто иное и не можетъ быть чѣмъ либо другимъ, какъ родъ фатализма; высшее искусство Гегеля и его учениковъ, именно, и заключалось въ превращеніи миѳа въ живую силу, непрестанно и постоянно дѣйствующую, путемъ пріуроченія ее къ воображаемымъ представленіямъ о преемственныхъ господствахъ расъ. Чрезъ это самое гегеліанство стало національной философіей. Двѣ причины объясняютъ ея выдающуюся силу распространенія. Ученіе содержало въ себѣ элементъ, предназначавшій ее стать популярной; какъ могла она не плѣнять воображеніе молодого народа, которому открывалась роль предвозвѣщеннаго избранничества германской расы? И затѣмъ ей посчастливилось сейчасъ же найти цѣлую фалангу учениковъ среди юристовъ и государственныхъ людей; первые способствовали внѣдренію идеи въ области дѣйстительной и повседневной жизни, путемъ разъясненія недоступныхъ толпѣ отвлеченныхъ формулъ, вторые эксплуатировали ее въ цѣляхъ объединенія и искусственнаго возбужденія германской націи. Развѣ Гегель не училъ, что война есть необходимый факторъ эволюціи, орудіе прогресса, морализующая сила, способъ выполненія Божественнаго плана?

Іерингъ описалъ съ поразительной убѣдительностью состояніе присущее праву, понимаемому съ германской точки зрѣнія, изъ котораго вытекаетъ для каждаго человѣка, для каждаго поколѣнія, для каждаго народа обязанность осуществлять право при всякихъ обстоятетьствахъ, хотя бы надлежало бороться во имя его торжества. «Право», говоритъ онъ, «не есть простая отвлеченность, но и живая сила. Миръ есть цѣль, которую оно преслѣдуетъ, борьба есть средство ея достиженія... Его сущность есть дѣйствіе..., борьба: борьба народовъ, Государствъ, общественныхъ классовъ, лицъ. Всѣ существующія въ мірѣ права были достигнуты путемъ

борьбы. Всѣ важнѣйшія постановленія права возникали путемъ того, что они брались съ бою у тѣхъ, кто имъ противустоялъ; и всякое право, право народа или право отдѣльнаго лица, предполагаетъ постоянную готовность его защитить... Право есть неустанная работа не только общественной власти, но и всего народа; вся жизнь... взятая во всей своей совокупности, представляетъ намъ зрѣлище безпрерывной борьбы и работы, которую представляетъ намъ дѣятельность народовъ въ области экономическаго и интеллектуальнаго производства. Всякое лицо, обязанное отстаивать свое право, принимаетъ участіе въ этой національной работѣ и вноситъ свою лепту въ дѣло осуществленія идеи права на землѣ».

Такимъ образомъ борьба за право есть долгъ: долгъ отдѣльныхъ лицъ по отношенію къ обществу, долгъ каждаго гражданина по отношенію къ Государству, долгъ народовъ по отношенію къ человѣчеству. Пусть вспомнятъ, что германская раса, представляющая четвертую міровую эпоху осуществляетъ конечное выраженіе права, и что когда народъ является воплощеніемъ духа, остальные народы не имѣютъ правъ въ отношеніи къ нему, и тогда получится полное объясненіе современной Германіи; она есть воплощеніе права, поэтому и ей принадлежитъ безграничная власть. Вмѣстѣ съ своими философами она ласкала свое воображеніе миѳическими представленіями о превосходствѣ своей рассы и о ея міровомъ господствѣ во имя вѣчнаго предопредѣленія; вмѣстѣ со своими политиками она превратила свое отвлеченное пристрастіе въ лихорадочную дѣятельность, которая толкнула ее на путь всесвѣтнаго завоеванія; затѣмъ однажды, судьба увѣнчала успѣхомъ властолюбивыя стремленія, рожденныя на почвѣ метафизики. Воспитанный школою Гегеля, германскій духъ эволюируетъ по направленію германизаціи въ томъ видѣ, какъ ее понимаютъ Гогенцолерны; въ настоящее время онъ ликуетъ, вѣря что его мечта осуществляется.

128. Но такой мечты не существуетъ, которая въ свое время не разсѣялась бы. Обманчивая наружность окончательной побѣды есть лишь признакъ разложенія. Въ то время, какъ пристрастная мечта внѣдряется въ сознаніе народныхъ массъ и дѣлается, по ту сторону Рейна, достояніемъ толпы, Историческая Школа, которая образовала германскій духъ настоящаго времени, все больше теряетъ сторонниковъ среди мыслящихъ классовъ; она наканунѣ исчезновенія. Съ одной стороны, вновь измѣнивъ свою форму, она окончательно приходитъ къ чистому фатализму и чрезъ него къ полному и всеобщему разочарованію; съ другой стороны, признавъ представленіе объ «идейныхъ» организмахъ, она встрѣчается съ соціологіей и направляется къ сліянію съ ней.

Это можно было и предвидѣть. Космологія Гегеля не могла долго удовлетворять философію; то что въ ней относится къ обла-

сти гипотезъ или носитъ характеръ искусственности должно было рано или поздно обнаружиться. Въ тотъ день, когда, слѣдуя за Шопенгауеромъ, Германія принялась отрицать возможность философіи въ исторіи, миражъ исчезъ и вся система разрушилась. Духъ германскій, одно время ослеплѣнный перспективами четвертой эпохи, сразу очутился лицомъ къ лицу предъ пустотой; и эта пустота привлекаетъ его своимъ непреодолимымъ обаяніемъ. Идеалистическому и оптимистическому пантеизму наслѣдуетъ разочарованный, если не окончательно отчаявшійся пантеизмъ. Одни, для того чтобы спасти волю, слишкомъ долго приносимую въ жертву абсолютному духу и потому находившуюся на пути къ полному увяданію, приписываютъ ей странную миссію поисковъ научнаго обоснованія въ цѣляхъ достиженія освобожденія лица, отъ «космическаго самоубійства», какъ его называетъ Каро; другіе, полагая, что разъ человѣкъ ничего не можетъ, то лучше для него ничего и не дѣлать, за исключеніемъ развѣ только уничтоженія самой воли, какъ исключительнаго источника разочарованія и вмѣстѣ съ волею уничтоженія тѣхъ мученій, которыя отъ нея происходятъ, всецѣло предаются систематическому детерминизму и, погрузясь въ своего рода Буддизмъ, находятся въ ожиданіи превращенія всего въ ничтожество. Детерминизмъ, это то названіе, которое дала современная философія вѣрѣ въ рокъ. Съ этого времени пусть больше ни возникаетъ вопроса о какихъ бы то ни было разумныхъ или нравственныхъ стремленіяхъ; человѣкъ движется, не зная какъ и не зная куда. Когда кумиръ разбитъ, мистики уже больше ни во что не вѣрятъ. Аренсъ, который, нѣтъ сомнѣнія, зналъ Германію и духъ, который въ ней проявляется, уже давно, не скрывалъ свои сомнѣнія и самыя мрачныя предсказанія относительно будущаго.

Будучи ограждены отъ подобныхъ заблужденій привычкою къ практическому умственному труду, здравымъ смысломъ и заботами о дѣйствительности, политическіе дѣятели и юристы практики вынуждены были, тѣмъ не менѣе, среди того кризиса, который испытываетъ современная философія, искать себѣ новую точку опоры. Путемъ самопроизвольнаго и всеобщаго молчаливаго согласія, они устремились къ концепціи новой отвлеченной идеи или скорѣе отыскали себѣ въ ней убѣжище: это идея организмовъ, дѣйствующей силой которыхъ является человѣкъ. Если его личность исчезаетъ, будучи окончательно поглощена личностью этихъ организмовъ, если его права сводятся лишь къ значенію обязанностей, вытекающихъ изъ его положенія подчиненнаго органа живого организма, то онъ, по крайней мѣрѣ, призванъ слѣдить за результатами своихъ дѣйствій и охранять ихъ развитіе; въ этомъ снова обрѣтена, хотя и подчиненная задача для его самодѣятельности. Сравненіе общества съ организмомъ весьма древне, такъ какъ мы находимъ его уже у Платона; но то, что въ теченіи долгаго вре-

мени служило лишь образомъ выраженія, понимается въ настоящее время въ буквальномъ смыслѣ и становится дѣйствительностью.

129. Повидимому можно признать за Краузе первенство въ провозглашеніи дѣйствительности мысленныхъ организмовъ; онъ связываетъ ихъ существованіе съ цѣлой системой, частью теологической, частью философской, относящейся къ личному и общественному назначенію человѣка. Блунчли приписываетъ честь этого открытія Исторической Школѣ. Не касаясь вопроса о происхожденіи, несомнѣнно то, что это положеніе стало краеугольнымъ камнемъ преобразованной германской школы. Міровой или абсолютный духъ, являвшійся чистой концепціей въ историческомъ идеализмѣ Гегеля, усваивается въ идеяхъ въ качествѣ органическаго существа, живущаго личной жизнью дѣйствующаго и развивающагося подъ вліяніемъ законовъ присущихъ его природѣ, обладающаго тѣломъ и органами, надѣленаго совѣстью, волей и инициативой.

По мнѣнію однихъ само право есть организмъ; Іерингъ опредѣляетъ его, какъ «объективный организмъ человѣческой свободы». По мнѣнію Блунчли, этого великаго изслѣдователя современнаго германскаго публичнаго права, Государство есть организмъ; онъ видитъ въ немъ «органическую личность..., человѣческую личность..., организованную личность данной націи, идею человѣчности воплощенную въ видимое тѣло». По мнѣнію Шеффле и тѣхъ соціологовъ, которые ближе примыкаютъ къ школѣ Огюста Конта и Герберта Спенсера общество есть организмъ, - отдѣльныя общества и общечеловѣческое общество суть организмы; «Общественный организмъ» рождается, живетъ, развивается, дѣйствуетъ и умираетъ на подобіе прочихъ органическихъ веществъ. Какую бы изъ его сторонъ не уподобляли живой личности, «Организмъ» этотъ есть живая реальность, существующая сама по себѣ и для себя, это личность отличающаяся отъ индивидовъ и тѣмъ самымъ независимая отъ нихъ, имѣющая свое «я» и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже свою душу. Іерингъ описываетъ его анатомію и физіологію или, какъ онъ выражается, его структуру и его функціи. Блунчли раскрываетъ актъ его рожденія; онъ утверждаетъ, что онъ мужского пола и что къ 1740 году онъ достигъ возраста «сознательнаго творчества» или, иначе говоря, совершеннолѣтія. По Шеффле онъ обладаетъ, на подобіе всѣмъ прочимъ организмамъ, опредѣленнымъ строеніемъ: индивидъ есть его «клѣточка», семья и община суть его «нервные узлы», Государство есть его «спинно-мозговой центръ», или, выражаясь обыденнымъ языкомъ его мозгъ; на подобіе прочимъ организмамъ, онъ обладаетъ цѣлой системой органовъ: системой пищеварительной, системой кровообращенія, системой дыханія, системой нерво-двигательной, которая поддерживаетъ взаимную связь отдѣльныхъ частей и сообщаетъ направленіе для цѣлаго.

Могутъ сказать, что все это гипотезы или пожалуй даже гиперболы. Нѣтъ;—это метафизика по ту сторону Рейна. Нѣтъ препонъ для идеи, ставшей привычнымъ способомъ мышленія. Будущее изданіе Шеффле, какъ говорятъ, будетъ снабжено раскрашенными плашетами, изображающими дѣйствительную природу общества. Нельзя въ данномъ случаѣ не сказать того же самаго, что говорилъ Руссо объ общей Волѣ: «Таково условіе устройства и работы политической машины»... Объективный идеализмъ, совершенно также какъ вѣра или воображеніе доведенное до химеры способенъ все познать, все видѣть и все превозмочь.

130. Впрочемъ, понятіе Мірового Духа и общественнаго человѣческаго организма различается гораздо больше въ словахъ, чѣмъ по идеѣ. Въ разной формулирировкѣ, это одна и та-же концепція независимаго отъ человѣка и ему предуставленнаго порядка; не взирая ни на какія предосторожности языка или даже оговорки, это все та-же идея пантеизма: лицо есть лишь служебное орудіе, управляющей имъ, силы. Если сравнить обѣ идеи въ полномъ объемѣ, то человѣкъ пожалуй, нѣсколько больше сохраняетъ свою личность въ присутствіи Мірового Духа, такъ какъ, по крайней мѣрѣ, именно онъ его познаетъ, чѣмъ въ присутствіи общественнаго организма, обладающаго самостоятельной личной жизнію и по отношенію къ которому человѣкъ, тѣмъ самымъ, можетъ быть лишь пассивнымъ наблюдателемъ происходящихъ въ немъ явленій. Всякая философская система, удѣляющая праву лишь мѣсто объективной концепціи, вмѣсто того, чтобы искать его въ самомъ человѣкѣ, неминуемо ведетъ въ своихъ конечныхъ выводахъ къ отрицанію свободы и права. Въ отдѣльности въ положеніяхъ новой школы, какъ можетъ быть лицо свободно, когда оно представляетъ лишь составъ организма, управляемаго, присущими его природѣ, законами? Въ чемъ можетъ оно найти основаніе права, ему принадлежащаго, разъ оно есть лишь органъ цѣлаго организма, клѣточка общественнаго тѣла?

Нельзя никакой оговоркой, сколь бы она не была искусстна превзойти законовъ логики. Ея несокрушимость до очевидности обнаруживается у Іеринга. Не взирая на всю свою строгость къ Исторической Школѣ, вслѣдствіе тѣхъ ея тенденцій къ фатализму, которыя онъ въ ней усматриваетъ, знаменитый изслѣдователь римскаго права приходитъ въ своихъ конечныхъ выводахъ ни къ чему другому, какъ къ отказу человѣку во всякомъ воздѣйствіи на развитіе прававого организма и отрицаетъ у него всякое право или, что тоже, не признаетъ за нимъ ни какихъ другихъ правъ, кромѣ тѣхъ, которыя ему дало Государство; по его мнѣнію, также какъ и, по мнѣнію всѣхъ соціологовъ, корпоративная жизнь, т. е. жизнь въ организмѣ, довлѣетъ надъ жизнью лица или даже совсѣмъ ее уничтожаетъ.

«Право», говоритъ онъ, «есть объективный организмъ человѣческой свободы. Въ настоящее время неоспоримо, что оно не есть внѣшнее собраніе произвольныхъ положеній, имѣющихъ своимъ источникомъ волю законодателя, какъ это предполагали въ прежнія времена; оно есть также какъ и языкъ народа, внутренній и закономѣрный продуктъ исторіи. Несомнѣнно, что человѣческое намѣреніе и расчетъ содѣйствуютъ въ его образованіи. Но тотъ и другой скорѣе находятъ его готовымъ, чѣмъ сами созидаютъ его, такъ какъ возникновеніе и образованіе отношеній, въ которыхъ движется жизнь человѣческаго рода, отъ нихъ не зависятъ, право и его установленія возникли подъ импульсомъ самой жизни и, именно, она сохраняетъ ихъ непрерывное внѣшнее дѣйствіе... Въ присутствіи тѣхъ могущественныхъ силъ, которыя управляютъ правообразованіемъ, сотрудничество человѣческаго разума, желающаго создать вмѣсто того, чтобы оставаться простымъ орудіемъ, сводится на нѣтъ». Къ чему же сводятся въ такомъ случаѣ права лица? Іерингъ оспариваетъ необходимость ихъ реальнаго и независимаго существованія; онъ не признаетъ ихъ внѣ предѣловъ достигнутой ими юридической защиты или, что сводится къ тому же самому, внѣ предѣловъ законодательнаго соизволенія: по его мнѣнію, они есть лишь «интересы юридически охраняемые». Видѣть въ нихъ свойства, присущія человѣческой природѣ, значитъ видѣть въ правѣ лишь «его внѣшнее проявленіе, его, въ нѣкоторомъ родѣ осуществленіе», и окончательно пренебрегать его «внутренней сущностью». Это положеніе не заслуживаетъ упрека въ неточности съ точки зрѣнія анализа; но въ качествѣ конечнаго заключенія предлагаемая формула изъ двухъ одно, либо она не свободна отъ той критики, изъ которой сама же возникла либо она въ концѣ концовъ приводитъ, подъ предлогомъ выясненія внутренней сущности права, къ отрицанію самой идеи права. Дѣйствительно, какое же реальное существованіе имѣетъ право, если оно не существуетъ внѣ предѣловъ пріобрѣтенной имъ юридической охраны или, другими словами, внѣ предѣловъ соизволенія и поддержки власти?

131. Блунчли разсуждаетъ иначе. Его глубокое изслѣдованіе «Современнаго Государства», его аттрибутовъ и функцій представляетъ описательное сочиненіе, но не догматическое. Оно плѣняетъ своей обширностью, изобиліемъ анализа и своей, всегда богатой полезныхъ поученій, согласованностью яснаго, здраваго смысла, умѣренности и видимаго либерализма, господствующаго въ этомъ сочиненіи отъ начала его до конца. Тѣмъ не менѣе, всякій, кто продумалъ его, долженъ прійти къ заключенію, что ни изъ одной изъ его части не вытекаетъ ясной отчетливой идеи; принципы всегда въ немъ удаленные въ туманную даль, исчезаютъ едва соберешься приступить къ ихъ уясненію; система эта, вслѣдствіе своихъ постоянныхъ отступленій и оговорокъ, представляя изъ се-

бя въ нѣкоторомъ родѣ непрерывную эквилибристику мысли, можетъ одинаково служить всѣмъ цѣлямъ.

Знаменитый публицистъ исходитъ изъ идеи организма; но онъ утверждаетъ, что ее понимаютъ не такъ какъ нужно, что вообще злоупотребляютъ, тѣмъ значеніемъ, которое приписываютъ этому слову. Онъ постоянно повторяетъ, что человѣкъ обладаетъ естественными правами, что главной миссіей Государства является обезпеченіе этихъ правъ и что они являются предѣлами его преимуществъ; но тотчасъ противуполагая право націи, въ качествѣ корпоративнаго существа, праву лица онъ добавляетъ: «Государство есть столь возвышенная нравственная личность, что необходимость ея сохраненія, составляющая первый долгъ правительства, уполномочиваетъ его на нарушеніе частнаго права и установленнаго порядка. Спасеніе законнаго Государства предписываетъ временами даже принесеніе въ жертву права лица: „Salus patrias suprema lex esto“. Онъ категорически высказывается за полную свободу совѣсти, даже за свободу вѣроисповѣданія и религіозной обрядности и склоняется къ знаменитой Формулѣ Кавура. Свободная Церковь въ свободномъ Государствѣ; но онъ одобряетъ, безъ всякихъ оговорокъ и не съ точки зрѣнія политики, а съ точки зрѣнія принциповъ, знаменитый прусскій законъ Мая 1873 года, и онъ добивается съ настойчивостью, доходящей до страстности преслѣдованія религіозныхъ обрядовъ. Наконецъ онъ превозноситъ представительный и конституціонный образъ правленія въ качествѣ естественной формы современнаго Государства; но онъ не ищетъ источника его возникновенія и его духа, ни въ англійской революціи, ни во французской революціи,—это, вѣдь, явленія не достойныя вниманія, но онъ находитъ ихъ въ традиціяхъ избирательнато права сначала Бранденбурга, а позднѣе Пруссіи, которая есть нація «мужскаго пола». Также точно, въ своемъ культѣ торжествующей Пруссіи, являющейся «типомъ современнаго Государства», онъ устанавливаетъ началомъ новаго времени 1740 годъ, годъ вступленія на престолъ Фридриха II; этотъ автократъ, въ его глазахъ есть «отецъ современной конституціонной монархіи на континентѣ,... великій представитель современнаго Государства». Тутъ мысль разоблачается и разъясняется; и система обнаруживается въ своемъ настоящемъ видѣ. Государство есть «концентрированная въ цѣляхъ общественнаго блага власть націи»; оно обладаетъ разумомъ и волей, которые, какъ и общая воля въ общественномъ договорѣ, суть ничто иное, какъ «разумъ и воля націи, существенно отличныя отъ простой суммы волей и сознаній лицъ». Монархъ, символъ и орудіе этой идеи, облеченъ силой вмѣстѣ съ правомъ; онъ «олицетворяетъ власть Государства»; ему принадлежитъ верховное руководительство и забота всѣхъ интересовъ нравственныхъ и матеріальныхъ, такъ какъ «организмъ во всей своей совокупности представленъ въ его лицѣ».

Итакъ, Государство всегда, Государство вездѣ и Государство надъ всѣмъ. Здравый смыслъ народа просвѣщеннаго, ни въ какомъ случаѣ не наивнаго, а наоборотъ весьма положительнаго, конечно, никогда не утрачиваетъ своихъ правъ и умѣряетъ практическое примѣненіе этой системы; тѣмъ не менѣе система остается таковою и возможныя изъ нея слѣдствія, когда тому укажетъ надобность, всегда окажутся возможными. Между тѣмъ, если повѣрить Блунчли, то германецъ не обладаетъ «чувствомъ Государственности», то чѣмъ онъ дорожитъ выше всего «самодавленіемъ личности». Что за парадоксъ въ отечествѣ Гегеля. Мудрость змія была бы далеко не лишней въ присутствіи «общей теоріи Государства»: это, зараженное ложными ученіями, многословіе не говоритъ мнѣ ничего достойнаго вниманія, изъ него съ одинаковымъ успѣхомъ можетъ быть выведенъ абсолютизмъ, также какъ и свобода.

132. Нѣтъ надобности въ тщательныхъ изысканіяхъ для того, чтобы убѣдиться, куда привела въ настоящее время историческая школа въ конечныхъ своихъ выводахъ; факты на лицо, и они могутъ это достаточно засвидѣтельствовать: она встрѣтилась съ соціологіей и обѣ школы слились воедино. Вѣчное становленіе и общественный организмъ были созданы для того, чтобы сговориться съ идеей эволюціи.

Но въ странѣ воспитанной вѣками въ пониманіи Государства въ качествѣ представителя и орудія права или скорѣе, даже, въ качествѣ самаго источника права, соціологія не могла не получить абсолютисткой окраски. Поэтому всѣ эти Шеффле, Вагнеры, Шмолли, будучи главами этой школы, вмѣстѣ съ тѣмъ являются корифеями соціализма, называемаго ими государственнымъ или соціализмомъ каѳедры. Вмѣстѣ съ Іерингомъ они учатъ, что правъ не существуетъ, существуютъ только интересы; вмѣстѣ съ Гегелемъ и Блунчли они добавляютъ, что Государство должно заботиться обо всѣхъ интересахъ, и что оно есть естественный и верховный ихъ руководитель; отсюда, естественно, что весь соціальный вопросъ имъ представляется, долженствующимъ быть разрѣшеннымъ вмѣшательствомъ Государства. Именно-то въ этомъ и заключается коренная идея соціализма каѳедры, опасный опытъ примѣненія котораго предприняла Германія.

Руководители этого движенія силятся отогнать всякія сомнѣнія въ возможность побѣдить воздѣйствіемъ Государства гибельныя вліянія философіи сверхчувственнаго; они взываютъ къ его энергичной и неустанной иниціативѣ, дабы восполнить ослабленную волю лица и все остальное приносятъ ему въ жертву.

§ 5. Соціологія.

133. Слово «Соціологія» недавняго происхожденія во французскомъ языкѣ. Повидимому, первый, кто его примѣнилъ былъ

Огюстъ Контъ; затѣмъ его распространилъ Литтрэ; впослѣдствіи оно окончательно было принято Гербертомъ Спэнсеромъ, и такимъ образомъ, оно вошло въ научное словоупотребленіе.

Независимо отъ того, что оно неудачно составлено и плохо звучитъ, но оно, какъ неологизмъ, обладаетъ болѣе важнымъ недостаткомъ отсутствіемъ ясности. Если его понимать въ его этимологическомъ смыслѣ, то оно просто обозначаетъ науку о соціальныхъ явленіяхъ, совершенно также какъ біологія есть наука о явленіяхъ жизни. Литтрэ, авторитетъ котораго въ данномъ случаѣ несомнѣненъ, такъ какъ, будучи составителемъ словаря, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ является однимъ изъ главныхъ учителей этой школы, понимаетъ его именно въ этомъ смыслѣ; соціологія, говоритъ онъ, «есть наука о развитіи и строеніи человѣческихъ обществъ». Съ перваго взгляда обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе какой бы то ни было новизны; развѣ, въ самомъ дѣлѣ, исторія человѣческихъ обществъ, изученіе соціальной жизни въ ея возникновеніи, въ ея цѣляхъ, и внѣшнихъ проявленіяхъ, наконецъ, изслѣдованіе идеальной организаціи, развѣ все это не занимало мыслителей всѣхъ временъ? Философы, моралисты, историки и экономисты никогда ничѣмъ другимъ и не занимались. Отсюда слѣдуетъ, что соціологія есть названіе цѣлаго цикла наукъ, а не отдѣльной научной системы. Хотя можетъ показаться страннымъ, что примѣняютъ такимъ образомъ названіе науки для указанія особеннаго способа ея пониманія и разрѣшенія ея проблемъ, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что соціологія, въ обычномъ смыслѣ этого слова, есть совершенно спеціальная концепція, весьма недавняго происхожденія и всецѣло принадлежащая позитивной школѣ. Если Контъ прибѣгнулъ къ новому выраженію для указанія того, что до него традиціонно называлось науками моральными и политическими, то это, конечно, не по простой любви къ неологизмамъ;— онъ хотѣлъ установить основанія для новой науки. То мѣсто, которое онъ ей отводитъ въ іерархіи наукъ, достаточно ее характеризуетъ. Она образуетъ собою послѣднюю изъ шести основныхъ наукъ, ту, наиболѣе возвышенную, въ которой сводятся какъ бы въ одной точкѣ результаты добытыя пятью остальными науками и гдѣ они координируются въ одномъ общемъ синтезѣ, она составляетъ вторую часть огранической физики или физики живыхъ тѣлъ: первая, разсматривающая индивида есть физіологія и вторая, разсматривающая родъ есть соціологія. Контъ послѣдовательно назвалъ ее сперва соціальной физикой и затѣмъ соціологіей; онъ такъ ее опредѣляетъ: «это дополнительная часть философіи природы, которая относится къ позитивному изслѣдованію совокупности законовъ, присущихъ соціальнымъ явленіямъ». Въ концѣ концовъ это политическая философія позитивной школы. Новое названіе науки придумано для указанія позитивнаго характера этой науки; и это по весьма простой причинѣ, такъ какъ эта новая наука нигдѣ не находитъ себѣ мѣста, кромѣ какъ въ рамкахъ позитивной философіи.

Гербертъ Спэнсеръ, самый видный изъ современныхъ представителей новаго евангелія, оспариваетъ классификацію наукъ, установленную Огюстомъ Контомъ. Онъ раздѣляетъ ихъ на три группы: науки физическія или міра неорганическаго, науки біологическія или міра органическаго и науки соціальныя. Содержаніемъ этихъ послѣднихъ онъ признаетъ, также какъ и Контъ по отношенію шестой изъ шести основныхъ наукъ, излѣдованіе законовъ, управляющихъ соціальными явленіями или «суперорганическими», т. е. тѣми «которыя вытекаютъ изъ воздѣйствія органическихъ тѣлъ другъ на друга и на тѣла неорганическія»; они образуютъ въ своей совокупности соціологію или соціальную науку, въ собственномъ смыслѣ слова, которая охватываетъ собою въ синтезѣ данныя, добытыя другими науками, въ цѣляхъ выясненія высшихъ и конечныхъ законовъ цивилизаціи или точнѣе, эволюціи.

У обоихъ учителей этой доктрины, какъ у основателя, такъ и у организатора ея, соціологія есть позитивная наука соціальныхъ явленій и ихъ законовъ. Она составляетъ научную систему, такъ какъ она обладаетъ своимъ объектомъ, своею цѣлью, своимъ методомъ и своей можно сказать, онтологической основой, изъ которой вытекаютъ всѣ ея выводы. Кромѣ того, по мысли своихъ основателей ей надлежало быть обоснованной на заключеніяхъ, обладающимъ характеромъ такой достовѣрности, чтобы они могли неопровержимо завоевать убѣжденіе и положить конецъ всякимъ разномысліямъ; но въ этомъ отношеніи дѣйствительность не оправдала ожиданій. Соціологія ютитъ въ себѣ до нашихъ дней самыя разнообразныя точки зрѣнія, временами прямо противуположныя; не говоря уже о различныхъ ея сектахъ и оттѣнкахъ, но, по крайней мѣрѣ, біологическая соціологія Герберта Спэнсера уже совсѣмъ не похожа на чисто экспериментальную соціологію Огюста Конта.

134. Объектъ и цѣль новой науки вытекаютъ изъ самаго ея опредѣленія; они были начертаны съ самаго возникновенія самимъ основателемъ школы. По Огюсту Конту истина рождается изъ разсѣивающейся мечты; отсюда возникла космологическая серія трехъ послѣдовательныхъ состояній: состояніе теологическое, состояніе метафизическое и состояніе позитивное. Человѣкъ проходитъ черезъ эти три состоянія; онъ легковѣренъ въ своемъ дѣтствѣ и объясняетъ явленія сверхъестественными силами; онъ разсудителенъ и склоненъ къ отвлеченности въ юности; наконецъ, онъ положителенъ въ зрѣломъ возрастѣ и ограничивается тогда наблюденіемъ и утвержденіемъ. Также точно развиваются и отдѣльныя общества и также развивается самое величайшее общество, насящее названіе человѣчества: сначала они растутъ и воспринимаютъ догмы, затѣмъ они разсуждаютъ и подчиняются идеямъ, еще позднѣе, овладѣвши собственнымъ самосознаніемъ и ставши болѣе требовательными, они допускаютъ лишь осязательныя явленія, лишь устано-

вленную реальность. Наконецъ, всякая концепія, всякая отрасль знанія проходитъ по этимъ самымъ тремъ состояніямъ: состояніе фикціи, состояніе отвлеченнаго умозрѣнія и состояніе научной доказанности.

Такимъ образомъ, основнымъ положеніемъ позитивизма является полный отказъ отъ изслѣдованія предполагаемыхъ первопричинъ или конечныхъ цѣлей, годныхъ лишь для времени господства теологіи или метафизики; онъ разсѣиваетъ всю совокупность добытыхъ отвлеченныхъ понятій, признавая ихъ соотвѣтсвующими эпохамъ уже исчезнувшимъ и считаетъ, что только одни отсталые умомъ могутъ продолжать настаивать, что эти понятія суть умственная сокровищница человѣческаго рода; онъ изгоняетъ всякія сущности, всякія a priori, выведенныя, представленія идей или принциповъ. Факты и ихъ отношенія—вотъ единственныя научныя явленія, и только въ нихъ однихъ соціологія должна искать законы міроваго порядка; объектъ ея составляютъ соціальныя явленія, закономѣрно осуществляющіяся: условія существованія индивида, образованіе и развитіе семьи, Государства и прочихъ промежуточныхъ группъ, производство и распредѣленіе богатствъ и т. д.; цѣль ея составляетъ установленіе законовъ развитія и сосуществованія этихъ явленій. Этнографія, исторія и статистика—вотъ ея источники; она собираетъ документы, факты и цифры; достовѣрнымъ она признаетъ лишь анкету, которая, достигнувъ своей полноты, будетъ сама за себя говорить и раскроетъ законы, управляющіе явленіями и ихъ причинной связью. Не только это ея объектъ; но въ этомъ заключается ея исключительный объектъ; такъ какъ лишь только выйти за предѣлы фактовъ, все становится условнымъ и искусственнымъ, мысль заблуждается въ метафизикѣ или области сверхчувственнаго и для человѣка непосягаемаго.

135. Методъ, которымъ надлежитъ пользоваться, этимъ самымъ установленъ. Такъ какъ соціологія не допускаетъ никакихъ идей, также точно никакихъ апріорныхъ принциповъ и признаетъ лишь установленные факты, то она должна запрещать всякое отвлеченное мышленіе и разсужденія основанныя на дедукціи, которая заключаетъ отъ общаго къ частному, ея объекту свойственenъ лишь одинъ методъ: методъ наблюденія и индукціи, которая заключаетъ отъ частныхъ случаевъ къ, обнимающему ихъ, родовому понятію, и къ закону который ими управляетъ.

Основная идея Огюста Конта заключалась въ примѣненіи ко всѣмъ наукамъ безъ различія, «однообразнаго способа мышленія», и, слѣдовательно, въ распространеніи и на соціологію экспериментальнаго метода, употребляемаго въ естественныхъ наукахъ и превращеніи ее тѣмъ самымъ въ «точную науку». Изучая факты соціальнаго порядка, также какъ физикъ или химикъ изучаетъ явленія природы и біологъ изучаетъ явленія органической жизни, онъ разсчитывалъ придать законамъ, которые ими управляютъ,

ту же «степень достовѣрности и незыблемости», которыми обладаютъ законы управляющіе точными науками и онъ разсчитывалъ этимъ самымъ обосновать организацію общества на научныхъ началахъ. Съ тѣхъ поръ школа продолжаетъ пребывать въ предначертанномъ ей направленіи, и, можетъ быть, только въ этомъ одномъ заключается объединяющій ее моментъ. Она отрицаетъ самостоятельность моральныхъ наукъ и видитъ въ нихъ лишь отрасль естествознанія; ея задача, какъ это говоритъ одинъ изъ позднѣйшихъ ея приверженцевъ заключается «въ интегрированіи соціальныхъ наукъ въ общую систему естественныхъ наукъ».

136. Несомнѣнно, моральныя и политическія науки и въ особенности наука права пользовались во всѣ времена и не безрезультатно наблюденіемъ. Римскіе юрисконсульты были недалеки отъ того метода, который нынѣ провозглашается новымъ, когда они ставили естественное право въ зависимость отъ всеобщаго его одобренія и искали его выраженіе въ практикѣ общей для всѣхъ націй. Это тотъ самый мыслительный процессъ, который Гроцій называлъ апостеріорнымъ доказательствомъ естественнаго права. «Есть два способа», говоритъ онъ, «доказать что данное положеніе покоится на естественномъ правѣ: первый a priori, болѣе тонкій и болѣе отвлеченный, основанъ на доказательствахъ, выведенныхъ изъ самой природы вещей...; второй a posteriori, болѣе относительный, основанъ на внѣшнихъ доказательствахъ. Руководствуясь этимъ послѣднимъ, можно дѣлать заключенія, хотя и не обладающія достовѣрностью, но, по крайней мѣрѣ, большою степенью вѣроятія, что данное положеніе соотвѣтствуетъ естественному праву, разъ оно признается таковымъ всѣми націями или, по крайней мѣрѣ, всѣми цивилизованными націями; ибо міровое явленіе предполагаетъ и міровую причину, и мнѣніе, обладающее признакомъ дѣйствительной всеобщности не можетъ возникнуть не изъ чего другого, какъ изъ того, что носитъ названіе всеобщаго сознанія: Nam universalis effectus universalem requirit causam; talis autem existimationis causa vix ulla videtur esse posse praeter sensum ipsum qui dicitur communis». Не выражалъ ли Волтеръ приблизительно ту же самую мысль, когда онъ говорилъ: «Есть опредѣленный нѣкто, обладающій большимъ здравымъ смысломъ, чѣмъ кто бы то ни было въ отдѣльности, этотъ нѣкто—всѣ»? Итакъ точка зрѣнія не нова. Но соціологія идетъ дальше этого; она пользуется позитивнымъ методомъ, не признавая ни какого другого. Ея характеристической чертой является вѣра въ возможность вывести законы, управляющіе лицомъ и обществомъ, единственно посредствомъ наблюденія, сопровождаемаго индукціей. Въ исторіи она не ищетъ того, что искали въ ней древніе или Историческая Школа, т. е. развитіе идей или уроковъ жизненнаго опыта, но исключительно зародышей. Она послѣдовательно изслѣдуетъ отъ одной стадіи къ другой человѣческія группы, семью, общину,

родъ и націю, въ цѣляхъ выясненія того внутренняго теченія, выразителями котораго они являются, или, какъ говоритъ Литтрэ выясненія «постояннаго свойства вещей»; она изучаетъ нравы, обычаи, литературы въ цѣляхъ установленія законовъ, парящихъ надъ историческими и помѣстными особенностями, изъ которыхъ вытекаетъ и которыми объясняется эволюція и добавляетъ Литтрэ въ цѣляхъ вывода «общей концепціи мірозданія». Раскрытіе фактовъ, ихъ группировка, установленіе тѣхъ отношеній которыми они связаны, «ихъ естественнаго зародыша», какъ говоритъ Спэнсеръ, наконецъ, выводъ ими управляющаго закона, изучая посредствомъ наблюденія взаимное сцѣпленіе причинъ и слѣдствій,—вотъ все, что доступно наукѣ. Претендовать на большее, значило бы впасть въ обманъ апріорныхъ идей, это равносильно было бы возврату къ методамъ теологіи или метафизики и безсильному желанію бунтующаго разума проникнуть въ область непосягаемаго.

137. Наконецъ, онтологическое положеніе заключается въ особенномъ углѣ зрѣнія на человѣка и на общество, на ихъ относительную роль и взаимныя отношенія. Соціологія даетъ совершенно новую постановку условіямъ, до нея уже установленнымъ, проблемъ жизни, и, въ этомъ отношеніи, соціологія глубоко расходится со всѣми, предшествовавшими ей, системами.

До этого человѣкъ почитался за субъекта права, изъ него оно истекало, и къ нему же оно и сводилось; съ другой стороны общество разсматривалось, какъ группа, образовавшаяся на почвѣ соглашенія воль, инстинктивнаго и молчаливаго, по мнѣнію однихъ, формальнаго и преднамѣреннаго, по мнѣнію другихъ. Обѣ эти идеи близки между собою и въ конечномъ выводѣ согласуются. По ученію позитивистовъ роль, опредѣленная человѣку во всѣ времена, падаетъ; право больше уже не существуетъ ни въ немъ, ни для него, оно существуетъ въ обществѣ и для общества. И, дѣйствительно, по ученію соціологіи, общества не представляютъ изъ себя частныхъ товариществъ, сошедшихся на почвѣ свободнаго соглашенія; не въ большей степени они не представляютъ собранія индивидовъ, сгруппировавшихся подъ вліяніемъ географическихъ и историческихъ вліяній, т. е. естественныхъ условій: они суть организмы, въ полномъ и точномъ смыслѣ этого слова, организмы, которымъ свойственны жизненныя явленія. Они обладаютъ тѣломъ; соціальное тѣло, какъ это часто говорятъ, пренебрегая тѣмъ насколько это удачно сказано, рождается изъ зародыша, эволюируетъ въ теченіи опредѣленнаго времени для того, чтобы, впослѣдствіи въ концѣ концовъ подвергнуться процессу распада; они обладаютъ въ самихъ себѣ силой, способствующей ихъ самоохраненію и развитію; каждое изъ нихъ, какъ это можетъ быть наблюдаемо въ отношеніи исчезнувшихъ обществъ, греческаго, римскаго и другихъ, обладаетъ своимъ ему лишь свойственнымъ, геніемъ и своимъ особеннымъ воздѣйствіемъ на жизнь человѣчества.

Не только общество есть живая личность, отличная и независимая отъ своихъ членовъ, но, даже больше того, тольке оно обладаетъ истиннымъ, собственнымъ существованіемъ. Сливаясь съ родомъ, оно поглащаетъ лицо, которое по отношенію къ нему есть лишь функція, «органъ организма». Литтрэ настаиваетъ на этой идеѣ говоря: «только цѣлый организмъ представляетъ дѣйствительную реальность, части же его таковою не обладаютъ»; и Курсель-Сенейль въ развитіе ея добавляетъ: «наши идеи, наши научныя и моральныя понятія мы черпаемъ въ обществѣ, также какъ и нашу жизнь; общественное сознаніе порождаетъ нашу совѣсть, освѣщаетъ ее контролируетъ; у насъ нѣтъ другихъ правъ, кромѣ тѣхъ, которыми насъ облекаетъ общество». Въ дальнѣйшемъ развитіи своего основного положенія соціологія учитъ: отдѣльныя общества, которыя возникаютъ и исчезаютъ въ міровомъ движеніи, суть въ свою очередь органы самаго наибольшаго изъ обществъ, образующаго собою все человѣчество или «Великій Организмъ».

138. Это въ точности таже самая конечная концепція, къ которой пришла въ своей послѣдней эволюціи Историческая Школа у Аренса, Іеринга, Блунчли и т. д. Будучи до нельзя смѣлой уже въ нѣмецкой школѣ, она, очевидно, еще больше поражаетъ своей смѣлостью въ соціологіи; такъ какъ то, что можетъ быть въ точности понятно въ ученіи, выросшемъ изъ спекулятивнаго идеализма Гегеля, можетъ ли быть допустимо въ системѣ, которая громко хвалится тѣмъ, что разсѣяла все то, что составляетъ умозрительныя концепціи и которыя допускаетъ лишь одни явленія чувственнаго опыта, могущія быть фактически доказанными? Позитивизмъ правъ въ своемъ утвержденіи, что не существуетъ такой гипотезы, которая могла бы претендовать на преобразованіе міра по своему мѣрилу; но, въ дѣйствительности, идея, что общество есть живой организмъ развѣ сама то она не есть гипотеза? Можно ли путемъ опыта доказать существованіе міровой души или вселенской совѣсти, или хотя бы только, существованіе соціальнаго тѣла? Утверждаютъ, что структура обществъ тождественна съ строеніемъ живого тѣла; пусть по крайней мѣрѣ, признаютъ между ними, хоть одно различіе, именно то, что—въ то время, какъ органическія тѣла, дѣйствительно, существуютъ и обладаютъ реальностью, соціальныя тѣла, если даже въ нихъ вѣрить, все же представляютъ изъ себя лишь одно предположеніе. Послѣ того, какъ это будетъ установлено, пусть все прочее, если ужъ такъ угодно, будетъ тождественно.

Тѣмъ не менѣе эта идея пріобрѣла въ средѣ соціологовъ значеніе аксіомы. Огюстъ Контъ ее выдвинулъ; Литтрэ ее развилъ; Гербертъ Спэнсеръ поставилъ ее какъ бы въ основу своей системы, которая состоитъ въ примѣненіи къ обществамъ, признаваемымъ имъ за организмы, двухъ законовъ Дарвина,— эволюціи чрезъ посредство «борьбы за существованіе» и прогресса чрезъ

посредство «естественнаго подбора». Затѣмъ появились ученики, которые подчеркнули или даже утрировали мысль учителей. Принимая въ буквальномъ смыслѣ слова, то что до того времени не переставало быть лишь образомъ мысли они рѣшительно приступили, въ слѣдъ за Іерингомъ и Шеффле [1]) къ анатоміи и физіологіи общественнаго тѣла Уже принято, и это повторяется безъ тѣни сомнѣнія, что лицо есть его «клѣточка», что семейныя и общинныя группы суть его «нервные узлы», что наконецъ, Государство есть его «спинно-мозговой центръ» или просто мозгъ. Вводится цѣлая новая номенклатура для исправленія классификаціи прежде существовавшихъ соціальныхъ наукъ; она занимаетъ свои термины у языка экспериментальныхъ наукъ, дабы вящимъ образомъ отмѣтить, что время идей кануло въ вѣчность и что отъ нынѣ нѣтъ ничему мѣста, кромѣ какъ силамъ природы. Исторія описывающая законы прогрессивнаго движенія, становится соціальной динамикой; Соціологія, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, выставляющая законы сосуществованія явленій, становится соціальной статикой; политическая экономія, занимающаяся условіями питанія и дыханія, становится соціальной гигіеной; наконецъ, право становится соціальной терапевтикой и уголовное право—хирургіей и т. д.

Компанія ведется съ такимъ непоколебимымъ убѣжденіемъ и серьезностью, что даже самые стойкіе умы не безъ того, чтобы испытать нѣкоторое смущеніе; такъ какъ искренняя вѣра въ данномъ случаѣ внѣ сомнѣнія, то спрашиваешь себя не находишься ли въ дѣйствительности передъ тѣмъ явленіемъ, которое людьми вѣрующими въ гипнотизмъ названо самовнушеніемъ [2]).

139. Признавать ли данное положеніе за гипотезу или нѣтъ, но оно составляетъ основу и существо Соціологіи. Оно образуетъ фундаментъ и оригинальную черту этой системы; изъ него вытекаютъ слѣдствія и имъ обусловленныя практическія выводы.

Во-первыхъ, посредствомъ него Соціологія или наука объ обществѣ дѣйствительно «интегрируется въ систему естественныхъ наукъ» согласно желанію позитивнаго метода. И, дѣйствительно, разъ общество есть организмъ, то соціальные или суперорганическіе факты суть явленія жизни; и отсюда слѣдуетъ, что Соціологія есть интегрированная часть біологіи [3]). Для разрѣшенія проблемы

[1] См. выше стр.

[2]) Относительно происхожденія и развитія идеи общественныхъ организмовъ и обоснованія ея на физіологическихъ и психологическихъ доказательствахъ см. V. Fouillée, La science sociale contemporaine p. 74 et s.; Comp. Espinas, Les sociétés animales, et Etude sociologiques, напечатанные въ Revue philosophique, 1882, p. 337—Perrier Les colonies animales et la formation des organismes;—Bordier, La vie des sociétés.

[3]) Это подлинная точка зрѣнія Герберта Спэнсера. Литтрэ, вѣрный ученію Конта не совсѣмъ такъ изображаетъ отношенія Соціологіи къ другимъ наукамъ но результатъ остается тождественъ. Онъ говоритъ по этому поводу: «Теорія общества въ полной зависимости отъ біологіи, или науки о живыхъ су-

своего назначенія человѣкъ не долженъ изучать собственную природу, что повидимому, составляетъ претензію несбыточной мечты; говорятъ, что ему для этого надлежитъ изучить нѣчто болѣе простое, а именно, тотъ организмъ, въ которомъ онъ живетъ, дабы согласовать свое «я» съ тѣми законами, которые имъ управляютъ. Въ свою очередь роль законодателя, призваннаго къ охранѣ порядка въ каждомъ отдѣльномъ обществѣ, сводится лишь къ роли врача; заботой того и другого должна быть охрана, ввѣреннаго ихъ попеченію, организма, общественнаго или отдѣльнаго человѣка, и постановка его въ условія свойственныя его природѣ и его развитію и обезпеченіе отъ измѣненія или порчи того «спеціальнаго типа», который добытъ посредствомъ наблюденія. Наконецъ, неиначе долженъ поступать и философъ, назначеніе котораго раскрывать общіе законы, которымъ подчинены законы, управляющіе отдѣльными обществами; такъ какъ великій организмъ, или человѣчество, шествуетъ болѣе медленнымъ шагомъ по тому же пути, по которому движутся, каждое само по себѣ, отдѣльныя общества. «Движеніе его эволюціи настолько предопредѣлено его общимъ характеромъ, что его послѣдовательныя фазы не могутъ опередить одна другую; и, слѣдовательно, нѣтъ ни такой науки, ни такой политики, которая могла бы заставить его превзойти извѣстную нормальную скорость ограниченную скоростью органическихъ превращеній у человѣческихъ существъ».

140. Кромѣ того это самое положеніе объясняетъ тотъ незыблемый авторитетъ, который соціологія приписываетъ установленнымъ фактамъ и тотъ характеръ достовѣрности, если не фатальности, которымъ она надѣляетъ, выведенные изъ нихъ посредствомъ индукціи, законы. Дѣйствительно, если соціальныя явленія суть явленія біологическія, то они, не болѣе, чѣмъ явленія физическія, не суть продуктъ случая или человѣческой воли; они предопредѣлены, т. е. подчинены естественнымъ и незыблемымъ законамъ, они происходятъ и слѣдуютъ другъ за другомъ согласно точно установленнымъ, отношеніямъ, тѣмъ что они повторяются, они несутъ въ самихъ себѣ доказательство своей необходимости.

Гербертъ Спэнсеръ, встрѣчаясь съ институтомъ частной собственности, съ большой осторожностью задаетъ себѣ вопросъ не составляетъ ли право, носящее это названіе, вѣнецъ человѣческой свободы, впрочемъ это ему ничего не доказываетъ; но онъ наблюдаетъ, что присвоеніе признается у Тодасовъ, Санталовъ, Лептасовъ, Бодасовъ, Шакмасовъ, Такуновъ, Арасурасовъ, Ведаховъ, обитающихъ въ лѣсахъ и т. д., и, посредствомъ индукціи, онъ приходитъ къ заключенію изъ повторяемости и сходства этого яв-

---

ществахъ; и такъ какъ біологія въ свою очередь зависитъ отъ всѣхъ предшествующихъ ей наукъ, то отсюда слѣдуетъ, что и Соціологія имѣетъ своей основой уже непоколебимую систему біологіи, химіи, физики, астрономіи и математики». Application de la philosophie positive au gouvernement, p. 47.

ленія, что оно соотвѣтствуетъ «естественному праву». Приступаетъ ли позитивный методъ къ изслѣдованію вопроса о законности отрѣшенія отъ должности служащихъ, онъ не задается вопросомъ согласно ли это съ здравымъ смысломъ и практическими потребностями, онъ наблюдаетъ, что извѣстные дикіе народы освобождаются отъ безполезныхъ стариковъ путемъ ихъ умерщвленія, что устарѣвшіе Браманы покидаютъ дѣятельную жизнь и становятся аскетами и, посредствомъ индукціи, выводитъ отсюда заключеніе, что отставка естественна, когда возрастъ дѣлаетъ человѣка немощнымъ. И такъ далѣе поступаетъ онъ по всѣмъ вопросамъ, начиная отъ самыхъ важныхъ и кончая самыми незначительными. Разумъ цивилизованнаго человѣка былъ бы безсиленъ ихъ разрѣшить; инстинктъ же дикаря способенъ это сдѣлать съ одного маху. Чѣмъ народъ первобытнѣе, тѣмъ тѣ явленія, которыя онъ обнаруживаетъ для наблюденія обладаютъ большей доказательной силой; напротивъ того, документы народа, достигшаго своего опредѣленнаго мѣста въ исторіи человѣчества, подозрительны, такъ какъ въ нихъ можно смѣшать истинную природу и ея внѣшнія проявленія съ искусственными наслоеніями теологіи или метафизики. Если Станлей соціологъ и соціологъ изслѣдователь, то какое обиліе явленій безъ примѣсей цивилизаціи и слѣдовательно, во истинну, убѣдительныхъ и доказательныхъ долженъ былъ онъ обрѣсть, въ нетронутыхъ до него, дебряхъ экваторіальной Африки. Того, кто мало освоился съ методомъ соціологовъ этотъ способъ разсужденія поражаетъ и даже производитъ на него впечатлѣніе нѣсколько дѣтскаго; но, по мнѣнію позитивистовъ онъ доказателенъ и, даже, единственно только онъ и доказателенъ.

То же самое предположеніе, которое заставило ихъ искать раскрытіе законовъ путемъ наблюденія надъ наиболѣе дикими народами, привело ихъ къ поискамъ того же самаго также и въ обществѣ животныхъ. Будь то группы животныхъ, будь то общества людей, примѣненный къ изученію ихъ организмовъ методъ наблюденія не представляетъ никакой разницы. Поэтому-то на долю муравьевъ и пчелъ обыкновенно и выпадаетъ честь разрѣшенія соціальной проблемы; Огюстъ Контъ превозноситъ похвалами сравненіе съ наиболѣе развитыми млекопитающимися. Человѣкъ и «прочіе животные» говорятъ бѣгло и не безъ аффектаціи соціологи [1]). Отсюда ясно, почему они видятъ въ правѣ лишь главу естественной исторіи.

141. Наконецъ, изъ того же самаго положенія вытекаетъ неизмѣнная основная тенденція соціологовъ, видѣть въ томъ, что они неправильно называютъ правами, лишь простые интересы и

---

[1]) См. напримѣръ: Auguste Compte, Cours de philosophie t. 4 p. 312;—Courcelle Seneuille Etude sur la science sociale, p. 44; Preparation à l'etude du droit, p. 46; Duguit, op. cit., p. 488

тенденція подчиненія права лица праву общества. Можно сказать, что это тенденція составляетъ существо и характеристическую особенность этой системы; она проявляется, хотя въ различныхъ формахъ у всѣхъ приверженцевъ школы: соціологія есть по преимуществу и во истину система соціальнаго права.

Дѣйствительно, человѣкъ въ соціологической концепціи есть лишь функція общества. безконечно малой величины органъ цѣлаго организма, клѣточка общественнаго тѣла. Но не было ли бы дерзновеннымъ высокомѣріемъ со стороны этого органа идти на перекоръ организму, со стороны этой клѣточки претендовать на какія то права по отношенію нервныхъ узловъ и тѣмъ паче по отношенію спинно-мозгового центра? Удѣлять мѣсто какому-нибудь праву человѣка или что тоже человѣческой волѣ, не равносильно ли это было бы отрицанію незыблемости законовъ, по которымъ развиваются соціальныя отношенія.

Въ историческомъ прошломъ, всѣ системы, которыя учили о подчиненіи лица Государству, неизмѣнно наталкивались на несогласуемое противорѣчіе; такъ какъ разъ Государство, въ своемъ конечномъ опредѣленіи, есть твореніе рукъ человѣческихъ или, по крайней мѣрѣ, кажется таковымъ въ исторіи, то какъ можетъ оно обладать большимъ правомъ чѣмъ самъ человѣкъ? Соціологія избѣгаетъ этого противорѣчія, ставя право не въ государствѣ, но въ обществѣ, которое есть естественный организмъ, а не продуктъ искусства или разума, иначе говоря, она подчиняетъ лицо не Государству, а роду. Человѣкъ, семья, община, всѣ они суть ничто иное какъ агенты общества и всѣ одинаково находятся въ прямомъ подчиненіи обществу и въ косвенномъ Государству, которое является его мозговымъ аппаратомъ; и даже цѣлыя отдѣльныя общества суть лишь агенты организма человѣчества и подчинены законамъ, по которымъ онъ совершаетъ свое необходимое движеніе. Съ этой точки зрѣнія законъ эволюціи становится философіей исторіи; соціологія встрѣчается здѣсь съ гегеліанскимъ пантеизмомъ, который видитъ право въ вѣчномъ становленіи. Обѣ системы, вмѣсто того, чтобы исходить изъ человѣческой природы для того, чтобы изъ нея вывесть, посредствомъ дедукціи, право, пользуются та и другая фактами, дѣйствительными или предполагаемыми для того, чтобы подчинить имъ человѣка; лицо уже больше не субъектъ, но объектъ права, или, по крайней мѣрѣ, то единственное право, которое оно сохраняетъ, заключается въ исполненіи роли органа и въ подчиненіи руководству въ своихъ дѣйствіяхъ; законы, по которымъ эволюируетъ родъ поглащаютъ и уничтожаютъ свободу лица.

142. Огюстъ Контъ подписывается подъ этимъ выводомъ безъ тѣни сомнѣнія или зазрѣнія совѣсти. Никто не внесъ въ развитіе этихъ идей больше логики, искренности и откровенности. «Понятіе права», говоритъ онъ, «должно исчезнуть изъ области фило-

софіи... Позитивизмъ допускаетъ лишь одни обязанности..., такъ какъ его отправная точка, всегда носящая окраску общественности не можетъ быть согласована ни съ какимъ понятіемъ права, всегда покоющимся на человѣческой личности. Всякое человѣческое право настолько же абсурдно, насколько и безнравственно. И такъ какъ не существуетъ никакого божескаго права, то это понятіе и должно быть окончательно уничтожено, какъ всецѣло относящееся къ уже прошедшимъ эпохамъ, и какъ совершенно несовмѣстимое съ конечной эпохой, признающей лишь одни обязанности, вытекающія изъ функцій.

Вотъ дѣйствительно разсужденіе свободное отъ обиняковъ. Античная традиція, разрушенная въ 1789 г., вновь воскресаетъ; экспериментальная соціологія, хотя и опирается на свою собственную, исключительно ей свойственную, точку зрѣнія, тѣмъ не менѣе въ своихъ выводахъ совпадаетъ съ теоріями до революціонной эпохи: она осуждаетъ декларацію правъ человѣка, въ качествѣ противорѣчащей и не совмѣстимой со взглядами истиной науки, верховныя права народа она презрительно называетъ «метафизическимъ предразсудкомъ», она отвергаетъ парламентарный или даже просто представительный образъ правленія, въ частной собственности и другихъ предполагаемыхъ правахъ она видитъ лишь соизволеніе закона и т. д.

Литтрэ, болѣе увлеченный, чѣмъ его учитель, боевой политикой, мечтая гораздо больше о пропагандѣ и о борьбѣ, идетъ прямо на встрѣчу абсолютизму; онъ требуетъ диктатуры пролетаріата, и онъ желаетъ, чтобы правительство Франціи снова было передано городу Парижу или, точнѣе, избраннымъ имъ начальникамъ. Предлагаетъ-ли это онъ въ интересахъ пролетаріевъ или во имя идей соціализма? Ни въ какомъ случаѣ, онъ защищается отъ такого предположенія; это нужно для того, чтобы обезпечить торжество соціологической истины, «новаго догмата», такъ какъ одинъ только пролетаріатъ ему представляется способнымъ порвать всякую связь съ традиціями, которыя препятствуютъ окончательному осуществленію позитивнаго Государства. «Соціальныя реформы», говоритъ онъ, «могутъ быть достигнуты только путемъ окончательнаго отрѣшенія отъ теологическихъ и метафизическихъ вѣрованій»; итакъ, онъ, будучи тѣмъ философомъ, который такъ краснорѣчиво описываетъ «безконечное наслажденіе, связанное съ полнымъ самоопредѣленіемъ», желаетъ возникновеніе власти, на подобіе «безсмертнато Конвента», способной возсоединить человѣческія убѣжденія съ излюбленной имъ доктриной, посредствомъ того, что онъ весьма мягко называетъ «умственнымъ объединеніемъ». Конечно, онъ былъ слишкомъ дальновиденъ, чтобы не предвидѣть какою цѣною подобный режимъ, хотя бы даже и временный, обошелся бы человѣческой свободѣ; но, будучи апостоломъ и воиномъ позитивизма, онъ въ своей борьбѣ за «высшій идеалъ» въ то вре-

мя еще ни съ чѣмъ не встрѣтился, чтобы обезпокоило пылъ его вѣры. Будущее готовило его старости горькія разочарованія, которыя онъ имѣлъ мужество съ искренностью повѣдать.

143. Гербертъ Спэнсеръ съ внѣшней стороны приходитъ къ совершенно другимъ выводамъ, достигая ихъ прямо противу положнымъ способомъ; но по внутренней сущности, въ виду того, что всякій эволюціонистъ есть, такъ сказать, позитивистъ на изнанку, конечные результаты его изслѣдованій весьма близки къ полной тождественности съ выводами позитивизма.

Также какъ и Контъ онъ считаетъ общество за организмъ. Однако, между общественнымъ организмомъ и организмами животныхъ онъ наблюдаетъ слѣдующее различіе: у животныхъ клѣточки обладаютъ лишь растительной жизнію и существованіе отдѣльныхъ членовъ обусловливается лишь существованіемъ цѣлаго организма, тогда какъ у общественнаго тѣла, клѣточки являются существами одаренными разумомъ, такъ что, въ данномъ случаѣ, наоборотъ, цѣлое существуетъ за счетъ своихъ частей; откуда онъ выводитъ, что «счастіе отдѣльныхъ личностей является единственной конечной цѣлью Государства» и что при оцѣнкѣ тѣхъ мѣръ, которыя предпринимаются чтобы достигнуть процвѣтанія политическаго тѣла, «никогда не слѣдуетъ забывать, что Государство обладаетъ правами лишь постольку, поскольку оно представляетъ права гражданъ». Такимъ образомъ, въ полную противоположность Огюсту Конту, Спэнсеръ не только далекъ отъ мысли подчиненія лица Государству, но, напротивъ того, онъ доводитъ идею индивидуализма до крайнихъ предѣловъ. Онъ признаетъ существованіе «естественныхъ правъ», предсуществующихъ закону и независимыхъ отъ него; онъ склоняется къ необходимости въ нѣкоторой степени ограниченій правъ общества; прогрессъ въ конечныхъ своихъ стадіяхъ ему рисуется въ качествѣ такого состоянія, въ которомъ совершенно отсутствовало бы общественное принужденіе, состоянія, въ которомъ автономія лица достигла бы полной мѣры своего осуществленія, достигла бы того, что, онъ называетъ «превосходной степенью индивидуаціи». Тѣмъ же временемъ, пока этотъ идеалъ еще не достигнутъ, онъ по крайней мѣрѣ, желаетъ, чтобы функціи Государства ограничивались защитою возможности пользованія правами; и онъ устанавливаетъ, какъ незыблемое правило, что единственно законныя ограниченія свободы суть тѣ, «которыя предписываются взаимнымъ дѣйствіямъ людей въ виду ихъ одновременнаго сосуществованія въ качествѣ единицъ, какого либо общества, ограниченія, точное соблюденіе которыхъ обусловливаетъ состояніе справедливаго равновѣсія, являющагося цѣлью политическаго прогресса». По крайней мѣрѣ съ формальной стороны всѣ эти положенія находятся въ прямомъ противорѣчіи съ идеями Огюста Конта и Литтрэ.

144. Тѣмъ не менѣе, да не введетъ это кого либо въ заблужденіе. Не взирая на кажущуюся внѣшность, если углубиться въ самую сущность этого ученія, можно усмотрѣть, что истинное представленіе о правѣ лица также отсутствуетъ у Герберта Спэнсера, какъ и у Огюста Конта. Этотъ послѣдній приноситъ лицо въ жертву идеѣ общественности или, иначе говоря, самому обществу; Спэнсеръ приноситъ его въ жертву идеѣ біологіи, т. е. той всемогущей и непреодолимой силѣ, которая называется природой. Исходныя точки различны, но конечные выводы мало чѣмъ другъ отъ друга отличаются.

Великій англійскій мыслитель является представителемъ столь цѣлостной философской системы, что не можетъ быть причисленъ ни къ какой опредѣленной школѣ, развѣ только къ своей собственной. Если и подчасъ у него находятся точки соприкосновенія съ другими, то все же онъ всегда остается самъ собою. Если соціологія не есть экспериментальная и разсудочная наука Конта; она является вѣтвью обширной философской системы, симетричной во всѣхъ своихъ частяхъ, которая исходитъ изъ законовъ жизни, дабы воздвигнуть научный синтезъ, подчиняющій единому закону всѣ явленія жизни, начиная отъ клѣточки и кончая человѣческой совѣстью. Наблюденіе же надъ міровой жизнію приводитъ его къ установленію безпрерывности, вѣчности и фатальной закономѣрности измѣненій видовъ; организмы эволюируютъ подъ троякимъ воздѣйствіемъ: борьбы за существованіе, приспособленія къ средѣ и наслѣдственности и они безконечно прогрессируютъ подъ вліяніемъ соперничества и естественнаго подбора. Вотъ въ чемъ заключается великій законъ біологіи. Въ примѣненіи къ человѣческому роду онъ выливается въ слѣдующее положеніе: человѣчество развивается на началахъ абсолютно предуставленной закономѣрности; отдѣльныя человѣческія общества суть не болѣе, какъ отдѣльныя стадіи этого развитія и развиваются по тѣмъ же законамъ, какъ и все человѣчество; что же касается человѣка, то, самъ по себѣ, онъ ничто, онъ обладаетъ цѣнностью лишь постольку, поскольку онъ составляетъ родъ людской, который только и заслуживаетъ интереса и только и обладаетъ правами; человѣкъ же поглащается родомъ и въ немъ исчезаетъ.

Изъ этихъ положеній вытекаетъ соціологія Герберта Спэнсера во всей своей совокупности. Если онъ оставляетъ широкое поле дѣятельности для разума и воли, то это не потому, что они являются законными атрибутами лица, правами лица, но потому, что это полезно, въ виду того, что идеи и дѣйствія человѣка суть «естественные факторы» и, соперничая съ таковыми другихъ лицъ, они споспѣшествуютъ нормальной эволюціи. Если онъ стремится къ ограниченію, власти Государства, къ ограниченію, доходящему въ идеалѣ до его полнаго уничтоженія, то это не во имя и не въ интересѣ человѣческой свободы воздвигнутой въ принципъ

справедливости, а по тѣмъ же причинамъ и побужденіямъ, которыя заставили Савиньи и его школу отвергнуть необходимость кодификаціи: дабы охранить эволюцію отъ какого либо искусственнаго посягательства, во имя и въ интересахъ организма, организма общественнаго или мірового. Жизненное развитіе и взаимная связь общественныхъ явленій сильнѣе воли человѣка; тѣмъ не менѣе либо по недомыслію, либо по незнанію тѣхъ законовъ, которые имъ управляютъ, человѣкъ можетъ ихъ нарушать и вредить имъ, но онъ не въ силахъ измѣнить нормальнаго ихъ теченія. Слѣдовательно, какъ цѣлые народы, такъ и отдѣльныя лица должны уступать мѣсто наиболѣе способнымъ и богато одареннымъ; законъ соціологіи требуетъ, чтобы слабые отступали передъ сильными, лѣнивые передъ ретивыми, неразумные передъ мудрыми, дабы «естественный подборъ» осуществлялъ свою творческую миссію и изготовлялъ неизмѣримо высшіе и совершеннѣйшіе типы, дабы выполнялось торжественное шествіе по пути къ идеалу, по пути къ прогрессу.

145 Спэнсеръ развиваетъ эти тезисы со всей научной строгостью и доходитъ до самыхъ крайнихъ изъ нихъ выводовъ, смѣло могущихъ быть названными безпощадными. Примѣненіе къ человѣческимъ отношеніямъ дарвинскихъ законовъ столь неопровержимо и непреложно въ его глазахъ, что онъ отрицаетъ «альтруизмъ» во всѣхъ его формахъ; онъ доходитъ до запрещенія Государству защиты слабыхъ и помощи притѣсненнымъ и угнетаемымъ, что тѣмъ не менѣе составляетъ его органическую и традиціонную функцію. Онъ то и дѣло возвращается къ анализу этого положенія въ своемъ «Введеніи въ Соціальную Науку» и также въ своихъ «Принципахъ Соціологіи». Онъ уже писалъ въ соціальной статикѣ: «Бѣдность неспособныхъ, безпомощность неразумныхъ, ничтожество лѣнивыхъ и это давленіе сильныхъ, которымъ слабые сметаются въ сторону и которымъ столь многіе изъ нихъ ввергаются въ крайность суть необходимыя послѣдствія разумнаго и благодѣтельнаго соціологическаго закона». Далѣе въ этомъ же сочиненіи онъ упрекаетъ Государство, которое вопреки этому закону занимается филантропіей, «въ томъ, что оно способствуетъ разможенію въ мірѣ существъ, для которыхъ жизнь будетъ сплошнымъ страданіемъ и недостаточно внимательно къ тѣмъ, для которыхъ она могла бы быть удовольствіемъ, чѣмъ оно создаетъ горе и отдаляетъ наступленіе счастія». Этотъ индуктивный выводъ одновременно оскорбляетъ наиболѣе глубоко вкоренившіяся въ человѣческое чердце чувства и тѣ наиболѣе возвышенныя идеи, которыя сохранились до нашихъ дней изъ глубины временъ; тѣмъ не менѣе онъ безупречно логиченъ: если путемъ устраненія нежелательныхъ особей очищается порода, если путемъ торжества сильныхъ прогрессируютъ отдѣльныя общества, а чрезъ ихъ посредство прогрессируетъ и все человѣчество, то отсюда слѣдуетъ, что все,

что препятствуетъ и уменьшаетъ дѣйствіе этого біологическаго закона, является ударомъ направленнымъ противъ самихъ законовъ природы и, слѣдовательно, является абсолютнымъ зломъ.

Въ области уголовнаго права эти выводы становятся еще болѣе рѣзкими. Человѣкъ въ этой философской системѣ самъ по себѣ настолько мало значитъ, онъ настолько полно исчезаетъ передъ эволюціей міровыхъ явленій. которыя одни только и достойны вниманія, что Гербертъ Спэнсеръ, обосновывая право наказанія на исключительномъ началѣ соціальной пользы, въ примѣненіи возмездія совершенно отбрасываетъ вопросы вмѣненія не только по отношенію сознательнымъ, но даже и безсознательнымъ дѣйствіямъ. Одинъ изъ его ярыхъ послѣдователей Курсель-Сенейль говоритъ совершенно опредѣленно, что «сумасшествіе не извиняетъ убійцы»; и далѣе онъ развиваетъ ту мысль, что лицо, не сознающее совершаемаго, должно быть совершенно также наказано, какъ и то, которое дѣйствовало съ полнымъ разумѣніемъ совершаемаго. Это глубоко противорѣчитъ традиціонно установившимся взглядамъ на элементарную справедливость; тѣмъ не менѣе это опять таки вполнѣ логично. Дѣйствительно, по Спэнсеру, въ преступленіи центръ тяжести лежитъ не въ томъ злѣ, въ которомъ оно выражается и не способахъ его устраненія, такъ какъ вся жизнь закономѣрна и основана на міровомъ предустановленномъ детерминизмѣ, а въ уклоненіи отъ законовъ естества, а потому оно должно быть исправлено въ интересахъ организма; поражать надлежитъ безпорядокъ, но не того, который его производитъ. Къ тому же побужденіе, также какъ и идеи принадлежатъ къ области сверхчувственнаго, а потому надлежитъ считаться лишь съ фактомъ, а не съ нравственностью дѣйствующаго или съ воображаемыми элементами умысла.

146. Неужели въ этомъ заключаются либеральныя традиціи? Конечно, нѣтъ, можно даже безъ ошибки сказать, что это прямо имъ противорѣчитъ. Цивилизація есть ничто другое какъ вѣковое стремленіе человѣчества избѣжать насилія и насильниковъ посредствомъ коллективной и разумной организаціи законной защиты. Государство, воздвигнутое во имя охраны справедливости, тѣмъ самымъ становится необходимымъ атрибутомъ права; уничтожить его значитъ дать мѣсто праву сильнаго; а право сильнаго есть отрицаніе права, отрицаніе его въ самомъ его существѣ, въ самомъ его зародышѣ.

Если даже отбросить основаніе этой системы и ея конечные теоретическіе выводы, что находимъ мы при разсмотрѣніи ея примѣненія на практикѣ? При такой постановкѣ изслѣдованія менѣе всего доступно заблужденіе: либеральная школа разсматриваетъ общество, какъ соединеніе людей сошедшихся во имя общихъ симпатій, взаимной помощи и взаимной защиты, тогда какъ Гербертъ Спэнсеръ видитъ въ немъ собраніе эгоизмовъ, пришедшихъ въ со-

прикосновеніе подъ вліяніемъ географическихъ или историческихъ случайностей; сильный въ немъ не только уполномочивается, но даже приглашается къ уничтоженію слабаго. Эти двѣ точки зрѣнія діаметрально противуположны; они не менѣе отличаются другъ отъ друга по выводамъ, чѣмъ по основнымъ принципамъ, онѣ не совмѣстимы и непримиримы. Біологическая соціологія это тоже ученіе Гоббса, но лишенное того противовѣса, который введенъ въ него этимъ защитникомъ абсолютизма, т. е. въ немъ отсутствуетъ всемогущее Государство homo homiani lupus. Конечно, нельзя дѣлать какую либо философскую систему отвѣтственной за тѣ крайнія злоупотребленія ею, которыя дѣлаются вслѣдствіе невѣжества, недобросовѣстности или тѣмъ болѣе наглости; тѣмъ не менѣе, что можно отвѣтить практическимъ борцамъ за существованіе, когда они взываютъ къ этимъ законамъ въ защиту своихъ преступленій или подлостей? Есть между ними негодяи недостойные ни малѣйшей жалости, но могутъ быть къ сожалѣнію и такіе, которые самымъ добросовѣстнымъ образомъ введены въ заблужденіе доктриной.

Гербертъ Спэнсеръ индивидуалистъ; ему недостаетъ, чтобы быть сопричтеннымъ къ либеральной школѣ уваженія къ человѣку, чувству нравственной отвѣтственности, недостаетъ заботы о справедливости, которая есть ничто иное, какъ чувство своихъ естественныхъ правъ, недостаетъ и разработки вопроса о гарантіяхъ, занятіе которымъ составляетъ отличительную черту Либеральной Школы. Уничтожая государство, онъ приходитъ къ тѣмъ же результатамъ, къ которымъ приходятъ другіе, облекая его всемогуществомъ; дѣло свободы въ обоихъ случаяхъ одинаково скомпрометировано, въ одномъ случаѣ оно подвержено риску произвола, въ другомъ случаѣ оно скомпрометировано отсутствіемъ необходимыхъ гарантій. Такимъ образомъ еще разъ выясняется, что натуралистическая философія роковымъ образомъ противорѣчитъ либерализму и что чрезъ ея посредство неизбѣжно разлагается и окончательно исчезаетъ идея права.

147. У учениковъ этой школы обѣ первичныя ея формы все тѣснѣе и тѣснѣе другъ съ другомъ комбинируются и взаимно сливаются. Нео-соціологи все больше и больше стремятся освободиться отъ основныхъ формулъ школы, каковыя по ихъ мнѣнію страдаютъ исключительностью и узостью; они въ конечномъ выводѣ приходятъ къ нѣкотораго рода эклектизму, въ которомъ экспериментальная точка зрѣнія и точка зрѣнія біологическая сливаются или, по крайней мѣрѣ, въ которомъ они недостаточно строго разграничены. Выйдя на этотъ путь школа не могла не расчлениться на многочисленныя фракціи. тѣмъ не менѣе, хотя тысячи оттѣнковъ отдѣляютъ однихъ послѣдователей школы отъ другихъ, но все же между ними остается одно общее мѣсто, въ которомъ они

всѣ сходятся и которое въ нѣкоторомъ родѣ ихъ объединяетъ: это презрѣніе къ праву лица, если не полное его отрицаніе.

Въ Англіи социологи и утилитаристы очень между собою дружатъ. Правда, обѣ школы сходятся не на почвѣ своихъ философскихъ тезисовъ, но по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ на способахъ разсужденія и почти всегда на практическихъ выводахъ; согласіе между ними столь тѣсное, что когда кто нибудь желаетъ сдѣлать ссылку на авторитетъ, то одновременно приводитъ и мнѣніе Стюарта Милля и мнѣніе Герберта Спэнсера для подкрѣпленія одного и того же положенія, хотя ученія каждаго изъ этихъ мыслителей исходятъ изъ діаметрально противуположныхъ полюсовъ. Такъ называемый экспериментальный методъ имъ общъ; торжество «сильныхъ» есть новый варіантъ идеи пользы. Іерингъ усматриваетъ у Бэнтама даже концепцію соціальнаго организма, каковая съ формальной стороны ему дѣйствительно присуща, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ гипотезы. Не чему удивляться, что обѣ школы встрѣчаются въ преобладающемъ значеніи общественной точки зрѣнія надъ правомъ лица.

Въ Германіи соціологія имѣла аналогичную судьбу; она заключила союзъ съ исторической школой въ ея послѣдней формаціи и обѣ школы въ настоящее время слились воедино. Дѣйствительно, идея эволюціи и идея вѣчнаго становленія возникли какъ бы для того, чтобы соединиться; такъ какъ, что изъ себя представляетъ организмъ Іеринга и Блунчли и въ особенности Шеффле, какъ не космологію Гегеля превратившуюся въ натуралистическую и научную изъ спекулятивной и національной, каковой она была у Гегеля? Въ обѣихъ системахъ человѣческая личность одинаково исчезаетъ, она поглощается силой, которая развивается внѣ человѣка и подъ дѣйствіемъ присущихъ его природѣ законовъ. Государство, которое по выраженію Блунчли, представляетъ и олицетворяетъ общественный организмъ становится высшимъ руководителемъ всѣхъ правъ, низведенныхъ къ положенію простыхъ интересовъ; соціологія въ конечныхъ своихъ выводахъ приходитъ къ всепоглащенію человѣческой личности государствомъ, также и къ его всемогуществу или, иначе говоря, къ соціализму кафедры.

148. Во Франціи, гдѣ общественное мнѣніе послѣ великаго кризиса конца XVIII вѣка продолжаетъ бродить и искать своего объединяющаго начала, соціологія раздробилась на еще больше фракцій; она носитъ тенденціи то утилитаризма, то абсолютизма, то, наконецъ, чистаго фатализма.

Одни, какъ напримѣръ, М. Бөрдіэ и докторъ Летурно провозглашаютъ вслѣдъ за Контомъ и даже въ гораздо болѣе категорической формѣ, чѣмъ онъ, преобладающее значеніе общественной точки зрѣнія; и они утверждаютъ, что дисциплина юрическихъ наукъ не имѣетъ никакого другого основанія и опоры кромѣ своей полезности.

М. Курсель Сенейль, который вдохновляется одновременно и Бэнтамомъ, и Контомъ, и Спэнсеромъ, и который поэтому имѣетъ тройные шансы быть въ этомъ вопросѣ яснымъ и опредѣленнымъ, еще болѣе категориченъ: «Въ наукѣ, также какъ и въ дѣйствительности», говоритъ онъ, «концепція правъ человѣка не имѣетъ никакого юридическаго значенія: это просто плодъ воображенія.... Не безъ основанія Бэнтамъ называлъ эту идею анархистическимъ софизмомъ». Далѣе онъ разсматриваетъ ее почти что, какъ дѣло рукъ церкви, такъ какъ онъ добавляетъ: «Эта концепція, родившаяся въ нѣдрахъ христіанскаго ученія, претендующаго на обладаніе абсолютной истиной, но приписывающаго себѣ божественное происхожденіе, окончательно разоблачена исторіей». Авторъ держится за эту свою точку зрѣнія; онъ ее повторяетъ въ своемъ «Критическомъ изслѣдованіи декларацiи правъ», недавно сообщенномъ въ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, въ которомъ онъ доказываетъ происхожденіе идеи естественныхъ правъ человѣка изъ «теологической философіи XVI вѣка». Можно ли болѣе безцеремонно извращать совершенно точную по своему существу идею и можно ли болѣе пренебречь уроками исторіи, дѣлая одновременно ссылки на нихъ? Знаменитый экономистъ не прощаетъ Герберту Спэнсеру признанія существованія «естественныхъ правъ»; и вѣроятно поэтому онъ держитъ труды великаго философа не въ особенно большомъ почетѣ: «Обширныя изслѣдованія», говоритъ онъ про нихъ, «любопытныя замѣчанія, остроумныя, глубокія и весьма поучительныя наблюденія, но лишенныя какого бы то ни было заключенія».

Если угодно познакомиться съ соціологіей самой послѣдней формаціи, говорю послѣдней, такъ какъ трудно предположить, чтобы можно было идти далѣе этого, то совѣтую прочесть небольшое сочиненіе, недавно выпущенное въ свѣтъ, и принадлежащее перу Амбруаза Дантена, книгу полную таланта, въ которой натурализмъ возвышается до отвлеченныхъ концепцій судебъ человѣчества, но которая приходитъ къ самымъ безнадежнымъ выводамъ. Дѣйствительно, если сущность жизни заключается лишь въ томъ, что въ ней видитъ авторъ, то она не стоитъ того, чтобы быть прожитой; при чтеніи этихъ страницъ васъ обдаетъ холодомъ могилы и объяснить ихъ себѣ вы можете лишь склонностью автора къ пессимизму, выросшему въ нѣдрахъ страны по ту сторону Рейна и заражающему французскій умъ, славившійся прежде бодростью, веселостью и здравымъ смысломъ. «Человѣкъ», говоритъ Дантенъ, «рождается живымъ и жизнеспособнымъ, этимъ все и исчерпывается. Когда глаза его становятся способными реагировать на свѣтъ онъ ничто иное какъ живая матерія, до извѣстной степени гибкая и воспріимчивая, которой общество внѣдритъ душу, которая, самоопредѣлившись, начнетъ проводить свою жизненную борозду согласно своихъ врожденныхъ склонностей, той среды, въ которой

она живетъ и внѣшнихъ обстоятельствъ сопутствующихъ ея дѣятельности». Человѣческое существо, будучи разъ пріобщено къ обществу «поглощается имъ со всѣми своими качествами и склонностями»; оно сотрудничаетъ «въ роковомъ творчествѣ, которое не является его личнымъ дѣломъ, такъ какъ эволюція управляется біологическими законами, стоящими превыше человѣческаго разума.... хотя они и неизвѣстны, но они столь же непреложны и столь же необходимы, какъ и законы физическіе, управляющіе движеніемъ элементовъ». Что же въ такомъ случаѣ представляетъ изъ себя человѣкъ, разъ весь міръ оцѣпленъ закономъ причинности и абсолютнымъ детерминизмомъ?—Менѣе чѣмъ ничто: онъ нуль въ безпредѣльности, «игрушечный паяцъ въ рукахъ природы, нити котораго приводятся въ движеніе силою болѣе могущественной, чѣмъ всякая человѣческая воля и называемой необходимостью». Обладаетъ ли онъ правами? Нѣтъ, такъ какъ «въ природѣ никакихъ правъ не существуетъ, а существуютъ лишь факты»; его единственное право, которое въ сущности является не правомъ, но фактомъ, это право жить подобно всѣмъ прочимъ организмамъ, то есть зависѣть отъ незыблемыхъ и неприложныхъ законовъ, управляющихъ порядкомъ вещей. Когда сознаніе своихъ потребностей возбудили въ немъ предусмотрительность, онъ естественно позаботился узаконить и закрѣпить за собою пріобрѣтенные факты, превративъ ихъ въ права; но семья, собственность и другія права остаются тѣмъ не менѣе для него лишь «искусственными средствами, допущенными въ качествѣ фикцій», назначеніе которыхъ заключается только служить стимулами къ работѣ. Въ мірѣ существуетъ лишь одна реальность, «это жизнь человѣчества, которая непрестанно прогрессируетъ, непрестанно развивается качественно и количественно». А отсюда слѣдуетъ, что «право общества давлѣетъ надъ правомъ отдѣльнаго его члена». Общество ради своей пользы можетъ жертвовать отдѣльными своими членами, совершенно на томъ же основаніи, на которомъ частный человѣкъ, въ интересахъ самосохраненія, можетъ самъ себя въ чемъ либо ограничивать, можетъ жертвовать отдѣльными своими членами, принуждая ихъ къ неподвижности, или даже къ полному отдѣленію отъ тѣла ради бо́льшаго блага сохраненія общаго здоровья». Государство, являющееся представителемъ общества, обладаетъ верховной властью надъ личностью, имуществами, свободами и жизнію отдѣльныхъ членовъ общества, и если эта власть ограничена въ своемъ вмѣшательствѣ человѣческою совѣстью, то это не потому, чтобы тутъ лежала законная граница его воздѣйствія на личность, но исключительно потому, что здѣсь фактическій предѣлъ этой власти Признаніе за человѣкомъ какихъ либо правъ по отношенію къ обществу равносильно было отрицанію предуставленнаго порядка, и «когда общество мѣняется съ личностью ролями въ качествѣ источника права, то это признакъ разложенія

общества, также точно какъ это бываетъ съ тѣломъ, которое разлагается на свои составныя части, когда законы химическаго сродства перестаютъ въ немъ дѣйствовать, или какъ это бываетъ съ трупомъ, въ которомъ кишащіе черви замѣняютъ собою прежнюю единую жизнь цѣлаго». Куда же дѣлось, въ такомъ случаѣ, то право, къ которому человѣкъ въ своемъ заблужденіи взывалъ изъ глубины вѣковъ во всѣ времена и до нашихъ дней? «Оно находится тамъ, куда никогда человѣческій интелектъ не способенъ будетъ проникнуть для его раскрытія, въ той области, гдѣ теряется точная граница между міромъ нравственнымъ, міромъ разума и міромъ физическимъ, гдѣ все сливается въ вѣчныхъ и первозданныхъ свойствахъ единаго и высшаго существа, однимъ словомъ оно ничто иное какъ совокупность, недосягаемыхъ для человѣческаго разума, законовъ необходимыхъ и незыблемыхъ которые управляютъ эволюціей жизни вселенной». Что же изъ этого слѣдуетъ? «За неимѣніемъ этихъ законовъ, общество создало себѣ нѣчто долженствующее служить стражемъ общественнаго блага: это нѣчто заключается въ этой скрытой, всегда воинствующей, никогда не покладающей оружія, силѣ, которая покоится въ нѣдрахъ общественнаго организма». И авторъ заканчиваетъ свою мысль слѣдующими словами, которыя не могутъ не вызвать самаго тяжелаго содроганія у всякаго кто прочтетъ ихъ: «Одинъ извѣстный государственный дѣятель, въ опьяненіи побѣдой, которая несомнѣнно превзошла всѣ его ожиданія, высказалъ однажды мысль, которая показалась циничной до дерзости: «сила давлѣетъ надъ правомъ», сказалъ онъ. Въ дѣйствительности, когда я углубляюсь въ это изрѣченіе, я не знаю, не былъ ли правъ этотъ человѣкъ и не долженъ ли я идти дальше этого человѣка и сказать: «сила и есть самое право, они тождественны».

149. Фатализмъ не можетъ быть болѣе полно выраженъ: фатализмъ нравственный въ отрицаніи свободной воли, фатализмъ общественный въ преклоненіи предъ государствомъ, фатализмъ общій, все проникающій въ подчиненіи детерминизму, который всѣмъ управляетъ, руководитъ всѣми потребностями и все направляетъ какъ у отдѣльнаго человѣка, такъ и у цѣлыхъ расъ. Будучи сведена къ единому принципу, согласно требованія соціологическаго метода, эта наука приводитъ въ концѣ концовъ къ чистѣйшему пантеизму.

Человѣкъ, во время Конта, имѣлъ, по крайней мѣрѣ, надъ своей головой звѣздное небо и носилъ въ своемъ сердцѣ законъ нравственный. О нравственности, которая заключается въ согласованіи поступковъ съ принятымъ правиломъ, не можетъ быть рѣчи, послѣ того какъ исчезла свобода воли. Что же касается до звѣзднаго неба, то съ нимъ также приходится проститься; не приходится, по крайней мѣрѣ, исключительно имъ восхищаться одному человѣку. Ренанъ спрашиваетъ себя не испытываютъ ли тоже

самое клѣточки живущія внутри насъ, въ то время, когда мы живемъ и чувствуемъ въ нѣдрахъ великаго существа, не обладаютъ ли всѣ эти безконечно малыя тѣла своими солнцами и звѣздами, которыя свѣтятъ имъ въ ихъ мірахъ, кажущихся имъ, несомнѣнно, столь же безконечно великими, какъ намъ кажется наша вселенная; и его поэтическое и блестящее воображеніе склонно дать ему утвердительный отвѣтъ.

Сколько, однако, отсюда возникаетъ вопросовъ. Вѣра въ дѣйствительность воли есть стимулъ всякой человѣческой энергіи, также точно какъ стремленіе къ лучшему есть стимулъ всякой политики. Что станетъ съ общественными установленіями, если допустить, что свобода есть лишь иллюзія горделиваго человѣческаго духа или просто гипотеза, что свобода воли, отвѣтственность и Богъ исчезли? Что станется съ справедливостью, если допустить, что она есть лишь выраженіе вѣчно измѣнчиваго права наиболѣе сильнаго или наиболѣе смѣлаго? Будетъ ли человѣкъ продолжать признавать необходимость сознанія долга предъ кѣмъ бы то ни было, если ему отказываютъ даже въ видимости какого либо права и во всякой возможности собственными усиліями устраивать свою судьбу? Не исчезнетъ ли самое чувство общественности одновременно съ исчезновеніемъ преднамѣренной сознательной дѣятельности, а съ исчезновеніемъ добровольнаго участія въ обществѣ своихъ единомышленниковъ? Ренанъ ставитъ себѣ эти вопросы и отвѣчаетъ на нихъ не безъ признанія растущаго въ немъ чувства безпокойства; уже давно онъ писалъ: «временами я думаю, что если весь міръ пришелъ бы къ выводамъ нашей философіи, то онъ не минуемо остановился бы». Но что же остается дѣлать? Повидимому, въ насъ самихъ не мы мыслимъ и желаемъ, а другой, это—организмъ, который мыслитъ и желаетъ за насъ. Методъ наблюденія находитъ тутъ свое наивысшее примѣненіе: «Воспроизведеніе истины есть объективное явленіе, чуждое нашему я, происходящее въ насъ внѣ нашего участія, это родъ химическаго процесса, который мы должны довольствоваться разсматривать съ любопытствомъ». Правда, знаменитый ученый предлагаетъ лекарство къ возможному злу; «нужно», говоритъ онъ, «не вѣря больше въ отошедшія въ область преданія мечты, мечты одновременно великія и спасительныя, продолжать жить такъ, какъ, если бы они дѣйствительно существовали». Пусть такъ; но заставьте принять такой образъ поведенія заурядныхъ людей, не отказавшихся отъ законовъ логики и не привычныхъ къ головокружительнымъ витаніямъ въ высяхъ отвлеченнаго мышленія.

150. Такимъ образомъ соціологія имѣетъ совершенно опредѣленный точно очерченный объектъ, свой особый методъ и свою характерную главную мысль, служащую ей основаніемъ; по своей внѣшности она образуетъ собою систему гармоничную, во всѣхъ

своихъ частяхъ; и тѣмъ не менѣе, не взирая на это единство объекта, единство метода и единство принципа она приходитъ въ своихъ конечныхъ выводахъ къ самымъ разнообразнымъ заключеніямъ; въ одномъ случаѣ, къ преобладающему значенію общественной точки зрѣнія, въ другомъ случаѣ къ индивидуализму, доведенному до крайности, въ третьемъ случаѣ къ соціализму и, наконецъ, къ пантеистическому фатализму. Огюстъ Контъ имѣлъ настолько глубокую вѣру въ правильность своихъ убѣжденій, что онъ не сомнѣвался въ томъ, что всѣ мыслящіе люди скоро сойдутся на полномъ признаніи позитивизма; Гербертъ Спэнсеръ вѣрилъ въ появленіе науки, долженствующей въ торжествующемъ синтезѣ обнять всю совокупность человѣческихъ знаній. Учитель и ученики, эти послѣдніе въ особенности, убѣжденные въ томъ, что они безошибочно читаютъ въ раскрытой книгѣ природы, утверждаютъ, что они переработали науки нравственныя и политическія, обреченныя до нихъ на непостоянство субъективныхъ точекъ зрѣнія, въ науку позитивную и точную, дающую положительныя и достовѣрныя отвѣты на соціальныя вопросы; и въ концѣ концовъ система, раздробившаяся въ выводахъ весьма другъ отъ друга отличныхъ. Какое заблужденіе.

Разошедшіеся во взглядахъ ученики вначалѣ стали взаимно другъ друга упрекать въ недостаточной ортодоксальности; въ настоящее время въ виду несомнѣнной разности во взглядахъ, разности все болѣе и болѣе выясняющейся вмѣсто того, чтобы сглаживаться, нео-соціологи вынуждены признать, что ихъ крылатыя надежды перваго времени въ значительной степени подорваны. Одни изъ нихъ, продолжающіе непоколебимо вѣрить въ правильность своей школы, просятъ оказать имъ кредитъ и продолжаютъ быть убѣжденными, что скоро возсіяетъ свѣтъ истины, предъ которымъ померкнутъ всѣ мелкія разногласія. «При настоящемъ положеніи вещей», говоритъ Дюгюи, «упрекать соціологію за недостаточно точныя предсказанія значитъ возводить на нее несправедливыя обвиненія. Пусть ей окажутъ нѣкоторый кредитъ, и въ скоромъ времени ближайшее знакомство съ законами соціальныхъ явленій, дастъ намъ возможность формулировать совершенно точныя предсказанія, относящіяся къ продолжительнымъ періодамъ времени». Пророки, дѣлающіе предсказанія, долженствующія оправдаться въ продолжительныхъ періодахъ времени имѣютъ одно важное преимущество: ихъ больше нѣтъ на свѣтѣ въ то время когда обнаруживается вся нелѣпость ихъ предсказанія. Другіе, болѣе откровенные или болѣе трезво смотрящіе на вещи, откровенно признаются, что всѣ до сего дня предпринятыя попытки къ обоснованію отдѣльной науки соціологіи потерпѣли неудачу. Вырубовъ другъ и ближайшій сотрудникъ Литтрэ, одинъ изъ представителей чистыхъ традицій позитивизма и изъ учредителей общества соціологіи признаетъ безъ обиняковъ, что «соціологія еще

не утратила своего характера эмбріона, форму которому каждый придаетъ по собственному усмотрѣнію».

Даетъ ли будущее основаніе къ большему успѣху соціологіи? Можно даже въ настоящее время сказать, что нѣтъ. Нельзя отрицать, что она посредствомъ метода наблюденія, которому она по справедливости отдаетъ должное, освѣтила нѣсколько полезныхъ истинъ; нельзя сомнѣваться, что ей суждено раскрытіе и нѣкоторыхъ новыхъ; но въ качествѣ научной системы она все болѣе и болѣе приходитъ въ упадокъ. Цѣль, которую она себѣ поставила химерична; методъ же ея, хотя и оставаясь наиболѣе безспорной ея частью, носитъ въ себѣ противорѣчіе, возможность двоякихъ выводовъ, чѣмъ и объясняется неминуемое разнообразіе, возникшихъ отдѣльныхъ въ ней теченій.

151. Мысль, которая столь дорога позитивистамъ, заключающаяся въ томъ, чтобы поставить соціальную науку на степень точной науки, далеко не нова. Ее мы находимъ у всѣхъ мыслителей, отличающихся рѣшительностью и прямолинейностью. Она составляла мечту Руссо, также какъ и мечту Бэнтама. Тотъ и другой изъ нихъ вѣрилъ и самымъ искреннимъ образомъ, что желательная постановка науки объ обществѣ не преминетъ наступить, какъ только право будетъ обосновано на первичной идеѣ столь простой и ясной, каковой является идея Общей Воли или Пользы. Обманчивыя чары общихъ формулъ. Гдѣ обрѣтаетъ эта Общая Воля и по какимъ признакамъ можно узнать истинную Пользу.

Тщетно соціологія приняла себѣ за правило заниматься лишь фактами и признавать областью безсознательнаго все, что не представляетъ собой чувственнаго факта. Въ этомъ, какъ разъ и заключается заблужденіе. Явленія «суперорганическія», согласно терминологіи Спэнсера, несомнѣнно представляютъ изъ себя факторы, съ коими неминуемо долженъ считаться какъ философъ, такъ и законодатель: самъ по себѣ человѣкъ, развѣ онъ не представляетъ изъ себя соціальнаго явленія достойнаго вниманія? Воистину, странна претензія запретить ему заниматься самопознаніемъ въ цѣляхъ раскрытія законовъ собственной природы и изучать собственныя стремленія, дабы изъ нихъ посредствомъ дедукціи выводить тотъ порядокъ, который ему больше всего подходитъ. Но съ человѣкомъ всегда имѣютъ мѣсто неожиданности. Разъ онъ свободенъ, или разъ только повѣрилъ, что онъ свободенъ, онъ созидаетъ себѣ мотивы своихъ рѣшеній и дѣйствій, онъ сотрудничаетъ въ образованіи собственнаго сознанія съ этого момента, согласно мѣткому выраженію Ліарда; въ послѣдовательности явленій, среди которыхъ необходимо считаться съ проявленіями воли и сознанія возникаетъ «неподдающійся учету коэффиціентъ неизвѣстности и сюрпризы природы, преграждающіе путь къ какимъ бы то ни было предсказаніямъ». Возьмемъ, напримѣръ, наиболѣе непримиримаго детерминиста Дантена; не говоритъ ли онъ о «мірѣ идеаловъ, ко-

торый человѣкъ носитъ въ себѣ»? Не прибавляетъ ли онъ, что, «если человѣкъ движется въ средѣ матеріальнаго міра, то движеніе это происходитъ подъ воздѣйствіемъ особыхъ рычаговъ, отрицать тонкую и возвышенную природу которыхъ нѣтъ возможности?» Такимъ образомъ не все въ человѣкѣ управляется законами тождественными законамъ матеріи. Если въ его дѣятельности встрѣчаются безсознательныя проявленія, то наряду съ ними есть и сознательныя; слѣдовательно, ничто не можетъ препятствовать тому, чтобы его идеи имѣли свое мѣсто среди факторовъ, созидающихъ его судьбу и чтобы концепціи его разума имѣли свое мѣсто среди факторовъ общаго прогресса; а въ такомъ случаѣ, допуская даже, что борьба за существованіе есть истинный законъ біологическихъ явленій, почему бы истинному закону соціальныхъ явленій не быть справедливости, заключающейся въ уваженіи права для всѣхъ равнаго? Такимъ образомъ соціальная наука не можетъ быть сведена исключительно къ законамъ физическихъ силъ; причина тому ясна: воля не имѣетъ себѣ аналогичнаго явленія среди явленій физическихъ. Фонъ-деръ-Рестъ въ своемъ глубокомъ изслѣдованіи соціологіи говоритъ объ этомъ съ поразительной убѣдительностью: «позитивныя науки имѣютъ предъ собою лишь матеріальную природу, предметы лишенные воли и подчиненные незыблемымъ законамъ; науки нравственныя и политическія имѣютъ дѣло съ человѣкомъ, т. е. съ существомъ одареннымъ разумомъ, и волею, снабженнаго внутренней силой, предшествующей его внѣшнимъ поступкамъ, свободно рѣшающагося на дѣйствія или могущаго свободно рѣшиться, дѣйствующаго подъ вліяніемъ самыхъ многоразличныхъ побужденій: при наличности такого фактора, каковымъ несомнѣнно по существу своему является человѣкъ, но фактора, вмѣстѣ съ тѣмъ столь измѣнчиваго и столь разнообразнаго въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ, какимъ образомъ можно прійти къ выводу какого либо однообразія или обсолютной закономѣрности человѣческихъ дѣйствій»?

152. Для того, чтобы устранить всякую возможность вреднаго возврата къ идеямъ осужденнымъ системою, Огюстъ Контъ предлагалъ одно средство; онъ требовалъ, чтобы управленіе было ввѣрено людямъ науки и спеціально натуралистамъ, единственно компетентныхъ въ примѣненіи къ «царству соціальному» методовъ примѣнимыхъ въ царствѣ животныхъ и царствѣ растеній и единственно способныхъ организовать общество на научныхъ началахъ. Дюркеймъ возобновляетъ эту же самую точку зрѣнія. Онъ исключаетъ даже экономистовъ, такъ какъ «юристы, будучи либо афеaристами, либо государственными дѣятелями достаточно далеки отъ біологіи и отъ психологіи». «Но», добавляетъ онъ, «для того чтобы быть способнымъ интегрировать соціальную науку въ общую систему естественныхъ наукъ, нужно, по крайней мѣрѣ, одну изъ нихъ изучить практически, а не достаточно обладать общимъ раз-

витіемъ и опытностью». Огюсту Конту потому только и удалось обосновать соціналогію на незыблемыхъ основаніяхъ, что онъ былъ въ курсѣ всѣхъ позитивныхъ наукъ, зналъ ихъ методы и ихъ послѣдніе выводы.

Но тутъ опять мы встрѣчаемся съ заблужденіемъ. Передѣлать на свой ладъ психологическія условія человѣческой личности, выработавшейся вѣковыми усиліями, внѣ власти какой либо системы и тѣмъ болѣе внѣ воздѣйствія ея практическихъ выводовъ; также точно ни къ чему не можетъ привести простое отрицаніе подъ предлогомъ эволюціи, наиболѣе древнихъ и крѣпкихъ традицій. Человѣкъ, чтобы объ немъ не говорили, есть сочетаніе духа и матеріи. Въ качествѣ существа физическаго онъ знаетъ и слишкомъ хорошо знаетъ, что онъ подчиненъ фатальной закономѣрности: его рожденіе, его жизнь, его потребности, его болѣзни, его смерть— все это закономѣрно. Въ качествѣ существа нравственнагб, онъ чувствуетъ въ себѣ, вопреки всѣмъ отрицаніямъ, силу властно протестующую противъ подчиненія его какой-то фатальной эволюціи, онъ чувствуетъ въ себѣ стремленіе желать и вѣрить, что его желаніе имѣетъ нѣкоторую свою цѣну, и вотъ почему онъ убѣжденъ въ своей свободѣ. Поэтому соціальныя проблемы не могутъ быть ни обсуждаемы, ни разсматриваемы тѣми способами, которыми рѣшаются алгебраическія задачи или физическіе опыты, и также не могутъ быть рѣшены съ такою же степенью достовѣрности.

Ихъ постоянно придется посредствомъ дедукціи связывать съ общими законами человѣческой природы; такимъ образомъ, ихъ основныя данныя сложны и мы одинаково не можемъ исключать ни однихъ, ни другихъ изъ нихъ. По какому праву естественныя науки предъявляютъ требованіе человѣческому разуму смолкнуть? Фонъ-деръ-Рестъ, въ выше цитируемомъ изслѣдованіи прекрасно говоритъ объ этомъ: «Исторія вольна собирать лѣтописи, начиная отъ преданій древнѣйшихъ временъ и кончая апогеемъ нашей цивилизаціи, она вольна переплетать въ чудовищные томы самыя точнѣйшія и самыя подробнѣйшія наблюденія, вольна освѣщать истекшее существованіе всего человѣчества во всей его совокупности, но ей никогда не удастся изъ этихъ матеріаловъ вывести то, что должно быть, если ее не озаритъ свѣтъ чистаго разума и совѣсти».

153. Мало этого; даже если предположить, что соціальная наука, согласно своей программѣ, занимается исключительно фактами, но это тѣмъ не менѣе нисколько не гарантируетъ ея заключеній отъ разнообразія. Достовѣрность законовъ, на которые она, по заявленію соціологовъ, претендуетъ, зависитъ отъ того метода, который примѣняется къ ихъ обнаруженію, методъ, безразлично ими называемый методомъ экспериментальнымъ или методомъ наблюденія Однако тутъ полное смѣшеніе понятій; нужно выбирать

одинъ изъ этихъ двухъ методовъ, въ качествѣ средства обнаруженія истины, такъ какъ они глубоко различны, какъ въ отношеніи своего процесса, такъ и въ отношеніи своихъ результатовъ.

Опытное изслѣдованіе или экспериментальный методъ есть констатированіе явленій, которыя изслѣдователь подготовилъ или вызвалъ, которыя онъ по собственному желанію заставляетъ появляться или возобновляться, которыя онъ, такимъ образомъ, можетъ неопредѣленное число разъ повторять и контролировать. Вотъ поэтому то экспериментальный методъ, который въ своемъ процессѣ достигаетъ различными средствами отдѣленія случайныхъ и преходящихъ отношеній отъ отношеній неизмѣнныхъ и постоянныхъ, доходитъ до обнаруженія законовъ и способовъ ихъ доказательства. Что же касается до наблюденія, то это нѣчто совсѣмъ другое. Оно состоитъ въ констатированіи явленій уже осуществившихся въ природѣ, которыя изслѣдователь собираетъ, которыя въ большинствѣ случаевъ, какъ это, именно, имѣетъ мѣсто въ соціальныхъ наукахъ, ему лишь сообщены и которыя ему остается лишь объяснить; поэтому признанные индуктивные выводы изъ наблюденій гораздо менѣе точны чѣмъ выводы изъ опытовъ и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи наблюденіе никогда не можетъ достигнуть даже въ области констатированія фактовъ ничего другого кромѣ предположеній, обладающихъ большей или меньшей степенью достовѣрности. Слѣдовательно, единственныя науки дѣйствительно экспериментальныя, которыя можно назвать точными и положительными, это науки физическія и біологическія; это происходитъ отъ того, что предметомъ ихъ изслѣдованія являются постоянныя матеріальныя элементы, подчиненныя незыблемымъ законамъ. Объектъ наукъ нравственныхъ и политическихъ совершенно другой,—это человѣкъ съ его сложной природой, безконечно и непрестанно мѣняющееся разнообразіе обстоятельствъ, въ которыхъ онъ живетъ, «коэффиціентъ непредвидѣннаго», котораго требуетъ и сохраняетъ за собой игра свободы; въ силу этого, съ позитивной точки зрѣнія, имъ свойственъ лишь методъ наблюденія, т. е. индуктивные выводы, посредствомъ оцѣнки добытыхъ наблюденій и, слѣдовательно, они ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть признаны науками экспериментальными или позитивными. Экспериментаторъ вопрошаетъ природу по своему усмотрѣнію и дѣлаетъ выводы, когда къ тому наступило надлежащее время; наблюдатель же можетъ лишь читать въ книгѣ жизни и вслѣдъ за этимъ онъ вынужденъ давать оцѣнку прочитанному.

154. Многократно эти различія были уже указаны людьми науки. Между прочимъ Стюартъ Милль съ очевидностью доказалъ, что ни одинъ изъ дѣйствительно экспериментальныхъ методовъ, ни методъ согласованія, ни методъ различія не примѣнимы къ соціальной наукѣ; что ни чего не можетъ быть безполезнѣе стрем-

ленія возвести результаты наблюденія въ законъ, когда таковые относятся къ человѣческимъ поступкамъ, и что примѣненіе экспериментальнаго метода къ соціологіи представляетъ изъ себя «радикально ошибочную концепцію»; что соціальные законы могутъ быть сведены съ общими законами человѣческой природы лишь посредствомъ дедукціи. Но ничего не помогаетъ. Вводящая въ заблужденіе терминологія экспериментальныхъ наукъ продолжаетъ сбивать съ пути истины тѣхъ многочисленныхъ послѣдователей системы, которые ищутъ въ ней лишь средства къ оправданію собственныхъ взглядовъ. Едва лишь кто потерся около позитивной науки, какъ ужъ ссылается на «научный методъ», думая придать этимъ больше вѣсу своимъ сужденіямъ, и какъ бы, ни малѣйшимъ образомъ, не подозрѣвая, что не безполезно было бы поточнѣе опредѣлить, что собственно подразумѣваетъ онъ подъ своимъ пресловутымъ «научнымъ методомъ». Это стало какъ бы общимъ мѣстомъ въ полемическихъ пріемахъ.

Такимъ образомъ установлено, вопреки увѣреніямъ позитивной системы, что такъ называемые соціологическіе законы обладаютъ лишь относительнымъ авторитетомъ, за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, когда нарочито смѣшиваютъ опытъ историческій съ научнымъ опытнымъ изслѣдованіемъ. Для того, чтобы, хотя съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ вывести посредствомъ индукціи законъ, относящихся другъ къ другу, явленій, нужно раньше всего условиться относительно характера и объема этихъ явленій или, другими словами, дать оцѣнку этимъ явленіямъ; но неужели серьезно предполагаютъ, что эта оцѣнка можетъ быть однообразна или достаточно однообразна для того, чтобы служить основаніемъ для точной науки? Если въ историческихъ, этнографическихъ или статистическихъ документахъ содержится въ дѣйствительности то, что въ нихъ видятъ, то въ нихъ также усматриваютъ и то, и это врядъ кто станетъ отрицать, чему добросовѣстно вѣрятъ, что это должно въ нихъ заключаться и сверхъ того, къ сожалѣнію, слишкомъ часто въ нихъ усматривается и то, что произвольно желаютъ въ нихъ видѣть. Дюгюи, стоящій выше всякихъ подозрѣній въ качествѣ убѣжденнаго соціолога, очень ясно объясняетъ причину такого отношенія къ научному изслѣдованію: это происходитъ отъ того, что «мы совершенно безсознательно вносимъ въ эти изслѣдованія наши рассовыя предразсудки, наши предразсудки, преобрѣтенные воспитаніемъ, унаслѣдованныя семейныя традиціи, наши привычки, наши политическія склонности, наши религіозныя вѣрованія: вотъ сколько препятствій мѣшаютъ наблюденію стать точнымъ».

Отсюда слѣдуетъ, что оцѣнка наблюденнаго факта и сдѣланный изъ нея индуктивный выводъ слишкомъ часто является отзвукомъ тѣхъ идей, къ которымъ въ большинствѣ случаевъ безсознательно, имѣетъ склонность умъ наблюдателя. Поэтому нѣтъ

ничего удивительнаго въ томъ, что соціологія, не взирая на строгое соблюденіе ею единства метода, распалась на самыя разнообразныя направленія; поэтому также она получила чисто экспериментальный и разсудочный отпечатокъ у послѣдователей школы Огюста Конта, утилитарный отпечатокъ въ рукахъ экономистовъ, физіологическій—у натуралистовъ и чисто фаталистическій—у философовъ, склонныхъ къ пентеизму.

155. Нужно ли еще приводить доказательства къ тому, что наблюденіе въ примѣненіи къ соціальнымъ явленіямъ и фактамъ весьма склонно къ заблужденіямъ? Судьба научныхъ изслѣдованій. Литтрэ снабжаетъ насъ неотразимыми къ тому доказательствами. Прочтите во второмъ изданіи его Conservation, revolution et positivisme, изданномъ въ 1878 году сужденіе, которое этотъ гордый но лояльный умъ высказывалъ по поводу того, что онъ называлъ «странными страницами» предшествующаго изданія и вы увидите, какъ онъ разбиваетъ «тѣ несчастныя слова, которыя находятся въ постоянномъ противорѣчіи съ развертывавшимися послѣ того событіями». Вѣтеръ сдунулъ цѣлые лѣса гипотезъ мнимыхъ пророчествъ соціологіи. Если бы знаменитый философъ пожилъ бы еще дольше, что сказалъ бы онъ о другихъ страницахъ, написанныхъ имъ въ 1850 году, въ которыхъ онъ замѣчалъ, что Россія является единственнымъ тормазомъ къ росту цивилизаціи, и въ которыхъ онъ провозглашалъ во имя законовъ соціологіи неизбѣжность союза между Франціей, Германіей и Италіей, дабы «сдержать пагубное вліяніе дикаго сѣвера».

Да, несомнѣнно, наблюденіе является полезной частью въ процессѣ разсужденія, необходимой для освѣщенія и сдержанія пыла спекулятивнаго мышленія. Дѣйствительно, точно подмѣченные и здраво освѣщенные факты могутъ повести къ открытію многаго полезнаго и поучительнаго. Все это не подлежитъ оспариванію и несомнѣнно. Но не менѣе несомнѣнно также и то, что индукція нисколько не менѣе непогрѣшима, чѣмъ дедукція; выводы какъ той, такъ и другой имѣютъ цѣну лишь постольку, поскольку вообще имѣютъ цѣну человѣческія сужденія. Если дедукція носитъ въ себѣ опасность уклоненій воображенія въ разныя стороны, то индукція носитъ въ себѣ опасность ошибки не менѣе страшной, а можетъ быть и самой худшей: соблазнъ хлескостью приблизительныхъ обобщеній, соблазнъ дающій почву ко всякимъ злоупотребленіямъ. Сколько можно было бы привести къ тому примѣровъ, вышедшихъ изъ подъ пера присяжныхъ соціологовъ? То констатируютъ аналогію между человѣческими обществами и обществами нѣкоторыхъ породъ животныхъ и отсюда смаху дѣлаютъ выводъ, что человѣческая соціологія есть лишь отдѣльная глава соціологіи животныхъ. То, изъ отсутствія семьи у пчелъ и муравьевъ, и изъ того, что у нихъ «инстиктъ семьи растворяется въ широкой любви къ общественности» приходятъ къ заключенію

о необходимости уничтоженія брака и установленія свободнаго соединенія половъ. То еще, изъ того, что существуютъ несчастные, у которыхъ свободная воля отсутствуетъ или исчезла, дѣлаютъ выводъ, что вообще ни у кого ее не существуетъ. Такъ пусть же перестанутъ утверждать, что наблюденіе равноцѣнно опытному изслѣдованію, пусть перестанутъ требовать для индуктивныхъ выводовъ, полученныхъ чрезъ наблюденіе того же авторитета, какимъ пользуются выводы, полученные путемъ опыта въ его чистомъ видѣ. На самомъ дѣлѣ, почему наблюденіе въ примѣненіи къ изслѣдованію воображаемаго общественнаго организма должно обладать большей степенью достовѣрности, чѣмъ наблюденіе въ примѣненіи къ изученію самаго человѣка, или даже въ примѣненіи къ добровольнымъ интуиціямъ разума? Нѣтъ, все это до нельзя искусственно. Время и факты содержатъ въ себѣ слишкомъ много противорѣчій для того, чтобы быть признанными единственными и исключительными выразителями истины, для того, чтобы разумъ могъ допустить, что ему заказаны пути къ возвышенію надъ ними и къ исканію истины въ высотахъ отвлеченія.

156. Съ какой бы точки зрѣнія мы не разсматривали соціологію мы вынуждены признать, что она ничего не создала. Ни новой до толѣ неизвѣданной науки она не создала, ни ввела новаго метода; ни одно изъ ея данныхъ, ни способовъ ихъ приложенія не суть ей исключительно присущи. То что ей только принадлежитъ внѣ спора, это укрѣпленіе авторитета метода наблюденія и введенія его съ этого времени въ качествѣ необходимой части процесса всякаго научнаго изслѣдованія. Но этого недостаточно для того, чтобы устанавить новую доктрину; и, дѣйствительно, школа уже распадается на многоразличныя теченія. Разногласія умножаются; ученики не только разошлись въ различныхъ второстепенныхъ взглядахъ, но они разошлись и въ тѣхъ точкахъ зрѣнія, которыя первоначально признавались основными. Одни отбрасываютъ, признаваемую ими дѣтской выдумкой, идею о томъ, что общество есть организмъ, управляемый ему присущими законами, каковая идея является тѣмъ не менѣе основной въ этой системѣ. Фуллье, все же допуская, что общество есть организмъ, видитъ въ немъ лишь физіологическаго индивида, но не психологическаго; и, слѣдовательно, онъ отрицаетъ существованіе соціальной совѣсти. Другіе, не отвергая метода соціологіи, отрицаютъ идею, не менѣе существенную, согласно Конта и Спэнсера, единства науки; они приходятъ къ признанію нѣсколькихъ самостоятельныхъ наукъ, споспѣшествующихъ изслѣдованію соціальныхъ интересовъ, но которые сохраняютъ свою независимость и свою сферу дѣйствія и признаютъ такимъ образомъ, соціологію не отдѣльной системой, а савокупностью наукъ нравственныхъ и политическихъ. Дюркхеймъ, напримѣръ, различаетъ въ ней четыре отдѣльныхъ науки: соціальную психологію,

науку о нравственности, науку о правѣ и политическую экономію. «Она больше не является», говоритъ онъ, «отдѣльной наукой, представляющей объединенное знаніе, обладающее почти что универсальностью, но мы ее видимъ распавшейся въ самой себѣ на извѣстное число спеціальныхъ наукъ, относящихся къ отдѣльнымъ проблемамъ все болѣе и болѣе обособляющимся». Такимъ образомъ, нѣтъ ничего въ соціологіи включительно до неологизма, придуманнаго Контомъ для ея обозначенія, что не было бы въ настоящее время уже оставлено; самое слово соціологія уступаетъ мѣсто другому, болѣе широковѣщательному, соціальной наукѣ, которая, конечно, пользуется своимъ званіемъ не по заслугамъ, такъ какъ нельзя же въ самомъ дѣлѣ называть наукой, что въ дѣйствительности является лишь способомъ ея пониманія.

Самъ Гербертъ Спэнсеръ наиболѣе выдающійся представитель этой системы, впадаетъ въ ересь; можно сказать, что онъ является соціологомъ лишь для того, чтобы восполнить собою симетрію въ цѣлой великой философской системѣ. Обращаясь съ своими собственными учениками также какъ Гегель и Гансъ въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія обращался съ Савиньи и его школой, онъ возстаетъ противъ выводовъ, которые они дѣлаютъ изъ, имъ же установленныхъ, принциповъ; онъ ихъ упрекаетъ за ихъ презрѣніе къ праву и за недостатокъ идеала. Вопреки Бентаму и утилитарной школы, вопреки Огюсту Конту и, главнымъ образомъ, вопреки позитивизму, онъ утверждаетъ идею «естественныхъ правъ»; съ настойчивостью и силой онъ протестуетъ противъ фатализма; онъ требуетъ для человѣка идеала, который будилъ бы и побуждалъ къ дѣйствію его волю. «Идеалъ», говоритъ онъ, «сколь бы не былъ далекъ отъ возможнаго осуществленія онъ необходимъ для того, чтобы имѣть чѣмъ руководствоваться. Если среди всѣхъ тѣхъ компромисовъ, которые условія времени дѣлаютъ необходимыми, или которые почитаются таковыми, не существуетъ концепціи лучшей и худшей соціальной организаціи, если ничего не видятъ за предѣлами требованій даннаго момента и если усвоена привычка отождествлять ближайшее лучшее съ лучшимъ идеальнымъ, то не можетъ существовать истиннаго прогресса. Сколь бы не была отдалена цѣль, сколь бы не были многочисленны препятствія на пути ея осуществленія, препятствія, могущія насъ принудить уклониться отъ прямого пути слѣдованія, все же необходимо знать, гдѣ эта цѣль находится». Что можетъ быть лучше этого разсужденія. Но только какъ согласовать все это съ гипотезой Великаго Организма, и съ Эволюціей, зависящей отъ дѣйствія біологическихъ законовъ? Середины тутъ быть не можетъ: если допустить у воли возможность хотя единаго дѣйствія, то эволюція уже болѣе не предопредѣлена; если же допустить, что эволюція движется съ роковой закономѣрностью, то воля ничего не можетъ сдѣлать.

157. Соціологи въ настоящее время согласны развѣ только въ слѣдующемъ: у всѣхъ у нихъ замѣчается выраженная тенденція въ сторону матеріализма, фактамъ они придаютъ преобладающее значеніе предъ идеями, замѣчается также презрѣніе къ человѣческой индивидуальности, каковая неизмѣнно приносится въ жертву роду.

Тѣмъ не менѣе вліяніе самихъ Огюста Конта и Герберта Спэнсера на общественное мнѣніе въ XIX вѣкѣ было весьма значительно. Демократія во Франціи и, именно, та демократія, которая считаетъ себя передовою придерживается позитивизма.

Почему это и отчего? Это явленіе не легко объяснимо. Притягательная сила новизны увлекла за собой тѣхъ, подвижный умъ которыхъ склоненъ видѣть прогрессъ во всякой перемѣнѣ; другіе пользуются неясно понимаемымъ ими словомъ, для того, чтобы подъ его покровомъ проводить свои смутныя и химеричныя чаянія. Немало этому способствуетъ и невѣжество; многіе ли среди позитивистовъ или среди тѣхъ, кто себя за нихъ выдаетъ, знаютъ, что никто болѣе Конта не обнаружилъ презрѣнія къ революціонной метафизикѣ, къ верховному праву народа и къ правамъ человѣка?

Англійскіе и германскіе позитивисты остались по крайней мѣрѣ вѣрны традиціямъ національнаго духа своей страны; первые изъ нихъ утилитаристы вмѣстѣ съ Бентамомъ и Стюартомъ Миллемъ, идеи готорыхъ они иллюстрируютъ біологическими данными, вторые склоняются къ Государственному Соціализму вмѣстѣ съ исторической школой послѣдней формаціи. Что же касается до французскихъ соціологовъ, то они жестоко ошибаются почитая себя за прогрессистовъ; въ дѣйствительности же они, вѣдомо ли это имъ или нѣтъ, и понравится ли это имъ или нѣтъ, лишь реакціонеры антично-правовой окраски и ренегаты идей 1789 года.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Заключеніе.

158. Чѣмъ отмѣтила французская революція начало новой эры исторіи, какъ не въ провозглашеніи права лица въ качествѣ основы законодательства и въ качествѣ цѣли всякой политики? Если ее продолжаютъ прославлять, не взирая на тяжкія проявленія террора, омрачившія ея торжественное шествіе, то не потому ли это, что она была періодомъ пылкаго энтузіазма и горячей вѣры въ предпринятую творческую работу? Свобода есть нѣчто столь святое и живительное и все что есть благороднаго въ человѣческой природѣ настолько съ ней тѣсно связано, что потомство всегда склонно отнестись снисходительно къ тѣмъ событіямъ, которыя ее уготовили.

Съ тѣхъ поръ истекъ уже цѣлый вѣкъ; сотый годъ уже миновалъ; какіе плоды принесло намъ великое событіе, и во что обратились идея и вѣра перваго времени? Тщетно было бы опровергать, что ничего еще не опредѣлилось и не установилось; жизнь несомнѣнно продолжаетъ плыть въ длящейся смутѣ, разсѣять каковую не удается никакому усилію.

Въ области гражданскаго порядка дѣло развивается вполнѣ согласно своимъ основнымъ началамъ. Оно быстро завершается; вопреки нѣкоторымъ запоздалымъ препонамъ, твердо установлено, что истина никода не можетъ быть лучше выяснена какъ въ свободной игрѣ убѣжденій, что наилучшее условіе для развитія богатства есть свободная игра интересовъ и что поэтому, слѣдовательно, обязанность Государства по отношенію къ человѣку заключается лишь въ обезпеченіи проявленія имъ своей дѣятельности. Но въ области политики слишкомъ наглядно, что революція далеко еще не кончилась. Франція употребила слишкомъ сто лѣтъ пройдя черезъ десятокъ перемѣнъ образовъ правленія на поиски болѣе подходящаго способа существованія и не нашла его; въ дѣйствительности XIX вѣкъ долженъ былъ явить собою доказательство торжества свободнаго управленія, политической свободы, но результаты обманули всѣ ожиданія; кризисъ продолжается и до сего дня. Событія доказываютъ это съ очевидностью, разъ послѣ столь многихъ и столь долгихъ усилій страна вновь находится въ присутствіи партій, которыя объявляютъ себя непримиримыми и слѣдовательно страна продолжаетъ находиться предъ неизвѣстностью. Помимо событій, борьба, которая продолжаетъ развиваться въ партійной полемикѣ, служитъ достаточнымъ къ тому доказательствомъ; въ ней мы видимъ то одобренія, то неодобренія то соглашенія, то разногласія, то опозориванье, то воздаянья почестей, и все это не выходитъ за предѣлы злободневныхъ увлеченій; она мало занята разсужденіемъ и еще меньше анализомъ руководящихъ принциповъ, она довольствуется самопризнаніемъ своей просвѣщенности; она скорѣе проявляетъ смутныя желанія, чѣмъ ярко окрашенную волю. Вотъ почему мы видимъ столько поверхностныхъ сужденій столько необоснованныхъ утвержденій, лишенныхъ всякихъ выводовъ; отсюда происходитъ и этотъ печальный фактъ, что вѣкъ, исключительный по своему трудолюбію, столь бѣденъ капитальнымъ творчествомъ. Онъ улавливалъ вѣянія и настроенія непрестанно длящейся борьбы, не вынося человѣческаго генія ни къ какому берегу; онъ закончился для однихъ состояніемъ изнеможенія, для другихъ состояніемъ индеферентизма и состояніемъ всеобщаго страха и опасеній для всѣхъ. Подъ вліяніемъ усугубляющихся разочарованій, національный духъ ослабъ; въ нѣдрахъ кажущагося порядка, продолжаетъ расти смута умовъ; и не подлежитъ сомнѣнію, что положеніе осложняется по мѣрѣ того, какъ оно длится, не получая развязки. Нѣтъ никого въ настоящее время, кто бы ни зада-

вался вопросомъ, какъ могло все это произойти и почему наша страна потерпѣла крушеніе, не взирая на всю свою выдающуюся энергію въ вопросѣ, въ которомъ другіе страны достигли, желаемыхъ результатовъ. Нѣкоторые доходятъ до постановки себѣ вопроса, ужъ не задалась ли въ самомъ дѣлѣ революція разрѣшеніемъ неразрѣшимаго и осуществленіемъ невозможнаго; и не обречена ли она вслѣдствіе этого, съ политической точки зрѣнія, на порожденіе лишь однихъ неудоумѣній и разочарованій.

159. Политическія партіи, въ пылу происходящей между ними полемики, взаимно упрекаютъ другъ друга за неудачу, наличность которой болѣе чѣмъ очевидна. Каждая изъ нихъ будучи склонна видѣть достиженіе побѣдоноснаго торжества истины лишь подъ собственнымъ флагомъ и приписывать всегда и всѣ бѣды вліянію противныхъ ей партій, предлагаетъ свои излюбленныя рѣшенія въ качествѣ панацеи отъ всѣхъ золъ, долженствующей положить имъ конецъ. Но искренны ли они въ этомъ? Пусть даже такъ. Однако все таки здравый смыслъ общественнаго мнѣнія, съ своимъ чувствомъ вѣрнаго и яснаго пониманія, не ошибается, онъ хорошо знаетъ, что въ обѣщаніяхъ, которыми надѣятся его обольстить содержатся лишь обманчивыя видимости или просто иллюзіи. Политическія комбинаціи суть лишь средства, также точно какъ факты суть лишь признаки явленія; надо дальше этого, внѣ событій и ихъ формулъ и тѣхъ разногласій, которыя они вызываютъ или собою питаютъ, искать истину и основную причину заблужденіямъ или прогрессу общественнаго мнѣнія: ихъ нужно искать въ тѣхъ тенденціяхъ, которыя обнаруживаются въ явленіяхъ, въ причинахъ вызыющихъ или объясняющихъ эти тенденціи, однимъ словомъ въ наступательномъ шествіи и развитіи руководящихъ идей.

Каро написалъ слѣдующія, глубокомысленныя строки въ своемъ предисловіи къ «проблемамъ соціальной морали»: «разумъ ведетъ міръ, но міръ объ этомъ ничего не знаетъ. Шумная борьба интересовъ и страстей заглушаетъ незамѣтную работу идей; эти дѣятельныя и молчаливыя работницы, тѣмъ не менѣе, всегда заняты выполненіемъ своей задачи: въ неутомимой работѣ они созидаютъ или разрушаютъ жизненныя нити человѣческой совѣсти. Вдругъ замѣчаютъ, что общественное мнѣніе, воспитаніе, нравы стремятся коренньмъ образомъ измѣниться; ищутъ причинъ этихъ великихъ перемѣнъ. Въ чемъ ихъ находятъ, какъ не въ тѣхъ тысячахъ активныхъ и безконечно разнообразныхъ воздѣйствій, которыя истекаютъ изъ высокихъ сферъ, въ которыхъ совершается научное творчество»? Нельзя высказать болѣе вѣрнаго сужденія и лучше его выразить. Дѣйствительно, возвышенныя отвлеченныя идеи спекулятивнаго мышленія, хотя и неизвѣстныя толпѣ вліяютъ на направленія умовъ, безъ того, чтобы они это подозрѣвали и вліяютъ на ходъ событій? Въ то время, какъ мыслящая часть общества погло-

щена идейнымъ споромъ, невѣдомыя отзвуки распространяютъ все дальше и дальше его главную сущность, его въ нѣкоторомъ родѣ практическую формулу; вліяніе идей, также точно, какъ вліяніе хорошаго или дурного примѣра, идущаго сверху, проникаетъ мало по малу въ глубокіе нижніе слои и ведетъ ихъ. Научныя системы современемъ исчезаютъ и забываются; но тенденціи, которыя они народили, продолжаютъ жить и продолжаютъ еще долго, послѣ того, какъ умолкнутъ всѣ споры, быть дѣйствительными и продолжаютъ налагать свою печать на общественную дѣятельность. Такъ вырабатывается и перерабатывается общественное мнѣніе, продолжая неустанно издали слѣдить за эволюціями разума, истиннаго своего руководителя. Вотъ почему среди условій и средствъ національнаго объединенія идеи до сихъ поръ являются могущественнымъ факторомъ, можетъ быть единственнымъ дѣйствительно долговѣчнымъ, народъ стоитъ лишь столько, сколько стоятъ тѣ идеи, которыя онъ представляетъ, вѣкъ, признается великимъ лишь потому, что въ немъ были провозглашены великія идеи или получили въ немъ свое практическое осуществленіе.

Современная же исторія представляетъ намъ въ этомъ отношеніи неопровержимое и достойное вниманія явленіе. Движеніе 1789 года столь могучее и столь плодотворное въ своемъ началѣ, когда оно проникнуто было идейнымъ единствомъ, смѣнилось настоящимъ распадомъ общественной мысли. Національный духъ одновременно устремился за всѣми теченіями; теперь нѣтъ больше единой французской идеи, но лишь армія добровольцевъ, перестрѣливающихся въ безпорядочномъ бѣгствѣ. Подобно тому времени, когда всѣ боги одновременно царствовали на Олимпѣ, также точно въ настоящее время у насъ всѣ системы имѣютъ своихъ правовѣрныхъ; временами же встрѣчается, что симпатіи склоняются въ пользу тѣхъ, кто игнорируетъ историческую традицію. Настоящее время являетъ намъ необычайное зрѣлище общества, покоящагося въ своемъ основаніи на декларацiи правъ, доктрины которой, вопреки себѣ и безъ своего вѣдома, ведутъ его назадъ къ проявленіямъ абсолютизма; такъ что, какъ это совершенно справедливо замѣчаетъ одинъ блестящій критикъ, «умы никогда еще не были столь чужды идеѣ права, какъ съ тѣхъ поръ, какъ они столько говорятъ объ нашихъ правахъ».

160. Теологическая школа продолжаетъ развертываться защищать свое знамя. Ея принципы не измѣнились: человѣкъ не обладаетъ никакими правами за исключеніемъ развѣ права стремиться къ истинѣ, его свобода есть лишь средство для него къ исполненію своего долга, программа школы осталась неимѣнной со временъ св. Ѳомы Аквинскаго: она претендуетъ регулировать всю общественную экономику на основахъ христіанскаго ученія божественнаго откровенія или божескаго закона.

У Сталя она завершилась теоріей «Христіанскаго Государства». Это теократія согласованная и скомбинированная съ духомъ протестантизма. Будучи одновременно противникомъ раціоналистическаго пантеизма Гегеля и противникомъ исторической школы, которую онъ упрекаетъ за ея натуралистическія тенденціи, являясь христіаниномъ и христіаниномъ, согласно традицій первыхъ временъ христіанства, Сталь отводитъ человѣческой свободѣ широкую и возвышенную область, онъ ставитъ ее выше государства въ качествѣ абсолютнаго права, и онъ связываетъ ее непосредственно съ Богомъ. Въ качествѣ протестанта, онъ является защитникомъ независимости свѣтской власти и отказываетъ церкви во всякой политической власти; онъ признаетъ за ней лишь власть утвержденія христіанской истины. Въ качествѣ философа онъ признаетъ традиціи и законы христіанскаго общества вполнѣ согласованными съ природою человѣка; *онъ связываетъ идею права* съ началомъ грѣхопаденія и видитъ въ немъ выраженіе плана божественнаго откровенія. Наконецъ въ качествѣ политика онъ приходитъ къ концепціи государства, имѣющаго миссіей осуществленіе евангельской истины: устанавливаемая имъ королевская власть, родъ свѣтскаго папства, представляетъ собою одновременно національную идею и идею христіанскую, которыя у него сливаются. Религія, слѣдовательно, не столько, правда, въ качествѣ религіознаго догмата, сколько въ качествѣ философской доктрины, становится основаніемъ права и государства, она проникаетъ, согласно завѣтной мечты Кальвина, весь политическій и гражданскій строй. Сталь дедуктивно выводитъ изъ принятаго имъ основного принципа всѣ логически вытекающія, послѣдствія: исключеніе еретиковъ отъ какого бы то ни было участія въ политическихъ правахъ, государственную религію, гражданскую санкцію исповѣднаго догмата и т. д.; онъ отвергаетъ конституціонный режимъ, «величайшее заблужденіе новыхъ временъ», или въ крайнемъ случаѣ, онъ допускаетъ, также какъ и Гегель, лишь подчиненное представительство. Въ заключеніе про эту систему можно сказать, что въ своемъ практическомъ примѣненіи, провозглашая человѣческую свободу, она является фактическимъ абсолютизмомъ, такимъ, какимъ онъ примѣнялся на практикѣ Фридрихомъ Вильгельмомъ IV, такимъ какимъ его, повидимому, понимаетъ настоящій германскій императоръ. Противорѣчіе очевидное, столь очевидное, что можно признать его совершенно непримиримымъ. Если церковь, вслѣдствіе чисто нравственнаго характера своей миссіи, не имѣетъ и не можетъ имѣть никакой другой власти кромѣ власти утвержденія христіанской истины, какъ можетъ ея ученіе, которое она проповѣдуетъ и представляетъ, быть одновременно закономъ государства, существо котораго состоитъ въ требованіи подчиненія и въ настояніи на его исполненіи, хотя бы для того потребовалось насильственное принужденіе?

161. Католическая партія свободна отъ этого противорѣчія, такъ какъ, во имя единства и универсальност церкви, она прямо приходитъ къ выводу о преобладающемъ значеніи духовной власти и о необходимости подчиненія ей гражданской власти, во имя первенствующаго значенія конечныхъ цѣлей надъ цѣлями вспомогательными, она провозглашаетъ церковь господствующимъ установленіемъ, и приписываетъ ей право распоряженія государствомъ, какъ вспомогательнымъ средствомъ для выполненія своей миссіи. Это чисто ультрамонтанская традиція. У де Мэстра, де Бональда, Ламенэ въ началѣ прошлаго столѣтія теократическая полемика обладала почти исключительно политической окраской; она тогда представляла собою реакцію противъ идей политической и гражданской свободы распространившихся послѣ революціи. Въ наши дни она снова получила научный и догматическій характеръ; и это происходитъ отъ того, что Энциклина 8 декабря 1864 г. снова затронула и обострила античный вопросъ о взаимоотношеніи свободы и истины. Поэтому то этотъ знаменитый документъ столь глубоко взволновалъ католическую совѣсть.

Непримиримые этой школы, которая подобно другимъ таковыми обладаетъ, доходятъ безъ колебаній до абсолютнаго права церкви на гегемонію надъ народами. Право, согласно Люсьену Брюну есть «повиновеніе божескому порядку»; такое опредѣленіе лишено всякаго смысла, развѣ только подъ божескимъ порядкомъ разумѣть ученіе церкви, возведенной въ обладателя, хранителя и единственнаго истолкователя истины. При такой постановкѣ, свобода, какъ индивида, такъ и общества, подданныхъ также, какъ и власть имѣющихъ, предполагаетъ подчиненіе божескому закону; отсюда слѣдуетъ, что одна только церковь можетъ ее устанавливать, соразмѣрять и даровать; и если она провозглашаетъ свободу въ области философіи въ качествѣ средства достиженія истины, то наряду съ этимъ она отказывается признавать свободу гражданскую въ качествѣ цѣли и объекта права. Нѣтъ никакого другого права вопреки закону и внѣ закона; «право предполагаетъ наличность закона, такъ какъ законъ творитъ право». Шарлъ Пэринъ, не признающій необходимости считаться съ какими бы то ни было предосторожностями или даже простымъ благоразуміемъ въ способахъ выраженія, излагаетъ слѣдующимъ образомъ это ученіе и тѣ выводы, которые изъ него вытекаютъ въ отношеніи роли церкви и ея отношеній къ гражданскому обществу: «Мы обладаемъ», говоритъ онъ, «свободой исполнять нашъ долгъ, вотъ и все»; все же, «существуетъ въ этомъ мірѣ власть, установленная Богомъ для опредѣленія обязанностей человѣка и, тѣмъ самымъ, его правъ»; такимъ образомъ, право есть «подчиненіе» ученію и постановленіямъ церкви. Откуда церковь находится въ своемъ строго законномъ правѣ непризнавать человѣческіе законы, противорѣчащіе ея собственному ученію и предъявлять государствамъ тре-

бованіе уничтожать и душить все, что она считаетъ ересью: она не только облад..ъ правомъ на свободу, но свѣтскія власти обязаны приходить ей на помощь положительнымъ содѣйствіемъ «они не только должны обезпечивать ея свободу, но должны кромѣ того помогать ея дѣятельности, оказывая ей прямую поддержку и споспѣшествуя ей дѣйствительнымъ сотрудничествомъ». Для того, чтобы установить, понимаемое такимъ образомъ, преобладающее значеніе духовной власти и подчиненность ей свѣтской власти, знаменитый Лувенскій профессоръ не только ссылается на авторитетъ утвержденія Силлабуса 1864 года, и на рѣчь папы Пія VI отъ 29 марта 1790 года, служившей его первоисточникомъ, но доходитъ даже до буллы Unam Sanctam, которою Бонифацій VIII на зарѣ XIV вѣка, провозглашалъ полное господство церкви въ области свѣтской совершенно также точно, какъ и въ области духовной; онъ приводитъ ея текстъ и добавляетъ: «Тутъ мы имѣемъ предъ собою одно изъ тѣхъ верховныхъ постановленій непогрѣшимаго первосвященника, которымъ католики обязаны подчиненіемъ, принимая ихъ дословно и не съуживая области ихъ примѣненія». Ну, а по отношенію къ временнымъ и преходящимъ дѣламъ? Также точно, безъ различія: «Непогрѣшимая церковь даетъ міру всю полноту истины какъ догматической, такъ и практической.... она устанавливаетъ незыблемый нравственный порядокъ, на которомъ покоится вся жизнь какъ частная, такъ и общественная». Если временами она воздерживается отъ востребованія всей полноты своего права, то это по снисхожденію къ человѣческой слабости, къ потребностямъ времени, примѣняясь съ обстоятельствами во избѣжаніе вящихъ золъ; но она обладаетъ имъ, она сохраняетъ его во всей полнотѣ и она должна постоянно стремиться къ возстановленію его во всей его неприкосновенности, такъ какъ «ересь въ обществѣ не можетъ обладать никакимъ правомъ, въ то время какъ истина обладаетъ ими полностью». Естественно, послѣ этого, что авторъ разражается гнѣвомъ и мечетъ громы на Генриха IV и Нантскій Эдиктъ, противъ послѣдовательныхъ мѣръ, которыя отняли у церкви ея господствующее значеніе, которыя поставили государство въ нейтральное положеніе въ вопросахъ исповѣданія, которыя установили равенство французовъ предъ закономъ.... и т. д. Католики, согласно его точки зрѣнія, обладаютъ абсолютнымъ правомъ на свободу, но имъ не обладаютъ всѣ прочіе, такъ какъ признать таковое и за этими послѣдними значило бы отрицать «основную разницу отдѣляющую ересь отъ истины».

162. Въ качествѣ догматическаго идеала для общества, добровольно подчинившагося требованіямъ той самой вѣры, которую оно исповѣдуетъ, противъ такой концепціи возражать нечего. Всякая вѣра, имѣетъ неопровержимое право формулировать свой догматъ такъ, какъ она его понимаетъ, также и устанавливать извѣстную обязательную для своихъ послѣдователей дисциплину, совершенно

также какъ всякая научная система имѣетъ право слагаться по своему усмотрѣнію. Но возводить какой либо догматъ въ принципъ права, т. е. въ основаніе принудительнаго порядка, такъ какъ согласно всеобщему признанію, право и принужденіе нераздѣльны, въ обществѣ, въ которомъ сосуществуютъ различныя вѣрованія, въ которомъ въ наличности различныя убѣжденія, всѣ равно проникнутыя сознаніемъ равенства законности своего существованія и пользующіяся равнымъ правомъ на привлеченіе къ себѣ адептовъ, положительно недопустимо по самой неотразимой изъ причинъ: это невозможно безъ употребленія силы противъ еретиковъ. Истина же съ точки зрѣнія теологической, также какъ и добро съ точки зрѣнія нравственности, царствуетъ лишь при соблюденіи психологическаго условія свободы воспріятія. Такъ что, волей не волей, мы вынуждены признать, что человѣческій законъ долженъ быть такимъ, чтобы каждый могъ имъ пользоваться и ссылаться на его требованія, какія бы не были его вѣрованія, по отношенію къ которымъ Государству нечего справляться, такъ какъ оно равно обязано относиться съ уваженіемъ ко всѣмь убѣжденіямъ. Кто искренно желаетъ свободы долженъ ее допускать даже, когда она заблуждается и долженъ доходить даже до признанія права ошибаться или погрѣшать; Вавнаргъ прекрасно по этому поводу сказалъ: «надо дозволить людямъ впадать въ крупныя ошибки по отношенію другъ друга, дабы избавить ихъ отъ вящаго зла, рабολѣпства» Такимъ образомъ свобода, будучи съ философской точки зрѣнія лишь средствомъ, средствомъ достиженія истины и добра, становится объектомъ и цѣлью права или гарморніи равныхъ свободъ.

Берегитесь, невольно хочется сказать Пэрину, тѣхъ послѣдствій, которыя влечетъ за собою ваша политика нетерпимости. Предположеніе что какая нибудь точка зрѣнія можетъ объявить себя господствующей подъ сѣнью права, являетъ собою непрестанную угрозу притѣсненій для всѣхъ ее не раздѣляющихъ; думаете ли вы, что ваши противники сложатъ оружіе, если фактическая терпимость даннаго времени есть лишь вопросъ примѣнимости къ обстоятельствамъ, и если вы сами же предупреждаете, что она, прекратится въ тотъ день, когда условія будутъ тому благопріятствовать? Свобода обладаетъ многочисленными и большими преимуществами, хотя въ другихъ отношеніяхъ она и сопряжена съ неудобствами и опасностями; нужно во вниманіе къ первымъ умѣть терпѣть вторыя. Если существуетъ какая нибудь неотразимая истина, столь же ослѣпительно яркая, какъ солнечный свѣтъ, то она именнс заключается въ томъ, что не будетъ продолжительнаго мира въ отношеніяхъ церкви къ государству до тѣхъ поръ, пока церковь не признаетъ полнаго господства государства въ области политики и права.

По поводу этого вопроса Оливье написалъ слѣдующія прекрасныя страницы въ послѣднемъ своемъ сочиненіи: «О министры

религіи. въ вашихъ семинаріяхъ, въ вашихъ книгахъ, написанныхъ по латыни, предавайте анафемѣ, проклинайте принципъ отдѣленія Церкви отъ Государства, мечтайте о возвратѣ къ старому, восхваляйте прелести католическаго идеала, никто васъ въ этомъ не упрекнетъ, многіе же васъ похвалятъ. Но въ вашихъ газетахъ, въ вашихъ политическихъ рѣчахъ въ общественныхъ мѣстахъ, я васъ заклинаю, не преслѣдуйте принципа новаго времени; вы раздражите его послѣдователей не побѣдивъ ихъ. Правильно ли это или нѣтъ, но современное общество твердо рѣшило не возвращаться къ старымъ формамъ, ваши потоки краснорѣчія и ваши ссылки на исторію способны только внѣдрить нѣкоторое безпокойство, но не способны кого бы то ни было убѣдить; успокаивая его вы получили бы отъ него съ большимъ къ себѣ уваженіемъ и вполнѣ свободно, то единственное, на что разумно было бы вамъ изстари расчитывать, а именно, защиту. Не забывайте никогда предупрежденіе, которое, послѣ 1847 года, вамъ сдѣлалъ одинъ изъ образованнѣйшихъ вашихъ епископовъ Mgr. Паризисъ: «согласно общему признанію государственная религія невозможна во Франціи. Признаніе католицизма въ настоящее время въ качествѣ высшаго правила гражданскихъ законовъ, также какъ и нравовъ, въ качествѣ авторитета, руководящаго общественными установленіями, семьей, также какъ и совѣстью отдѣльнаго человѣка, не можетъ быть у насъ не только установлено, но немыслима даже и попытка въ этомъ направленіи, безъ того чтобы не вызвать немедленныхъ потрясеній гражданскаго строя и, неподдающейся учету, реакціи противъ самаго католицизма».

163. Великія энциклики, послѣдовавшіе послѣ Силлабуса, а именно отъ 1 ноября 1885 года, относительно христіанскаго строя государствъ и отъ 20 іюня 1888 года, относительно человѣческой свободы, являются, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, могущественнымъ призывомъ къ взаимному уваженію и согласію, великимъ усиліемъ къ умиротворенію; они стремились, согласно выраженія епископа Хюльстъ, къ облегченію примиренія посредствомъ надлежащаго освѣщенія вопроса, и къ приготовленію возможности соглашенія. Съ одной стороны, дѣйствительно, актъ 1885 года признаетъ въ принципѣ, вопреки увлеченіямъ неразумной ревности, власть свойственную свѣтскому правительству и онъ очерчиваетъ съ бо́льшей опредѣленностью, чѣмъ это было до него, границы духовной власти. Мы въ немъ читаемъ: «Богъ подѣлилъ управленіе человѣческимъ родомъ между двумя властями, властью духовной и властью свѣтской, первая изъ нихъ относится къ божественнымъ предметамъ, вторая къ человѣческимъ. Каждая изъ нихъ проявляетъ свои верховныя полномочія по своему; каждая изъ нихъ заключена въ совершенно точно опредѣленныя границы, начерченныя въ согласіи съ ея природой и ея спеціальной цѣлью. Такимъ образомъ существуютъ какъ бы точно ограниченныя сферы, въ которыхъ каждая изъ нихъ проявляетъ свое дѣйствіе jure proprio».

Все что въ человѣчествѣ въ какомъ бы то ни было отношеніи священно, все что касается спасенія души и почитанія Бога, будь то по своему существу, будь то по отношенію къ своей цѣли, все это составляетъ область авторитета церкви. Что же касается другихъ явленій, обнимаемыхъ гражданскимъ порядкомъ и политикой, то справедливо, чтобы они были подчинены авторитету свѣтской власти, такъ какъ Христосъ повелѣлъ отдать «Кессарю Кессарево, а Божье Богу». Въ другомъ мѣстѣ даже въ отношеніи области, сохраненной за церковью, энциклика, въ необычайно осторожной формулировкѣ, указываетъ на различія, которыя надлежитъ дѣлать между доктринальными утвержденіями церкви и ихъ практическимъ примѣненіемъ къ измѣнчивымъ положеніямъ между тѣмъ, что должно быть сохранено въ качествѣ идеальнаго тезиса и тѣмъ, что допустимо въ качествѣ программы дѣйствія или, другими словами, между идеаломъ и тактикой, между правомъ и фактомъ.

Во всякомъ случаѣ остается одинъ пунктъ, по отношенію къ которому мировая сдѣлка отвергнута, въ которомъ разногласіе представляется непредотвратимымъ. Въ противность традиціи либеральной школы церковь не признаетъ, никакихъ правъ, ни у государства, ни у индивидовъ внѣ той истины, которую она представляетъ; она терпитъ лишь въ видѣ гипотезы, свободы, которыя человѣческіе законы воздвигли въ права, въ качествѣ вытекающихъ для человѣка изъ самой его природы, воздвигли въ естественныя права, она ихъ терпитъ лишь «во имя практической мудрости, состоящей въ томъ, чтобы отъ времени и мѣста требовать лишь то, что они могутъ дать». Свобода, согласно чисто католическаго ученія, не есть самоцѣльная сущность, не только средство; поэтому она существуетъ лишь постольку, поскольку она согласна съ истиной, которая одна только есть конечная цѣль слѣдовательно, она обречена на подчиненіе божественному порядку. Въ конечномъ выводѣ это отрицаніе права въ его сущности, человѣческаго права, права лица. Иллюзія либеральнаго католицизма исчезла; Лакордеръ, Монталамберъ и Фалу были разоблачены въ 1864 году. Епископъ Хюльстъ, хотя и обнаруживаетъ весьма близкое сродство ума съ этими крупными именами, осуждаетъ «либеральное заблужденіе, ставящее обыкновенно право или право людей выше права Бога»; и, согласно съ Силлабусомъ онъ провозглашаетъ, что «католическая традиція не совмѣстима съ теоріей, содержащейся въ ученіи либерализма».

164. Что удивительнаго послѣ этого, если и демократія съ своей стороны говоритъ, что идеи и задачи, которыя она преслѣдуетъ несовмѣстимы съ католической традиціей? Это заявляютъ вожди партіи. Прудонъ посвятилъ одно изъ своихъ главныхъ сочиненій доказательству того, что церковь кореннымъ образомъ противна идеи справедливости, и что нужно, какъ онъ выражается,

«разрубить этотъ узелъ». Ватеро идетъ дальше этого; онъ утверждаетъ, что демократическій идеалъ несогласуемъ ни съ какой религіей. Огюстъ Контъ, Литтрэ и ихъ ученики посвящаютъ вопросу объ исключеніи всякаго теологическаго элемента первую главу своего позитивнаго ученія. Такимъ образомъ по этому существенному вопросу окончательно установился въ обществѣ антогонизмъ; и онъ доходитъ до такой степени обостренія, что даетъ поводъ думать, что, въ настоящее время, для рѣшенія его можетъ лишь имѣть мѣсто безпощадная междуусобная война.

И это тѣмъ болѣе, что въ рядахъ демократіи, заявляющей себя передовой, либерализмъ не встрѣтилъ лучшей доли. Въ ней почти исключительно царствуютъ, послѣдовательно выросшія изъ «общественнаго договора», традиціи Конвента, утилитиризмъ и позитивизмъ. Но, какъ извѣстно изъ того, что было объ этихъ ученіяхъ сказано выше, всѣ они учатъ, что личность сама по себѣ ничто, что одно только государство есть универсальный и всесильный факторъ прогресса, Что удивительнаго послѣ этого, что ея тенденціи склоняются къ властвованію? Въ одномъ случаѣ во имя общей воли, въ другомъ во имя пользы, въ третьемъ во имя опыта, наконецъ далѣе во имя эволюціи, этой чародѣйки современной науки, другими словами, во имя пресловутаго соціальнаго права; подъ различными его формами, наиболѣе многочисленная демократическая партія считаетъ человѣка принадлежащимъ ей цѣликомъ и претендуетъ установить въ качествѣ міроваго закона свою собственную концепцію объ обществѣ и объ идеальномъ порядкѣ. Истинный демократъ особенно приверженъ ученію Руссо и Якобинской традиціи или, какъ это называютъ въ настоящее время, онъ радикаленъ. Онъ твердо вѣритъ въ соціальное право, онъ убѣжденъ, что можно все создать путемъ закона; интересъ государства оправдываетъ въ его глазахъ любую мѣру. Онъ считаетъ себя угнетеннымъ и не далекъ отъ вѣры, что отечество въ опасности, если его идеи не получили перевѣса; какъ только онъ можетъ, онъ скорѣе всего торопится выразить порицаніе отступникамъ, ихъ исключить, если они сопротивляются, и если они не уступаютъ, сослать ихъ въ ссылку. Меньшинство въ его глазахъ не имѣетъ никакихъ правъ и отсюда вытекаютъ всѣ его вожделѣнія. Онъ требуетъ однопалатнаго законодательнаго учрежденія— родъ Конвента, дабы окончательно закрѣпить верховное право большинства путемъ уничтоженія всякаго противовѣса, могущаго при нуждѣ его сдержать или хотя бы только умѣрить; онъ считаетъ, что всѣ власти должны быть основаны на избирательномъ началѣ и притомъ съ категорическими мандатами, дабы ни съ какой стороны не оставалось ни малѣйшаго мѣста для проявленія независимости разума, каковое проявленіе онъ признаетъ измѣной; если у него врожденная тенденція къ централизаціи, то это потому, что онъ ожидаетъ отъ нея выполненія своей завѣтной мечты

всеобщаго равненія, приведенія всего къ единообразію; въ судѣ онъ видитъ средство поощренія того дѣла, которое онъ считаетъ своимъ, въ просвѣщеніи средство внѣдрять демократическія идеи. Другими словами, вмѣстѣ съ господиномъ Пэриномъ, онъ требуетъ свободы для себя, но не для другихъ. Цѣли у нихъ разныя, но результатъ тождественъ. То, что болѣе всего прояснилось въ смутныхъ мечтахъ коммуналистическаго движенія, куда стремятся наиболѣе пылкіе представители, это къ демократизаціи власти путемъ ея раздробленія, дабы сдѣлать ее доступной посредственностямъ, которыя стремятся импонировать, пріобщившись къ ней.

Все это логично: всемогущество Государства, въ теоріи, въ переводѣ на факты есть полновластіе тѣхъ, кто управляетъ, или кто стремится управлять. Однако логика не есть все въ политикѣ. Демократія не остерегается, какъ въ этомъ ее упрекаютъ Стюартъ Милль, того, чтобы подъ предлогомъ послѣдовательности съ своимъ принципомъ, не принять такой способъ разсужденія, который ведетъ къ самымъ опаснымъ выводамъ Всѣ формы правленія имѣютъ свои хорошія стороны, также какъ и дурныя; возводить логическую дедукцію въ единственное правило поведенія, значитъ сказать, «что надлежитъ употребить всѣ усилія къ отягченію, а не уменьшенію существенныхъ недостатковъ того государственнаго строя, который признаютъ наилучшимъ, или при которомъ живутъ». Ничего нельзя возразить противъ столь мудраго изрѣченія; но попробуйте заставить толпу принять совѣты умѣренности и предусмотрительности, послѣ того какъ вожди партіи, которымъ она довѣряется, проповѣдуютъ, что блюстители верховной власти народа облечены «человѣческимъ всемогуществомъ». Странное утвержденіе и во всякомъ случаѣ весьма дерзкое. Развѣ власть все дѣлать даетъ право все дѣлать? Никто не посмѣетъ отвѣтить утвердительно. Слѣдовательно и надъ правами верховной власти стоятъ права, которыя независимы отъ ней и ее ограничиваютъ; поэтому никакая власть въ организованномъ обществѣ, даже самая возвышенная, не можетъ обладать всемогуществомъ.

165. Наконецъ, для того, чтобы восполнить перечисленіе доктринъ, проповѣдуемыхъ въ наши дни, надо наряду съ абсолютическими ученіями, дать также мѣсто все еще многочисленному классу скептиковъ, которые довольствуются высмѣиваніемъ всякихъ идей, и классу опортюнистовъ, которые обсуждаютъ ихъ изо дня въ день, безъ всякой подготовки, при первой пріятной встрѣчѣ.

Вотъ одинъ примѣръ изъ тысячъ. Въ 1854 году, въ небольшомъ, но любопытномъ во многихъ отношеніяхъ, сочиненіи Эмиль де Жирарденъ, самый разочарованный изъ когда либо существовавшихъ людей, задался слѣдующей цѣлью: «Я желалъ бы», говоритъ онъ, «разъ на всегда покончить со всѣми этими словами,— право, разумъ, справедливость, смыслъ которыхъ мѣняется и взаимно себѣ противорѣчитъ въ зависимости отъ мѣста и времени».

Поетензія не изъ маленькихъ. Дѣйствительно, эти слова отвлеченны; но они не болѣе и не менѣе отвлеченны чѣмъ всѣ тѣ слова, которыми выражаются понятія нравственности. Это законъ исторіи языка, что слова, употребляемыя для выраженія идей, появляются раньше, чѣмъ самыя идеи эти точно опредѣлились; только въ послѣдствіи анализъ освѣщаетъ то, что составляло сначала лишь предчувствіе интуиціи. Къ тому же эти великія понятія права, справедливости, разума темны только для тѣхъ, кто ищетъ ихъ смыслъ лишь у своего невѣжества или въ собственныхъ догадкахъ; пусть же спросятъ у униженныхъ и угнетенныхъ, которые во всѣ времена взывали къ нимъ, была ли у нихъ хоть тѣнь сомнѣнія относительно ихъ значенія. Къ чему же въ концѣ концовъ приходитъ авторъ? Послѣ того. какъ онъ въ достаточной мѣрѣ все запуталъ и перепуталъ въ потокѣ своего неизсякаемаго краснорѣчія, онъ приходитъ къ слѣдующему удивительному опредѣленію, резюмирующему его систему: «право,—это сужденіе, лишенное другихъ границъ кромѣ заблужденія и истины, безъ другого мѣрила кромѣ очевидности, безъ другой санкціи, кромѣ опроверженія». Вотъ это недурно, вотъ воистину опредѣленіе несравненной ясности, при которомъ уже больше не будетъ мѣста разномыслію.

166. Среди всѣхъ этихъ системъ, согласныхъ въ своемъ отрицаніи, опроверженіи и пренебреженіи къ идеѣ права, но сражающихся между собою въ разныхъ другихъ отношеніяхъ, что сталось съ традиціей 1789 года, съ истинной традиціей французовъ? Увы, болѣе чѣмъ очевидно, что она меркнетъ и ослабѣваетъ. Ея приверженцы и ея правовѣрные послѣдователи становятся какъ бы чужестранцами въ собственной странѣ. Признаки этого находятся въ изобиліи и они другъ друга подтверждаютъ; логическія заблужденія принятыя за истину, уклоненія отъ принципа, долго продолжаясь, влекутъ за собою неминуемыя уклоненія общественнаго мнѣнія и поведенія.

Въ области религіи, демократія, находясь по старой привычкѣ во враждѣ съ духомъ церковности, сама не замѣчаетъ того, какъ ея свѣтскій духъ становится въ свою очередь нетерпимымъ. Эти вопросы, снова ставящіеся въ связь съ отношеніями церкви къ Государству, столь простые, когда ихъ разсматриваютъ, при условіи взаимной терпимости и свободы обсужденія, разсматриваются то тутъ, то тамъ съ плохо скрываемою цѣлью захвата. Говорили о религіозныхъ гоненіяхъ; слова эти, конечно, весьма дики; но развѣ не знаменательно, что въ нѣкоторыхъ кругахъ царствуетъ духъ придирчивости, презрѣнія и даже прямой враждебности къ идеѣ религіи и даже стремленіе дѣлать исключенія для лицъ на основаніи ихъ вѣрованія? Нужны ли дополнительные примѣры? Вотъ нѣкоторые. Законъ 12 іюля 1875 года относительно свободы высшаго преподаванія, уравнялъ значеніе дипломовъ, полученныхъ по экзамену, сданному либо на одномъ изъ факультетовъ Госу-

дарства, либо предъ лицомъ, смѣшанной третейской комиссіи; но не замедлило выйти распоряженіе Государственнаго Совѣта, отъ 14 августа 1879 года, которымъ требуется отъ кандидатовъ въ слушатели представленія диплома, выданнаго государственнымъ факультетомъ, чѣмъ исключается конкурсъ учениковъ свободныхъ факультетовъ. Не взирая на самые энергичные и законные протесты, это распоряженіе не было пересмотрѣно. Позднѣе вышелъ законъ, запрещающій членамъ дозволенной конгрегаціи занятіе нѣкоторыхъ должностей, на которыя къ тому же правительство можетъ ихъ и не назначать; тѣмъ кто возражали противъ этого проэкта, что онъ носитъ въ себѣ посягательство на права гражданъ, на равенство передъ закономъ, Министръ отвѣчалъ, не замѣчая того, что онъ повторяетъ слова притѣснителей всѣхъ временъ: «Развѣ духовные, такіе же граждане, какъ всѣ прочіе»? Совершенно недавно членъ парламента, знаменитый философъ прославившійся своими работами по соціальнымъ вопросамъ, не подозрѣвая всей чудовищности своего предложенія, требовалъ исключенія изъ конкурса для вступленія въ высшія правительственныя школы молодыхъ людей, получившихъ свое образованіе въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Сколько можно было бы привести аналогичныхъ примѣровъ? И все это по прошествіи ста лѣтъ послѣ того, какъ декларація правъ провозгласила въ своемъ 10 параграфѣ: «Никто не можетъ быть преслѣдуемъ за свои убѣжденія даже религіозныя, лишь бы ихъ проявленіе не нарушало установленнаго закономъ гражданскаго порядка».

Въ общественной жизни, что не менѣе характерно въ качествѣ знаменія времени, политическая свобода имѣетъ тенденцію къ поглощенію гражданской свободы. Со времени Монтескье для либеральной школы является аксіомой, что одни только гражданскія права, составляющіе по своему существу личную свободу, имѣютъ самостоятельную цѣнность, и что политическія права, состоящія въ участіи въ соціальной власти, не столько права, въ прямомъ смыслѣ этого слова, сколько функціи, что они обладаютъ лишь одной цѣнностью гарантіи, такъ какъ обязанность Государства предъ человѣкомъ заключается лишь въ обезпеченіи его свободы. Но, на пошломъ языкѣ настоящаго времени, все это называется старой басней. Государство, согласно новѣйшимъ теоріямъ имѣетъ совершенно другую миссію и другія задачи; оно есть факторъ и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, единственный факторъ судьбы общества и даже судьбы человѣчества. Отсюда выводятъ, что участіе во власти отвѣчаетъ потребности развитія, каковая во всякомъ случаѣ естественна; слѣдовательно политическія права становятся орудіемъ пропоганды, пользованіе ими является почти что апостольскимъ служеніемъ. По совершенно естественной наклонной плоскости приходятъ, также какъ и въ античномъ мірѣ, къ смѣшенію понятій свободы и власти, если не къ мысли о преобладающемъ значеніи

власти предъ свободой. Такъ развивается духъ сектанства; и подъ его воздѣйствіемъ такъ растетъ соціальный антогонизмъ. Сколько политическихъ дѣятелей не иначе думаютъ, чѣмъ тотъ якобинецъ, который, озабоченный желаніемъ дать опредѣленіе свободы, хитроумно кончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «я чувствую себя свободнымъ, когда въ управленіи получаютъ перевѣсъ мои мысли, и я чувствую себя притесненнымъ въ противоположномъ случаѣ». Слѣпъ, однако, тотъ, кто не видитъ, что онъ подвергаетъ опасности собственную свободу, какъ только онъ забываетъ о свободѣ другихъ. Политическія теоріи подпадаютъ подъ вліяніе распространяемой пропагандой точки зрѣнія; нужно ли вспоминать, про направленныя противъ парламентаризма стрѣлы со стороны, вступающихъ на политическую арену, поколѣній, тенденціи болѣе сильной, чѣмъ это кажется и необъяснимою, если только не припомнить, что она со времени Огюста Конта стоитъ въ программѣ позитистовъ? Какъ будто бы кромѣ управленія страной на началѣ самоуправленія, есть мѣсто еще чему то, кромѣ диктатуры какого нибудь Цезаря или какого нибудь Конвента.

Въ области экономики всѣ теченія склоняются въ пользу государственнаго соціализма. Теоретическіе сторонники принципа власти стремились къ нему во всѣ времена и стремятся къ нему и въ настоящее время; они остаются приверженцами античной идеи государства, опекуна, долженствующаго распознавать истину и благо и обезпечить ихъ господство, опекуна, облеченнаго властью руководить всѣми и во всемъ ко благу. Народъ присоединяется къ нимъ и слушаетъ ихъ; онъ охотно имъ вѣритъ, такъ какъ онъ усталъ страдать, онъ убѣждается, что прекращеніе бѣдности можетъ быть достигнуто исключительно одной дѣятельностью государства и можетъ быть установлено велѣніемъ закона. Отсюда внезапное и неожиданное пробужденіе протекціонистскихъ идей; отсюда раздающійся отовсюду призывъ къ вмѣшательству государства въ человѣческую дѣятельность. Между тѣмъ предоставить общественной власти устанавливать отношенія между капиталомъ и трудомъ, что это, какъ не предоставленіе, вмѣстѣ съ индивидуальной свободой, всей экономической жизни во власть государства, т. е. чудовищной власти? Движеніе это возникло въ Берлинѣ, такъ какъ Германія издавна пропитана теоріей государства—Бога; но его можно даже констатировать въ Англіи, въ этой странѣ индивидуальнаго начала по преимуществу, гдѣ, по традиціи все привыкли ждать отъ личности и свободнаго соглашенія. Большой конгрессъ Трэдъ-юньоновъ въ 1890 году почти единогласно высказался за необходимость законодательнаго урегулированія труда. Во Франціи вступаютъ на этотъ путь во имя защиты должной слабымъ, то есть неспособнымъ; но пусть остерегутся: государство будетъ скоро приглашено къ вмѣшательству во всю частную жизнь и къ замѣнѣ своей волею волю частныхъ лицъ. Факты это уже

обнаруживаютъ: 8 іюля прошлаго года былъ вотированъ палатою депутатовъ параграфъ закона, которымъ регулируется время, въ продолженіи котораго женщины должны будутъ лечиться до и послѣ родовъ; кромѣ того говорятъ о наказаніи, во имя нравственности, холостяковъ, обложивъ ихъ особымъ налогомъ.... и такъ далѣе. Разъ вступивши на этотъ путь, на полъ-дороги не останавливаются; свобода и государственное вмѣшательство въ человѣческую дѣятельность суть два непримиримыя начала: одно должно исключить другое.

Наконецъ, даже въ области гражданскаго порядка, хотя онъ болѣе устойчивъ и лучше обезпеченъ отъ переоцѣнки общественнымъ мнѣніемъ, мы встрѣчаемся съ поклонниками античныхъ взглядовъ, которые явились какъ бы съ того свѣта. Здѣсь снова воскрешаютъ античныя теоріи верховнаго права собственности государства на имущество частныхъ лицъ; можно было думать, что эта анти-общественная доктрина окончательно и безповоротно разсѣяна, однако она снова появляется въ поддержкѣ проекта реформы фискальнаго законодательства въ области наслѣдственнаго права. Въ другомъ случаѣ, одинъ изъ, наиболѣе выдающихся, членовъ парламента вноситъ предложеніе, со всей видимостью серьезнаго отношенія къ вопросу, возстановить право конфискаціи, т. е. принесенія въ жертву собственности, по отношенію къ тѣмъ, которые не обнаруживаютъ достаточныхъ симпатій къ правительству и т. д.

167. Не достаточно ли знаменательны эти явленія? Тѣмъ не менѣе, не взирая на все это страна продолжаетъ оставаться непобѣдимо либеральной; она либеральна по своему темпераменту, по своимъ склонностямъ и по все еще живущимъ традиціямъ 89 года. Однако, на ея несчастіе, теоретики, возставшіе противъ ея духа обрекаютъ ее на послѣдствія абсолютизма. Они стремятся къ конечной цѣли, не считаясь со средствами; имъ недостаетъ простого, но существеннаго пониманія того, что можетъ и должно изъ себя представлять правительство въ свободной странѣ: они забываютъ, что желать дѣлать государство всемогущимъ для блага, значитъ неминуемо сдѣлать его всемогущимъ и для зла, такъ какъ никто другой какъ люди всегда будутъ говорить и дѣйствовать отъ его имени.

Двойственность въ этомъ отношеніи замѣчается во всемъ, какъ въ полемикѣ, такъ и въ поведеніи партій. Такой то выдаетъ себя за утилитариста или позитивиста, а вмѣстѣ съ тѣмъ подкрѣпляетъ свои доводы ссылкою на принципы 89 года; другой, проповѣдующій либерализмъ, ссылается въ то же время на «общественный договоръ» или на соціологію; и все это дѣлается безъ малѣйшаго подозрѣнія, какое тутъ смѣшеніе идей и системъ и какое соединеніе несоединимаго. Что же касается до партій, то всѣ они съ восторгомъ провозглашаютъ, суверенитетъ народа, но съ затаеннымъ, каждая изъ нихъ, про себя замысломъ отождествить себя,

свою партію, со всѣмъ народомъ; они достигаютъ власти, провозглашая великое слово свободы, но разъ достигнувъ ее, вмѣсто того, чтобы ею пользоваться для защиты правъ всѣхъ, они больше всего торопятся завладѣть всей страной и подчинить ее въ чемъ можно своимъ частнымъ партійнымъ взглядамъ. Какъ будто бы возможно одновременно отрицать право и претендовать быть свободнымъ.

Противорѣчіе въ законодательной дѣятельности удручающе. Уже цѣлый вѣкъ оно тяжелымъ бременемъ отзывается на всѣхъ попыткахъ государственнаго строительства. Имъ объясняется періодическое возобновленіе революцій; при каждой изъ нихъ страна хочетъ вѣрить, что свобода достигнута, но затѣмъ скоро убѣждается, что власть перешедшая въ другія руки или перемѣнившая свое названіе продолжаетъ быть вдохновленной тѣмъ же самымъ духомъ и тогда снова начинается революція. Слишкомъ долго длившаяся практика абсолютическаго управленія оставила въ наслѣдство французскому духу плохіе навыки, въ тотъ моментъ, когда эти навыки только что начали исчезать философскія теоріи новаго времени снова ихъ воскресили и укрѣпили болѣе чѣмъ когда нибудь Раздваиваясь между потребностью быть свободной и потребностью чувствовать себя управляемой, охваченная могучимъ стремленіемъ къ справедливости съ одной стороны и абсолютическими привычками съ другой, страна, вслѣдствіе того, контраста, который существуетъ между ея стремленіями и ея доктринами, продолжаетъ оставаться мало приспособленной къ пользованію деликатнымъ механизмомъ представительнаго образа правленія.

168. Да не будетъ никто увлеченъ заблужденіемъ, такъ какъ, на самомъ дѣлѣ, нельзя увлекаться ни обояніемъ словъ, ни обояніемъ видимостей. Представительный образъ правленія, въ особенности при парламентарной формѣ, чудодѣйственненъ и необычайно соотвѣтствуетъ народамъ, у которыхъ человѣкъ привыкъ все ждать отъ самаго себя, у которыхъ государство не имѣетъ никакой другой миссіи, кромѣ направленія и управленія національными интересами, быть на стражѣ порядка и обезпечивать всеобщую свободу; но онъ не примѣнимъ тамъ, гдѣ продолжаетъ царствовать духъ властвованія. Ничто не разлагаетъ его болѣе роковымъ образомъ, какъ вѣра у выбраннаго представителя, что онъ призванъ регулировать идеи и распоряжаться правами, что онъ представитель «человѣческаго всемогущества», согласно выше приведеннаго опредѣленія; въ этомъ случаѣ представительный образъ правленія неминуемо кончается порабощеніемъ меньшинства измѣняющимся по своему составу большинствомъ, что является самымъ тягчайшимъ и самымъ невыносимымъ изъ всѣхъ видовъ угнетенія.

Заслуживаетъ также самаго серьезнаго вниманія тотъ фактъ, что всѣ правительства во Франціи въ теченіи цѣлаго послѣдняго вѣка послѣдовательно падали именно вслѣдствіе доведенія до край-

ности и злоупотребленія своимъ принципомъ. Революція, какъ только утратила свою точку отправленія, такъ сейчасъ же стала безъ удержу переходить отъ конституціоналистовъ къ жирондистамъ, отъ жирондистовъ къ якобинцамъ, отъ якобинцевъ къ монтаньярамъ, для того чтобы въ концѣ концовъ разразиться ужасающей бурей. Можно ли это объяснить, какъ это часто говорилось, роковой склонностью къ революціонному положенію? Ни въ какомъ случаѣ, такъ какъ все, что дѣлала реставрація совершенно тоже самое, но только въ обратномъ направленіи, начавши съ министерства Деказа, она переходитъ къ министерству Виллеля, отъ министерства Виллеля къ министерству Мартиньяка, отъ министерства Мартиньяка къ министерству де-Полиньяка. Принцъ де Полиньякъ, упрекаемый въ умѣренности въ реакціи, также какъ сорокъ лѣтъ до этого упрекался Дантонъ въ умѣренности въ революціи, въ свою очередь былъ бы опереженъ, если бы происшествіе съ приказами не привело къ паденію самаго Карла X. Первая и вторая имперіи пали вслѣдствіе личныхъ злоупотребленій властью и вслѣдствіе позора пораженій, до которыхъ они довели страну. Республика 1848 года, выставившая на своемъ знамени избирательную реформу въ февралѣ, въ нѣсколько мѣсяцевъ дошла до іюньскихъ дней, которые ее убили на смерть. Единственно іюльская монархія сдѣлала попытку безпристрастнаго управленія страной, предоставивъ прогрессу осуществляться дѣйствіемъ самого общества; но тогда нетерпѣливая партія обвинила ее въ неспособности, и она пала подъ давленіемъ коалиціи сторонниковъ стараго порядка и народной партіи.

169. Такимъ образомъ время накопило намъ опытъ и доказало намъ до очевидности, что уснановленія не могутъ жить безъ терпимости въ идеяхъ и умѣренности въ дѣйствіяхъ. Дай Богъ, чтобы современная намъ демократія съумѣла воспользоваться уроками прошлаго. Партіи измѣнили свои названія, но направленіе ихъ мысли осталось тоже; конституціоналисты въ настоящее время называются лѣвымъ центромъ, жирондисты себя называютъ оппортюнистами, якобинцы получили названіе радикаловъ и Монтаньяры — непримѣримыхъ, ни задачи, ни тактика не измѣнились. Уже нѣсколько историческихъ періодовъ пережиты; моментъ рѣшительныхъ размышленій наступилъ.

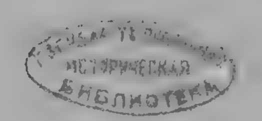
Въ обществѣ вышедшемъ изъ революціи уже больше нечего бояться угнетающаго господства какого нибудь класса, такъ классы больше уже не существуютъ, но нужно бояться злоупотребленій господствующей паріи. Противъ возможной опасности существуетъ лишь одно средство: приблизительно всѣ сходятся во мнѣніи, что необходимо главу государства поставить внѣ и выше политической борьбы. Надо идти дальше этого и въ такое же точно положеніе поставить право лица. Несомнѣнно власть должна быть сильна и хорошо вооружена, преизбытка, въ этомъ отношеніи ни-

когда не будетъ; но она должна обладать этой силой только для того, чтобы заставить уважать свободу всѣхъ, а не для того, чтобы предписывать взгляды тѣхъ, у кого она въ рукахъ, такъ какъ ея миссія быть посредникомъ между партіями, а не быть самою партіей. Пусть отступятъ назадъ фанатики, думающіе, что человѣкъ имъ принадлежитъ, такъ какъ они единственные носители истины, пусть отступятъ безпокойные мечтатели вѣчно воображающіе, что они призваны пересоздать міръ; въ настоящій часъ въ этомъ высшая потребность, въ этомъ крикъ спасенія: только въ этомъ благоденствіе Франціи.

170. Такъ какъ современный кризисъ въ идеяхъ и въ тенденціяхъ, то власти общественнаго мнѣнія и здравому смыслу народа принадлежитъ забота его разрѣшенія. Философія старается согласовать, враждующія между собою, ученія и стремится вывести изъ нихъ объединяющій синтезъ; но болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы ей это удалось. Основныя данныя дилеммы точно установлены: либо надо отказаться отъ свободы, либо надо отказаться отъ практики античнаго права, которое ее не знало, и отъ новѣйшихъ научныхъ системъ, которыя ее отрицаютъ.

Въ развитіи современной мысли Англія представляетъ идею интереса, Германія представляетъ идею силы, Франція же не была бы больше сама собою, если бы перестала представлять идею права.

Мишле въ яркомъ образѣ изображаетъ эту мысль, разсуждая по поводу одной изъ тѣхъ вспышекъ народнаго гнѣва, которыя къ несчастію были многочисленны въ нашей исторіи, и именно той изъ нихъ, которая ускорила послѣднія судороги революціи. 31 мая поразило всѣхъ тѣхъ членовъ Конвента, которые сохранили нѣкоторую гордость и нѣкоторое чувство права, другихъ же навсегда обрекло къ культу силы; и знаменитый историкъ такъ отмѣчаетъ, что должно было изъ этого воспослѣдовать: «Франція», говоритъ онъ, «потерявъ чувство права, не имѣя больше никакой пристани, къ которой можно было бы пристать поплыла по волѣ волнъ на подобіе мертваго тѣла, отъ котораго отказались и море, и земля, и которое вѣчно плыветъ, никуда не приставая».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

